

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2018. Том 16, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Психолингвистика

<i>Палкин А. Д.</i> Образ времени в языковом сознании русских и японцев	5
<i>Яковлев А. А.</i> Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента	16
<i>Грицко М. И.</i> Перспективы исследования ценностных ориентиров современной молодежи в парадигме Digital Humanities (на материалах ассоциативной базы данных СИБАС)	26
<i>Власов М. С., Павлов В. И., Ундармаа Д., Громогласова Т. И.</i> Предпочтение высокого присоединения адъюнкта при сложной именной группе в процессе разрешения синтаксической неоднозначности носителями монгольского языка	39

Лингвистика

<i>Данилова Н. И.</i> Якутские залоговые конструкции: к проблеме многозначности	48
<i>Готовцева Л. М.</i> Вариантность диалектных фразеологических единиц якутского языка	60
<i>Сафонова М. А.</i> Лингвистические параметры стилистического варьирования в биографическом тексте (на материале англоязычных биографий Уинстона Спенсера Черчилля)	69
<i>Симатова С. А.</i> Алгоритм глубинного анализа китайского текста в рамках предикационной концепции языка	84
<i>Волков К. В., Типология В. М., Солнцева</i> и синтаксическая асимметрия китайского и русского языков в аспекте перевода	92
<i>Репнина Т. В.</i> Квазиусловные конструкции в каталанском языке	103

Когнитивные исследования и перевод

<i>Чубур Т. А.</i> Методика лексико-концептуально-семантического анализа языковой и внеязыковой сфер разных культур в рамках сопоставительной лингвоконцептологии	116
<i>Соснин А. В.</i> Имя London как основная реализация лондонского текста английской лингвокультуры	130
<i>Бобылева Т. В.</i> Традиционные и новые подходы к интерпретации антитезы «SENSE / SENSIBILITY» в названии романа Дж. Остин	143

Новые издания Новосибирского государственного университета

<i>Фефелов А. Ф.</i> Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): монография / А. Ф. Фефелов; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. — 390 с. Электронное издание. ISBN 978-5-4437-0736-5	158
Сведения об авторах	159
Информация для авторов	160

VESTNIK NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2018. Volume 16, № 4

CONTENTS

Psycholinguistics

<i>Palkin Alexei D.</i> Image of Time in Language Consciousness of Russians and the Japanese	5
<i>Yakovlev Andrey A.</i> On a Procedure Error in the Free Associations Experiment	16
<i>Gritsko Maria I.</i> Prospects for Studying Value Orientations of Young Russians with Regard to Digital Humanities (based on SIBAS associative database)	26
<i>Vlasov Mikhail S., Pavlov Vladimir I., Undarmaa Davaa, Gromoglasova Tatiana I.</i> High Attachment of Adjuncts in sentences with Complex Noun Phrases during Syntactic Ambiguity Resolution in Mongolian Native Speakers	39

Linguistics

<i>Danilova Nadezhda I.</i> Yakut collateral constructions: to the problem of polysemy	48
<i>Gotovtseva Lina M.</i> Variability of Dialect Phraseological Units of the Yakut Language	60
<i>Safonova Marya A.</i> Linguistic Parameters of Stylistic Variation in Biographical Texts (based on an analysis of English biographies of Sir Winston Spencer Churchill)	69
<i>Simatova Sofya A.</i> The Algorithm of Deep Analysis for Chinese Text in the Framework of Predicational Conception of Language	84
<i>Volkov Kirill V.</i> Typology of V. M. Solntsev and Syntactic Asymmetry of the Chinese and Russian Languages with Regard to Translation	92
<i>Repnina Tatiana V.</i> Quasi-Conditional Constructions in Catalan	103

Cognitive Studies and Translation

<i>Chubur Tatiana A.</i> Methodology of Lexical-Conceptual and Semantic Analysis of the Linguistic and Extralinguistic Spheres of Different Cultures in the Framework of Linguistic-Conceptual and Comparative Studies	116
<i>Sosnin Alexey V.</i> Lexeme London as a Key Realisation of the London Text of the English Linguo-Culture	130
<i>Bobyleva Tatiana V.</i> New and Traditional Approaches to Interpretation of the Antithesis SENSE / SENSIBILITY in the Title of J. Austen's Novel	143

New Books from Novosibirsk State University Press

<i>Fefelov Anatoly</i> . Ethnocultural dilemmas and puzzles of translation: critique of metaphorical reason. Novosibirsk University Press, 2018. — 390 p. e-book: ISBN 978-5-4437-0736-5 (in Russ.)	158
Our Contributors	159
Instructions to Contributors	160

Editor in Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Maria K. Timofeeva
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov
Secretary Daria V. Ilyina

Foreign text Editor:
 Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova
 Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
 Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov
 Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology),
 Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
 Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk), Cand. Sc. (Linguistics),
 Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
 Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan), Dr. Sc. (Linguistics),
 Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics),
 Prof. Z. G. Proshina (Moscow), Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
 Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
 Dr. Sc. (Education), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
 Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Claude Fray (Paris, France),
 PhD (Philology), Assoc. Prof. Iliana Chekhova (Sofia, Bulgaria), Dr. Sc. (Linguistics),
 Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson),
 M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. S. Kurcheev, V. I. Molodin,
 G. M. Mkrtchyan, A. A. Nikitin, O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
 by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence
 Institute of Humanities, Novosibirsk State University
 1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
 Tel. +7 (383) 363 42 23
 E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru
 On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 316.72:81'37

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-5-15

А. Д. Палкин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

p-alexis@yandex.ru

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ЯПОНЦЕВ

Анализируется восприятие образа времени в русской и японской лингвокультурах. Основным методом исследования послужил ассоциативный эксперимент. Рассматриваются три выборки: русских начала 1990-х гг., русских начала XXI в. и японцев начала XXI в. Притом что русских и японцев объединяют общечеловеческие ценности, очевидны культурные различия, проявляющиеся в ассоциативных реакциях русских и японских респондентов. Имеющийся экспериментальный материал показывает, что японцы более рачительно относятся ко времени, чем русские. Чаще о важности времени упоминают именно японцы, реже – русские начала XXI в., еще реже – русские начала 1990-х гг. Японцы склонны рассматривать вещи в долгосрочной перспективе, тогда как для русских актуальнее среднесрочная перспектива. Особенность иероглифики наводит японцев на мысль о тесной связи образов времени и пространства, тогда как русский язык прямо не указывает на такую связь. Наблюдается изменение восприятия времени в русской лингвокультуре. Русские начала 1990-х гг. потеряли ценностные ориентиры в связи с распадом Советского Союза, тогда как у русских начала XXI в. эмоциональная устойчивость восстанавливается.

Ключевые слова: время, русские, японцы, языковое сознание, образ, реакция, стимул.

В одном из предыдущих номеров «Вестника НГУ» мы рассматривали образ вечности в восприятии русских и японцев [Палкин, 2018]. Образ вечности входит составной частью в образ времени. В данной статье мы продолжим затронутую тематику и на основе ассоциативных исследований рассмотрим собственно образ времени в мировидении русских и японцев.

Ассоциативный эксперимент зарекомендовал себя как эффективный метод исследования языкового сознания. Он предоставляет исследователю возможность составить представление о мыслительных процессах за счет анализа речевых овнешнений, в данном случае ассоциативных реакций на анализируемые стимулы. В результате мы можем описывать мировидение, характерное для носителей некоторой лингвокультуры, опираясь на языковой материал.

Образ времени – крайне важный для современной действительности образ сознания, по которому мы можем судить о стратегиях поведения, характерных для представителей исследу-

Палкин А. Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 5–15.

емых лингвокультур. Время традиционно воспринимается в связке с пространством, образуя с последним дихотомию, имеющую фундаментальное значение для философии в целом и философии жизнедеятельности в частности. Мы будем рассматривать образ времени с психолингвистических позиций, уделяя внимание тому, как манифестируются скрытые от прямого наблюдения элементы языкового сознания.

Время линейно. Оно располагается на оси «прошлое – настоящее – будущее», представляя в сознании человека как нечто, находящееся в постоянном движении.

Показательно наблюдение Н. Д. Арутюновой: «**Часы**, маркирующие длительность времени, идут вперед, из прошлого в будущее, отдаляясь от старта, а **время** событий идет в обратном направлении. Оно неминуемо *приближается, наступает*, оно как бы движется из будущего в настоящее. Пора делать что-либо (срок) *приходит и уходит, приближается и отдаляется, наступает и отступает*» [Арутюнова, 2011. С. 10].

Здесь же необходимо отметить сопоставление православного созерцания времени с физической трактовкой времени, осуществленное в работе В. И. Постоваловой [Постовалова, 2011. С. 96–97]. Постовалова отмечает, что И. Ньютон, рассматривая абсолютное и относительное время, трактовал первое как «истинно математическое», которое без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью; относительное время он рассматривал как «кажущееся», «обыденное», то есть как постигаемую чувствами внешнюю меру продолжительности, употребляемую в обыденной жизни вместо истинного математического времени. В свою очередь для православного мирозерцания, как и для религиозно-мифологического видения реальности в целом, реальное время жизненно-конкретно, «качественно озаменовано», то есть заполнено определенным качественным содержанием, и ценностно отмечено, тем самым отличаясь и от астрономического времени естествознания с его количественными характеристиками, и от «чистого» и «идеального» времени философии. В православном мирозерцании «окачественное» время единично, неомогенно и даже иногда обратимо. Такое время обладает способностью сгущаться и рассасываться. Аналогичным образом трактуется вечность как неотъемлемая категория времени [Там же. С. 99–100]. Если в философском понимании вечность есть нечто отдельно сущее и отвлеченное, для православного миропонимания это сам Бог. И если Бог живет в вечности, то эта «живая вечность» должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной, неизменной, умопостигаемой вечности ангельского мира, человеческих душ, математических истин и т. п. Живая, ипостасная Вечность есть вечное мгновение, не поддающееся никаким определениям и измерениям. Тогда как в радикальном философском видении время и вечность соотносятся как развернутое тождество, в православно-христианской мысли они характеризуются соположенностью, образуя нераздельное единство. В последнем случае единство времени и вечности проявляется в двух разнонаправленных процессах: «вторжения» вечности во время и во встречающих процессах проникновения «вертикальных сечений» времени в вечность.

Целью настоящего исследования является сравнение восприятия образа времени русскими и японцами. Тем самым мы получаем доступ к частице мировидения, присущей соответствующим лингвокультурам, и можем судить о том, насколько рационально расходуют время носители упомянутых лингвокультур.

Данная цель диктует постановку следующих задач: анализ экспериментального материала, представляющего собой ассоциативные реакции носителей русского и японского языков на стимул *время* и его русский эквивалент *jikan*; сравнение семантических полей указанных лексем на основе словарных дефиниций; разбиение соответствующих ассоциативных полей по смысловым компонентам; описание ассоциативных компонентов рассматриваемых ассоциативных полей; обобщение выводов касательно отношения русских и японцев к образу времени.

Обратимся к имеющемуся у нас исследовательскому материалу. Анализу подлежат три выборки: русских начала 1990-х гг., русских начала XXI в. и японцев начала XXI в. Материал для первой выборки взят из «Русского ассоциативного словаря» [2002]. Данные для этого словаря собирались с конца 1980-х по середину 1990-х гг., то есть применительно к респонден-

там первой выборки мы можем употреблять определение «респонденты постперестроечного периода». Испытуемыми были студенты различных российских вузов. На стимул «время» было получено по 103 реакции, при этом количество мужчин и женщин среди респондентов было примерно одинаковым. Материалом для второй выборки послужили реакции, полученные автором данной статьи в 2006 г. в ходе анкетирования преимущественно в московских и одном подмосковном вузе. Было опрошено 140 респондентов, при этом количество мужчин и женщин было одинаковым – по 70 человек. В ходе эксперимента испытуемым предъявлялся список, содержащий 113 слов-стимулов, на которые требовалось отреагировать в письменном виде первым пришедшим в голову словом. Материалом для третьей выборки послужили реакции, полученные автором в ходе аналогичного анкетирования, проведенного в 2001–2002 гг. в Осацком университете среди студентов – носителей японского языка. В анкетировании также приняли участие 140 респондентов (70 мужчин и 70 женщин). Испытуемым предъявлялся список из 120 слов-стимулов, являющихся эквивалентами слов из русского списка. Разница в количестве слов связана с тем, что ряд слов из русского списка не имели однозначного японского эквивалента, в связи с чем пришлось ввести несколько дополнительных стимулов. Русским испытуемым слова-стимулы предъявлялись на русском языке, японским – на японском.

Две серии экспериментов, проведенных в России, разделены промежутком в 15 лет. Этот промежуток является значимым, так как в России в 1990-х гг. происходили ощутимые политические и экономические пертурбации, которые не могли не повлиять на мировидение представителей русской лингвокультуры. Забегая вперед, отметим, что в ходе анализа ассоциативных полей нам удалось выявить значимые различия в отношении ко времени у носителей русской языка начала 1990-х гг., с одной стороны, и начала XXI в. – с другой. Для Японии последних десятилетий не характерны существенные потрясения, что не предполагает каких-либо изменений в языковом сознании представителей японской лингвокультуры. Таким образом, сопоставление двух русских выборок и одной японской является допустимым и валидным.

Стратегия анализа ассоциативных полей, примененная в настоящей статье, заключается в следующем. Рассмотрение каждого слова-стимула будет начинаться со сравнения семантического содержания слов, выражающих аналогичные образы в русском и японском языках. Значения японских слов приводятся по «Большому толковому словарю японского языка» [Daijirin, 1995]. Для русских дефиниций использовался «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1999]. Это делается для того, чтобы у читателей было четкое представление о семантике соответствующей лексемы, ведь семантическая структура стимула непосредственным образом влияет на содержание ассоциативных реакций.

Мы не ограничимся описанием ассоциативных полей. Каждое поле будет разбито на смысловые компоненты. Идея о разделении ассоциативного поля на смысловые компоненты была предложена в коллективной монографии «Ментальность россиян» [1997]. В данной статье используется следующий набор смысловых компонентов: логико-понятийный (знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивный (знания, опирающиеся непосредственно на представления о чувственно-телесной реальности), ценностно-смысловой (знания, связанные с духовными идеалами) и эмоционально-аффективный (знания, возникшие на основе субъективных переживаний). Смысловые компоненты являются составной частью сводной таблицы реакций. В табл. 1 вошли все реакции, которые набрали не менее 1,25 % (или не менее 1,5 % в округленном значении). Каждая реакция (или – при необходимости – группы реакций, выделенные по принципу семантической близости) в таблице имеет свой номер. Номер соответствует номеру в табл. 2, которая расположена непосредственно под табл. 1. Для каждого компонента и для каждой выборки в конце каждой строки таблицы в скобках приводится суммарный удельный вес всех членов данной строки.

Важно иметь в виду, что большинство реакций заключают в себе целую палитру смысловых оттенков, поэтому нередки случаи, когда семантическое содержание одной реакции так или иначе соотносится с несколькими компонентами. При атрибуции каждой реакции к определенному компоненту мы основывались на том, какой компонент в наибольшей степени соответствует семантическому содержанию реакции в связи с рассматриваемым стимулом.

При таком подходе мы не свободны от некоторой условности и субъективности, и тем не менее распределение реакций по смысловым компонентам позволяет в значительной степени упорядочить собранные нами экспериментальные данные и представить анализируемые ассоциативные поля в виде простых для восприятия схематических таблиц. Достаточно помнить, что принадлежность реакции к некоторому компоненту, как правило, не подразумевает полной тождественности семантики реакции и компонента: практически любая реакция несет в себе черты двух или более компонентов. Главное при атрибуции – какой из компонентов выражен в наибольшей степени.

После разбиения на смысловые компоненты ассоциативные поля будут сопоставлены с учетом особенностей и содержания каждого из четырех смысловых компонентов. Факты появления той или иной реакции в некотором компоненте и степень наполненности соответствующих компонентов будут соотнесены с социокультурной ситуацией в рассматриваемых лингвокультурах. Затем будут сделаны обобщающие выводы о содержании образа времени в русской и японской лингвокультурах.

Перейдем непосредственно к анализу образа времени. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова – Н. Ю. Шведовой [1999] *время* имеет большое количество трактовок: 1) одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена её явлений и состояний; 2) продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами; 3) промежуток той или иной длительности, в который совершается что-нибудь, последовательная смена часов, дней, лет; 4) Определенный момент, в который происходит что-нибудь; 5) период, эпоха; 6) пора дня, года; 7) подходящий, удобный срок, благоприятный момент; 8) период или момент, не занятый чем-нибудь, свободный от чего-нибудь; 9) в грамматике: категория глагола, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего.

В большом толковом словаре японского языка [Daijirin, 1995] японский эквивалент лексемы «время» – *jikan* – имеет сопоставимое количество трактовок: 1) продолжительность чего-нибудь, измеряемая от одной точки до другой; 2) точка, указывающая на течение времени; 3) единица времени; 4) в школе и т. п.: время определенной продолжительности, выделенное для занятия; 5) в философии: наряду с пространством одна из основных форм материи; 6) в физике: переменная, описывающая продолжительность протекания природных явлений.

Мы видим, что в основных своих семемах образы времени в русском и японском языках совпадают. Тем интереснее проследить возможные расхождения в языковом сознании носителей русского и японского языков. Именно для этого и были проведены ассоциативные эксперименты, которые позволили сформировать соответствующие ассоциативные поля.

В ходе сравнения ассоциативных полей *время* и *jikan* обращает на себя внимание тот факт, что самая частотная реакция совпадает в японской и второй русской выборках, где на слово *часы* приходятся 13 % и 17,5 % соответственно. Часы как прибор, показывающий время, – вполне ожидаемая реакция. У русских начала 1990-х гг. данная реакция набирает только 5 %. Это объясняется обилием клише в соответствующем ассоциативном поле, что не характерно для двух других полей. Так, в ядро первого русского ассоциативного поля входят реакции *деньги* (13,5 %), *вперед* (5 %), *не ждет* (5 %) и *программа* (4 %). «Время – деньги», – известная поговорка. «Время вперед» и «время не ждет» – известные слоганы времен перестройки, которые в начале 1990-х гг. оставались на слуху; реакция *программа* отсылает нас к самой известной новостной передаче советского и российского телевидения. Через 15 лет в числе повторяющихся реакций из этого списка остаются *деньги* (9 %) и *не ждет* (2 %). В японской выборке *деньги* набирают 4,5 %, что свидетельствует о наличии связки «время – деньги» и в японской лингвокультуре.

Исключительно для японского ассоциативного поля характерны реакции *нет* (8,5 %) и *важно* (6,5 %). Интенсивная работа, которая является визитной карточкой японского образа жизни, заставляет японцев ценить время и вынуждает их жаловаться на отсутствие свободного времени. Русские начала 1990-х гг. таких проблем не знают, а в начале XXI в. уже 2,5 % респондентов заявляют о том, что времени им *не хватает*, то есть постепенно и русским стала приходить

мысль о необходимости упорного труда, предполагающего нехватку времени, однако таких все равно меньшинство.

Ожидаемо мировидение русских и японцев объединено общечеловеческими ценностями. В данном случае мы наблюдаем это явление и на примере вышеупомянутой реакции *часы*, и на примере реакции *пространство*, которая возводит время в разряд философских категорий. В японской выборке данная реакция набирает 6,5 %, в первой русской выборке – 2 %, во второй русской выборке на философский лад наводят реакции *бесконечность* (3 %) и *вечность* (2 %).

Еще одна реакция – *течет* – объединяет все три выборки с показателями 3,5 %, 2 и 1,5 % соответственно. Устойчивое выражение «время течет» фигурирует в обеих лингвокультурах.

Среди других глаголов следует отметить *проходит* (5,5 %), *тратить*, *прожигать*, *занимать* (все – по 1,5 %) в японской выборке; *бежит*, *пришло* (оба – по 4 %), *идет* (3 %), *летит* (2 %) в первой русской выборке; *бежит* (3 %), *идет*, *летит* (оба – по 2 %) во второй русской выборке. Русские нередко отмечают скоротечность времени, которое им не всегда удается расходовать эффективно; японцы отмечают плавное течение времени, при этом оговариваясь, что возможно прожигание времени.

Также стоит отметить реакцию *песок*: 1,5 % в японской выборке и 5,5 % во второй русской выборке. В обеих выборках прослеживается ассоциирование времени с сыпучестью, «текучестью» песка. Тема текучести объединяет две упомянутые выборки и в случае с двумя другими реакциями: собственно *течение* (2 %) в японской выборке и *река* (3 %) в русской выборке.

Японцы проявили знание художественной литературы: реакция *Момо* (2 %) указывает на героиню одноименного романа Михаэля Энде, которая, по сюжету, спасает людей от похитителей времени. Русские респонденты в данном случае никак не проявили своих литературных пристрастий. В первой русской выборке обращает на себя внимание реакция «телевизор», видимо, в связи с программой «Время». Респондентов второй русской выборки уже не интересует эта программа.

Перейдем к рассмотрению смысловых компонентов всех трех ассоциативных полей.

Таблица 1

Разбиение ассоциативных полей *время* и *jikan* по смысловым компонентам

	Логико-понятийный компонент
Я	1; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 14; 16; 19 (47 %)
P1	1; 2; 5; 8; 10; 12; 13 (35,5 %)
P2	1; 2; 5; 8; 9; 11 (37 %)
	Ценностно-смысловой компонент
Я	2; 3; 12; 13; 17; 18 (24 %)
P1	
P2	4; 10; 12; 15 (10 %)
	Телесно-перцептивный компонент
Я	15 (1,5 %)
P1	6; 7; 9; 11; 14 (15 %)
P2	3; 6; 7; 13; 14; 18 (17 %)
	Эмоционально-аффективный компонент
Я	11 (2 %)
P1	3; 4 (10 %)
P2	16; 17 (3,5 %)

Таблица 2

Расшифровка нумерации групп реакций,
выделенных по принципу семантической близости

Я (реакции японцев)	P1 (реакции русских из РАС)	P2 (реакции русских 2006 г.)
1: 時計/часы (13 %) 2: ない/нет + 足りない/не хватает (8,5 % + 0,5 % = 9 %) 3: 大切 + 大事 + 大切なもの + 大切に/важно + + 貴重/ценно (6,5 % + 0,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 8,5 %) 4: 空間/пространство (6,5 %) 5: すぎる + すぎていく + + たつ/проходит (4,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 5,5 %) 6: 金/деньги (4,5 %) 7: 長い/долгое (4,5 %) 8: 流れる/течет (3,5 %) 9: 短い/короткое (3 %) 10: 流/течение (2 %) 11: モモ/Момо (2 %) 12: 欲しい/хочу (2 %) 13: 浪費/трата (1,5 %) 14: 存在/существование (1,5 %) 15: 砂/песок (1,5 %) 16: 悠久/вечность (1,5 %) 17: 費やす/тратить (1,5 %) 18: つぶす/прожигать (1,5 %) 19: かかる/занимать (1,5 %)	1: деньги (13,5 %) 2: программа + передача + + программа «Время» + + телевизионная программа = (4 % + 1 % + 1 % + 1 % = 7 %) 3: вперед (5 %) 4: не ждет (5 %) 5: часы (5 %) 6: бежит (4 %) 7: пришло (4 %) 8: года (3 %) 9: идет (3 %) 10: телевизор (3 %) 11: летит (2 %) 12: московское (2 %) 13: пространство (2 %) 14: течет (2 %)	1: часы (17,5 %) 2: деньги (9 %) 3: песок (5,5 %) 4: мало (3,5 %) 5: бесконечность (3 %) 6: бежит (3 %) 7: река (3 %) 8: час (3 %) 9: быстрое + быстро + + скоротечно (1,5 % + 0,5 % + 0,5 % = 2,5 %) 10: не хватает + его не хватает (2 % + 0,5 % = 2,5 %) 11: вечность (2 %) 12: жизнь (2 %) 13: идет (2 %) 14: летит (2 %) 15: много (2 %) 16: не ждет (2 %) 17: бремя (1,5 %) 18: течет (1,5 %)

В части логико-понятийного компонента процентные показатели для всех выборок близки друг к другу. Представители обеих лингвокультур подчеркивают связь времени и денег. Для японцев она менее очевидна в силу яркой выраженности ценностно-смысловой составляющей. Первая русская выборка отличается от двух других сравнительно низким показателем реакции *часы* в силу ярко выраженной эмоционально-аффективной составляющей.

Японцы в большей степени, чем русские, склонны задумываться о высоких материях: 6,5 % набирает реакция *пространство* и 1,5 % – реакция *вечность*. Высокий процентный показатель реакции *пространство* можно объяснить тем, что иероглиф 間 фигурирует и в стимуле 時間 («время»), и в реакции 空間 («пространство»). Получается, что сам язык подталкивает японцев к соположению времени и пространства. При этом следует отдавать себе отчет в том, что соответствующие иероглифические образы всплывают в сознании японца в процессе организации как письменной, так и устной речи. Что касается русских ассоциативных полей, то в первой русской выборке обнаруживаем 2 %, пришедшиеся на реакцию *пространство*, а во второй русской выборке 2 % приходятся на реакцию *вечность*, что в любом случае заметно меньше 6,5 % из японской выборки. Между тем бескрайние просторы России издавна определяли

мировидение носителей русской лингвокультуры и настраивали их на философский лад. Вот что пишет по этому поводу А. А. Коринфский: «Земная жизнь представляется воображению народа-пахаря неоглядной нивой, по которой, сменяя одна другую, проходят толпы сеятелей. Засевают они запаханную предшественниками ниву, а сами все идут и идут вперед, скрываясь с глаз все надвигающихся и надвигающихся новых сеятелей... Многое множество сказаний сложилось в народе про эту даль – сказаний, причудливой вязью переплетших христианские откровения с преданиями суеверной старины» [Коринфский, 1994. С. 531]. Изложенный взгляд на мир не получает однозначного подтверждения в полученных нами экспериментальных данных. Тот факт, что реакции *пространство* и *вечность* обнаруживаются только на периферии русских ассоциативных полей, свидетельствует о постепенной утрате русскими означенного архетипа, хотя о полном его исчезновении на текущем этапе говорить не приходится.

Японцы воспринимают время и как *долгое* (4,5 %), и как *короткое* (3 %); русские начала XXI в. – как *быстрое* (1,5 %), а русские начала 1990-х гг. традиционно предпочитают клише – *московское* (2 %).

Интересно расположились по выборкам маркеры времени. Японцы упоминают *существование* (1,5 %) как мерило времени; русские начала 1990-х гг. предлагают среднесрочную перспективу: время *года* (3 %); русские начала XXI в. колеблются между набравшими по 3 % реакциями *час* (малая продолжительность) и *бесконечность* (максимальная продолжительность). Здесь философский подход японцев контрастирует с недалёковидностью русских постперестроечного периода и расколотостью русского языкового сознания начала XXI в. Касательно последнего пункта удачно высказалась М. Б. Красильникова: «Утверждаемая постмодерном “постыстория” декларирует отказ от линейного видения социальной динамики, отказ от любых “смыслов” истории, от ее целостности. Эти установки оказались созвучными ситуации “разрыва” истории... Прошлое перестало быть понятным и стало предметом противоречивых интерпретаций. “Распавшаяся” история базируется на “распавшемся” времени, где не работает ни линейная, ни циклическая модель» [Красильникова, 2014. С. 17].

Обратимся к ценностно-смысловому компоненту, который красноречиво показывает, как ценят время русские и японцы. Совершенно очевидно, что для японцев ценность времени велика: многие из них жалуются на его отсутствие, к тому же фигурирует реакция *хочу* (2 %), при этом критические замечания о возможности *тратить* и *прожигать* время только усиливают важность этого образа для носителей японской лингвокультуры. Русские начала 1990-х гг. никак не демонстрируют пиетета перед образом времени, что можно объяснить только культурным шоком, когда старые идеалы были разрушены, а новые еще не были выработаны, в результате чего произошла девальвация многих ценностей. К началу XXI в. наблюдается рост значимости времени в языковом сознании русских, однако единство мнений отсутствует: кому-то времени *много* (2 %), а кому-то его *мало* (3,5 %) или *не хватает* (2,5 %). Отметим, что на нехватку времени русские начала XXI в. жалуются заметно чаще, что свидетельствует об их возросшей готовности созидать. Реакция *жизнь* (2 %) из той же второй русской выборки – показатель роста ценности человеческой жизни.

Телесно-перцептивный компонент не менее интересен. Известно о преимущественно зрительном восприятии мира японцами. Д. Г. Главева подчеркивает, что традиционную японскую культуру «можно определить как “близорукую” и “интровертную”, имея в виду, что она (в противоположность культурам “дальнозорким” – российской, например) осваивает прежде всего ближнее, “околотелесное” пространство. Размеры этого пространства определяются взглядом, визуальными возможностями человека» [Главева, 2003. С. 8]. На образ времени это правило распространяется. Единственная японская реакция, вошедшая в рассматриваемый компонент, – *песок* – набирает только 1,5 %. Образ песка выражает «осязаемую» текучесть времени, в связи с чем и был отнесен к данному компоненту. Остальные повторяющиеся глаголы из японской выборки практически не несут в себе телесно-перцептивной составляющей, поэтому были отнесены к другим компонентам. В свою очередь, глаголы из русских выборок вписываются именно в данный компонент, что предопределило заметное превосходство удельного веса русских реакций по телесно-перцептивному компоненту.

Показательно, что перечень глаголов движения в русском языковом сознании за пятнадцатилетний промежуток практически не изменился: *бежит, идет, летит, течет*, причем по сути неизменными остались и процентные показатели для перечисленных глаголов.

Два существенных различия между русскими выборками в данном случае – *песок* и *река* из второй русской выборки, набравшие 5,5 % и 3 % соответственно. Они не лишены логико-понятийной составляющей, но в контексте образа времени сыпучесть песка подразумевает тактильный контакт (ср. использование песочных часов). Та же логика применима и к реакции *река* в связи с ее текучестью и осязаемостью. Метафорически данные образы указывают на тактильное восприятие времени, которое в физической природе невозможно.

Наконец, эмоционально-эффективный компонент являет собой свидетельство повышенного уровня эмоциональной напряженности у русских постперестроечного периода. Мы рассматриваем понятие эмоциональной напряженности в русле индивидуальной психологии, где используется также синонимичное понятие психологической напряженности. Оно дефинируется как «психическое состояние, обусловленное предвосхищением неблагоприятного для субъекта развития событий; она сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, иногда страха, однако, в отличие от тревоги, включает в себя готовность овладеть ситуацией, действовать определенным образом» [Психология, 1990. С. 230]. Какие действия предполагаются в ситуации эмоциональной напряженности? В первую очередь речь идет о защите от ожидаемого негативного развития событий, о стремлении избежать неблагоприятных ситуаций. В случае частого повторения подобных состояний психика индивидуума подвергается избыточному стрессу, который тормозит многие естественные психические процессы мыследеятельности. В первой русской выборке синтагматические реакции *вперед* и *не ждет* (по 5 %) по своему совокупному удельному весу явно превосходят соответствующие реакции из двух других выборок, при этом данные реакции являются минимально информативными с точки зрения содержания, так как имеют в виду популярные в то время слоганы. Из подобных реакций невозможно заключить, как предложившие их респонденты относятся к образу времени. Это означает, что готовность выносить оценку у данных респондентов отсутствует. Отсутствует она по причине эмоциональной опустошенности и потери ориентиров, что было распространенным явлением в начале 1990-х гг. в эпоху слома идеологий и доктрин. Как видим, даже полные жизненной энергии студенты вузов, выступившие респондентами в ходе ассоциативного исследования, были подвержены этому явлению. Нельзя не согласиться с И. В. Кондаковым: «Все оценки и интерпретации поменялись, перепутались, сдвинулись с привычных традиционных мест. Всеобщая переоценка ценностей коснулась не только социальных и политических сторон жизни, но и нравственности, художественной культуры, в том числе и недавнего, и более отдаленного творчества» [Кондаков, 2007. С. 311]. Во второй русской выборке среди повторяющихся реакций обнаруживаем только *не ждет* с 2 %. Ей рядопологается реакция *бремя* (1,5 %), которая является рифмой к стимулу. Следовательно, в начале XXI в. эмоциональная напряженность у русских сохранилась, но, если судить по процентным показателям, она заметно ниже, чем в период распада Советского Союза.

Что касается японской выборки, то о повышенной эмоциональной напряженности речи не идет. В эмоционально-аффективный компонент вошла единственная реакция *Мамо* (2 %), которая уже обсуждалась выше. Она была отнесена к данному компоненту по той причине, что отражает литературные пристрастия японских респондентов, предполагающие эмоциональную вовлеченность.

На языковое сознание японцев по-прежнему накладывает отпечаток философия дзэн-буддизма, хотя ее влияние на текущий период не столь существенно, как несколько веков назад. Тем не менее до сих пор не потеряло актуальности утверждение Д. Судзуки о том, что «дзэн не знает времени, и поэтому для дзэн не существует ни начала, ни конца мира» [Судзуки, 2003. С. 187]. Религиозные идеи дзэн, хотя и потеряли в популярности, по-прежнему передаются в Японии из поколения в поколение через изучение традиционных искусств и обычаев, таких как икэбана, каллиграфия, чайная церемония, театры Но, кабуки и бунраку, различные боевые искусства. Все эти виды деятельности имеют налет мистичности, поэтому несут в себе атмос-

феру таинственности и возвышенности. Тем самым японец, как и многочисленные его предки, учится взирать на окружающий мир через призму правил и ограничений, продиктованных философией безмятежности. Все это способствует тому, что среднестатистический японец относится ко времени прагматично и без чрезмерных эмоций.

Прежде чем переходить к выводам, обсудим проблему возрастной вариативности. Как показала Е. Б. Чернышова [2015], существуют различия в ассоциативных реакциях школьников и студентов на одни и те же стимулы. Возрастная вариативность действительно присутствует, особенно если сравнивать реакции детей и взрослых. Респондентами нашего исследования выступают студенты, которых следует отнести к взрослым. Мы экстраполируем мировидение студентов на мировидение взрослых носителей языка. Следует признать, что мировидение студентов с высокой степенью вероятности будет отличаться от мировидения, например, пенсионеров, но и те, и другие все равно являются взрослыми носителями данного конкретного языка, по каковой причине, анализируя ассоциативные поля, составленные из реакций студентов, мы говорим о языковой картине мира русских и японцев соответственно. *Mutatis mutandis* языковая картина мира русских студентов сближается с языковой картиной мира русских в целом в большей степени, чем с языковой картиной мира японцев в целом. Тем самым нам представляется валидной экстраполяция данных, полученных от студентов, на всех носителей языка. Разумеется, если мы зададимся целью проследить возрастную вариативность, мы ее обнаружим, но общие тенденции, характерные для данного конкретного языка, как мы предполагаем, будут сохраняться в любом возрасте. Данная проблема сама по себе является крайне интересной и нуждается в специальном изучении экспериментальными средствами.

Проведенный анализ образа времени в языковом сознании русских и японцев показал, что японцы ценят время в большей степени, чем русские. Это объясняется большей интенсивностью ритма жизни в Японии, привычкой работать или учиться в напряженном режиме. Отголоски философии дзэн позволяют японцам справляться с таким ритмом, не испытывая чрезмерного стресса в эпоху научно-технической революции. Привычка трудиться и учиться в напряженном ритме начинает вырабатываться и у русских начала XXI в., что отличает их от русских постперестроечного периода: на нехватку времени жаловались только респонденты японской и второй русской выборок.

Присутствие одного и того же иероглифа в японских словах, обозначающих время и пространство, «подталкивает» японцев к мысли о соположенности соответствующих образов, обеспечивая семантемам «время» и «пространство» тесную связь в ассоциативно-вербальной сети. Мы предполагаем, что обнаруженная связь этих образов бытует как в письменной, так и в устной речи, поскольку устная форма языка реализуется с опорой на письменную форму. Японский язык – яркий тому пример. Автору данной статьи не раз случалось наблюдать ситуации, когда японцы в ходе устного общения друг с другом для достижения максимального понимания сталкивались с необходимостью объяснять, как пишется то или иное слово. Меньшая выраженность такой связи в русских выборках объясняется в том числе отсутствием схожести слов «время» и «пространство» в графическом плане. Интересен и взгляд респондентов в будущее: японцы склонны к планированию в долгосрочной перспективе, тогда как для русских перспектива времени скорее среднесрочная.

Первая русская выборка изобилует клише, что свидетельствует о потере ценностных ориентиров в условиях стремительных изменений общественных устоев. К началу XXI в. русские демонстрируют меньшую эмоциональную напряженность, что говорит о том, что «культурный шок» постепенно сходит на нет. В данном случае можно говорить и о перестройке ценностной парадигмы, сопровождающейся выработкой нового культурного кода.

Все три выборки объединяются универсальными знаниями о свойствах времени. В ядра всех ассоциативных полей входят реакции *деньги* и *часы*. Образ времени более эмоционально воспринимается русскими респондентами обоих периодов, тогда как японцы относятся к нему в большей степени прагматично.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Будущее в языке // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 6–11.
- Главева Д. Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М.: Вост. лит., 2003. 264 с.
- Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М.: КДУ, 2007. 360 с.
- Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Московский рабочий, 1994. 560 с.
- Красильникова М. Б. Концепция времени в исторической динамике русской культуры // Вестник Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. №27. С. 13–17.
- Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И. Г. Дубова. М.: Имидж-контакт, 1997. 478 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.
- Палкин А. Д. Образ вечности в русской и японской лингвокультурах // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, вып. 1. С. 41–48.
- Постовалова В. И. Время и вечность в православном мирозерцании // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 94–109.
- Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ, Астрель, 2002. 782 с.
- Судзуки Д. Дзэн и японская культура. Спб.: Наука, 2003. 524 с.
- Чернышова Е. Б. Возрастная вариативность оценочной зоны ядра русского языкового сознания // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 15–21.
- Daijirin (1995). Tokyo: Sanseido. (In Japanese.)

Материал поступил в редколлегию 25.06.2018

Alexei D. Palkin

*National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation*

p-alexis@yandex.ru

IMAGE OF TIME IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND THE JAPANESE

Perception of the image of time in Russian and Japanese linguocultures is analysed. An association experiment has become the main experimental method. Three samplings are under consideration: that of Russians of the early 1990s, that of Russians of the early 21st century, and that of the Japanese of the early 21st century. Russians and the Japanese share general human values, but cultural differences stand out in association reactions of Russian and Japanese respondents. The experimental material available shows that the Japanese are more time-conscious than Russians. The Japanese tend to consider things in a long-term perspective, while for Russians a medium-term perspective is more urgent. The specificity of hieroglyphs leads the Japanese to perceiving a close connection between time and space, while the Russian language does not provide clues of the kind, which results in fewer

reactions indicating space in Russian samplings. The paper argues that the perception of time image has altered in the Russian linguoculture recently. Russians of the early 1990s lost their axiological targets in the turmoil of the Soviet Union collapse, which is not characteristic of the 21st century Russians, who started to regain their emotional stability.

Keywords: perception of time, Russians, the Japanese, language consciousness, image, reaction, stimulus.

References

Arutiunova N. D. Budushchee v yazyke [Future in language] // N. D. Arutiunova (ed.), *Lingvofuturizm. Vzgliad yazyka v budushchee* [Linguistic Futurism. Language Gazing the Future]. Moscow, Indrik, 2011. Pp. 6–11. (In Russ.)

Glaveva D. G. Traditsionnaya yaponskaya kul'tura: Spetsifika mirovospriyatiya [Traditional Japanese Culture: World Perception Specificity]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003. (In Russ.)

Kondakov I. V. Kul'tura Rossii: kratkiy ocherk istorii i teorii [Culture of Russia: Brief Overview of History and Theory]. Moscow, KDU, 2007. (In Russ.)

Korinfskiy A. A. Narodnaya Rus': Kruglyi god skazaniy, poveriy, obychaev i poslovits russkogo naroda [People's Rus: The Year Round of Folk Tales, Legends, Customs and Proverbs of Russian Nation]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1994. (In Russ.)

Krasil'nikova, M. B. Kontsepsiya vremeni v istoricheskoy dinamike russkoy kul'tury [Concept of time in historical dynamics of Russian culture] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2014, No. 27, p. 13–17. (In Russ.)

Mental'nost' rossiyan (Spetsifika soznaniya bol'shikh grupp naseleniya Rossii) [Mentality of Russians (Specificity of Consciousness of Big Groups of Russia's population)] / Dubov I. G. (ed.). Moscow, Imidzh-kontakt, 1997. (In Russ.)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Russian Definition Dictionary]. Moscow, Azbukovnik, 1999. (In Russ.)

Palkin A. D. Obraz vechnosti v russkoy i yaponskoy lingvokulturakh [Image of eternity in Russian and Japanese linguocultures]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2018, vol. 16, issue 1, p. 41–48. (In Russ.)

Postovalova V. I. Vremia i vechnost' v pravoslavnom mirosozertsanii [Time and eternity in Orthodox world outlook] // N. D. Arutiunova (ed.), *Lingvofuturizm. Vzgliad yazyka v budushchee* [Linguistic Futurism. Language Gazing the Future]. Moscow, Indrik, 2011. P. 94–109.

Psikhologiya. Slovar' [Psychology. Dictionary]. Ed. by A.V. Petrovsky and M. G. Yaroshevsky. Moscow: Politizdat, 1990. (In Russ.)

Russkiy assotsiativnyi slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii [Russian Associations Dictionary. In 2 v. V. 1. From Stimulus to Reaction] / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, Ye. F. Tarasov. Moscow, AST, Astrel', 2002. (In Russ.)

Suzuki D. Dzen i yaponskaya kul'tura [Zen and Japanese Culture]. Saint-Petersburg: Nauka, 2003. (Transl. into Russ.)

Chernyshova Ye. B. Vozrastnaya variativnost' otsenочноy zony yadra russkogo yazykovogo soznaniya [Age variability of the evaluative zone of the Russian language consciousness core]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2015, vol. 13, issue 4, p. 15–21. (In Russ.)

Daijirin. Tokyo, Sanseido, 1995. (In Jap.)

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-16-25

А. А. Яковлев

*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия*

mr.kolobouque@rambler.ru

ОБ ОДНОМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ИЗЪЯНЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В статье обсуждается вопрос влияния на результаты свободного ассоциативного эксперимента процедуры его проведения. В ситуации, когда участники эксперимента могут дать до трёх реакций на предложенный стимул, каждая последующая реакция может быть не собственно на стимул, а на предыдущую реакцию. В результате полученные данные будут в искажённом виде представлять реальные связи в ментальном лексиконе. Анализ 6782 пар «стимул — реакция (1, 2 или 3 реакции)» показывает, что случаи, когда каждая следующая реакция дана очевидно на предыдущую, а не на стимул, не могут быть охарактеризованы как устойчивая тенденция и составляют не более 1% от общего числа реакций. Такая погрешность интерпретируется автором как несущественная. Случаи, когда каждая реакция из трёх связана со стимулом или каждая следующая реакция связана с комплексом «стимул + первая реакция», преобладают. Автор делает вывод, что это имеет место в силу особенностей ментального лексикона и его тесной связи с мышлением и сознанием человека, а именно с тем, что в момент ассоциирования в сознании возбуждается огромная сеть ассоциаций, а их экстерниоризация может проходить только последовательно.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, связь трех реакций, суть ассоциирования, характер ассоциирования, значение, методология.

1. Вводные замечания

Автору этих строк не раз случалось слышать от своих коллег упреки в том, что некоторые проводимые им ассоциативные эксперименты страдают одним изъяном, который негативно влияет на результаты эксперимента. Изъясн этот состоит в том, что в наших экспериментах испытуемым обычно даётся задание дать до трёх любых ассоциаций на предлагаемый стимул, а не одну, как это традиционно бывает. На просьбу указать работы (лучше всего экспериментальные), в которых была бы показана ошибочность такой процедуры, конкретного ответа, как правило, не следует. Наши собственные разыскания подобных исследований также не привели к результату. В связи с этим цель настоящей статьи состоит в том, чтобы разобраться в данной проблеме. Более конкретно и в форме вопроса цель можно сформулировать так: какое влияние на характер ассоциаций оказывает процедура свободного ассоциативного эксперимента, когда испытуемые могут дать до трёх ассоциаций на предложенный стимул? Этот вопрос

Яковлев А. А. Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 16–25.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© А. А. Яковлев, 2018

уже рассматривался нами в другой публикации (см. [Яковлев, 2018]), но применительно к понятию «ассоциативная норма», а не собственно к процедуре ассоциативного эксперимента.

2. Ассоциация как продукт ассоциирования и как предмет изучения (о случайном характере ассоциаций)

В психолингвистической литературе ассоциация определяется довольно просто — как результат ассоциирования, т.е. такой процедуры, когда человек при восприятии некоторого слова называет первое пришедшее ему на ум слово или несколько слов [Field 2004. С. 23]. Эта незамысловатая процедура позволяет определить качество и силу связи между словами в ментальном лексиконе [Там же], а через эту последнюю — связь между концептами и идеями, стоящими за данными словами [Sinopalnikova, 2003. С. 199].

Однако если обратиться к истории вопроса, то суть ассоциирования точно выражал ещё Е. Д. Поливанов: «В роли психологического термина слово А. (ассоциация. — А. Я.) именно и должно быть трактуемо как "привлечение" — именно: привлечение одним представлением другого представления. Здесь имеется в виду механизм памяти, т.е. тот процесс мышления, который именно и проводит перед нашим сознанием одно представление за другим. Первое представление влечёт вслед за собою или привлекает вслед себе некоторое второе представление, имеющее с первым определённые точки сближения или по сходству, или, наоборот, по контрасту, или по смежности и т.д. И вот как самый процесс этого привлечения (или нанизывания друг на друга) представлений, так и сам сближающий эти представления момент, — могут носить наименование А.» [Поливанов, 1991. С. 343].

Те же мысли можно найти и у другого классика отечественного языкознания — Ф. Ф. Фортунатова: «...Духовные явления смежные, т. е. получаемые в опыте вместе или в непосредственной преемственности, способны впоследствии воспроизводить одно другое, и точно так же духовные явления, сходные между собою, способны воспроизводить впоследствии одно другое. [...] Когда я вижу или представляю себе снег, я могу получить при этом, по действию психической ассоциации, также и представление другого предмета (т.е. воспроизведение ощущений другого предмета), сходного со снегом, равно как и наоборот, ощущение или представление другого предмета, сходного со снегом, способно вызвать за собою представление снега.

[...] Духовные явления связываются между собою, ассоциируются по смежности или по сходству, т.е. два духовные явления, полученные в опыте или как смежные, или как сходные, способны впоследствии воспроизводить одно другое. Что же значит: „способны воспроизводить“? Это выражение имеет тот смысл, что духовные явления, связанные между собой смежностью или сходством, воспроизводят в действительности одно другое, как скоро в данный момент не препятствуют какие-нибудь другие условия» [Фортунатов, 1956. С. 112–113].

Важно только понимать, что «духовные явления» означают здесь психические явления, явления сознания и образа мира. Ср. с этим и суждения другого классика — Н. В. Крушевского: «Если, вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнёзда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнёзд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [Крушевский, 1998. С. 145]. У него тоже содержится зародыш идеи о том, что изучение характера ассоциаций позволяет понять характер связей между словами, а значит, характер сходства или различия их значений.

Суть идеи о силе связи между концептами, мыслями, представлениями и т. п., которая «в свёрнутом виде» представлена в реакции, тоже можно найти у Ф. Ф. Фортунатова: «...Чем чаще сочетаются в опыте известные духовные явления или чем сильнее они в этом сочетании, тем больше они способны воспроизводить впоследствии одно другое, и наоборот, чем реже они сочетаются в опыте или чем слабее духовные явления в этом сочетании, тем менее способ-

ны они воспроизводить впоследствии одно другое» [Фортунатов, 1956. С. 113]. Примечательно и вместе с тем характерно, что схожие идеи выражал физиолог и основатель отечественной психологии И. М. Сеченов: «Всякое впечатление оставляет на душе след тем более прочный и отчётливый, чем чаще оно повторялось. Словом *прочность* выражается здесь способность следа сохраняться в душе долгое время, а словом *отчётливость* — способность чувственного образа выигрывать при повторении в определённости», — а также: «...Помимо лёгкости, с какой воспроизводятся в сознании привычные впечатления, они характеризуются ещё тем, что для воспроизведения их вовсе не нужно соответствующего комплекса внешних влияний — для этого бывает достаточно намёка или какого-нибудь побочного впечатления» [Сеченов, 2011. С. 109, 110].

Для понимания сути ассоциирования важно ещё одно обстоятельство, отмеченное некогда языковедами и психологам, а именно: различные духовные явления, как ощущения, так и представления, не существуют поодиночке [Фортунатов, 1956. С. 111–112]. Впечатления в сознании сливаются в средние итоги. «*Всякий внешний предмет или явление фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании в трёх главных направлениях: как член пространственной группы, как член преемственного ряда и как член сходственного ряда* (в смысле рядов наших классификационных систем)» [Сеченов, 2011. С. 138]. Однако эти средние итоги впечатлений не являются некоторой нерасчленённой массой: повторение схожих, но в чём-то всё же различных впечатлений влечёт за собой расчленение их общего итога в более дробные группы и их обособление, сопровождаясь появлением «ядра» группы и соответствующих внешних условий воспроизведения этих впечатлений в сознании. Всему этому сопутствует всё большая символизация предметов мысли, поскольку с каждым актом дробления мысли её предмет получает свой знак. И эти символические предметы мысли, оторванные уже от непосредственного породившего их перцептивного опыта (которые могут быть отделены от своих чувственных корней ещё большей пропастью, чем атомы от реальных предметов), способны объединяться в группы и системы [Там же. С. 89–156]. По большому счёту, на этом и основана возможность выявлять по характеру словесных ассоциаций характер связей между обозначаемыми ими идеями как «сгустками», средними итогами опыта человека.

С точки зрения методологии ассоциативного эксперимента, ассоциирование обладает ещё некоторыми особенностями, которые нельзя игнорировать.

Как позднее показали многолетние исследования А. А. Залевской и её школы [Залевская, 2005], процесс ассоциирования активизирует в сознании огромную сеть разнообразных связей, лишь одна из которых в данный момент доминирует и выражается в продукте ассоциирования – вербальной ассоциации. Этот процесс носит в большой степени вероятностный характер, а доминирующую в данный момент связь предсказать невозможно. А кроме того, невозможно предсказать и повторяемость ассоциаций при многократном проведении ассоциативного эксперимента с одной и той же группой людей и даже с одним человеком. Отсюда следует, что наблюдаемые при ассоциировании флуктуации обусловлены самой природой изучаемого явления — ментального лексикона и, в конечном счёте, сознания человека.

Важно учитывать и то, что сформированную ассоциацию между двумя словами нельзя представлять себе как стойкую последовательность между ними, ведь сущность использования слова и его связи с другими как раз и состоит в постоянном прилаживании этих связей к переменчивым и динамическим условиям речевого общения и вообще познания мира. В основе любой реакции не лежит некоторый строго заданный стандарт её возникновения, как нет в ней и стандарта её коррекций при прилаживании к условиям общения: связь между словами, проявляющаяся в виде ассоциации, не возникает и не изменяется по всегда одинаковому шаблону. Это характерно даже для связей слов, являющихся почти абсолютными синонимами.

Связь слов в ментальном лексиконе, установившаяся в норме (а не в психической или нейрофизиологической патологии) и выражающаяся в ассоциировании, проявляет не раз навсегда установленное, застывшее значение слова как средство решения речевой задачи, результат которой в ней сохраняется. Она происходит, как то и имеет место в эксперименте, в связи с **обобщённым образом множества схожих речевых задач**, когда-либо решённых с помощью

данного слова. Ассоциация как процесс связывания слов по разным характеристикам — это часть координационной структуры, включающей в себя освоенное умение решать ту или иную речевую задачу в некоторых соответствующих ей условиях. В реакции как раз и отражаются средние итоги успешных и неуспешных актов решения людьми схожих задач в схожих условиях плюс личностное переживание человеком этих актов, а не только лишь объективные связи между элементами ментального лексикона как некими абстракциями.

Следовательно, в наших экспериментах, где Ии. могли дать больше одной ассоциации, каждая следующая ассоциативная реакция не повторяет уже установившейся в узусе связи между словами, а строит эту связь заново. Случайный характер ассоциирования обосновывает, однако, возможность говорить лишь о некоторой тенденции, которая с большей или меньшей вероятностью проявляется во всей совокупности полученных от множества людей реакций и может быть, таким образом, сглажена или, наоборот, усилена условиями экспериментальной процедуры, искажая реальную картину процессов, происходящих в ментальном лексиконе.

3. Влияние процедуры эксперимента на качество ассоциаций

Для прояснения вопроса о влиянии процедуры свободного ассоциативного эксперимента на его результаты обратимся к данным нашего эксперимента, описанного в [Яковлев, 2017а; 2017б]. По заданию эксперимента две группы Ии. давали до трёх ассоциаций на известные и неизвестные им слова, причём одной группе перед экспериментом предъявлялись небольшие тексты, разъясняющие значение некоторых слов; на втором этапе обеим группам перед ассоциативным экспериментом (также до трёх возможных стимулов) предоставлялись тексты, более глубоко разъясняющие значение некоторых неизвестных им слов.

Здесь-то и возникает вопрос: не игнорируем ли мы случаи, когда каждая следующая реакция даётся на предыдущую реакцию, а не на стимул, в угоду отстаиваемой нами гипотезы?

Разумеется, есть и случаи, когда связь, скажем, второй реакции с первой реакцией выглядит более тесной, чем связь этой второй реакции собственно со стимулом. Например, ТЕНЗОР — *подарок; выигрыш*. Однако в том же ряду после второй реакции значится и третья — *документ*, которая связана с двумя предыдущими столь же неявными связями, как и со стимулом.

Ещё примеры более прочной связи между реакциями:

ТЕНЗОР — *телевизор; собака; смотреть*.

ВИВИСЕКЦИЯ — *препарировать; лягушки; больно*.

ПАССЕРОВАНИЕ — *жарка; варка*.

ГЛИАЛЬНЫЙ — *глиняный; ваза; сосуд*.

Однако нельзя сказать, что эта тенденция существенна. Куда более существенна склонность связывать вторую и третью реакцию одновременно с первой реакцией и со стимулом или только со стимулом. Например, ВИВИСЕКЦИЯ — *опыт; ошибка; смерть*.

Обе эти тенденции были отмечены нами уже на этапе обработки материала для основного исследования, и их наличие заставило нас провести дополнительный анализ всего материала, чтобы сконцентрироваться именно на этом вопросе. Дополнительно были проанализированы и материалы другого эксперимента, описанного в публикации [Яковлев, Манхирова, 2017], где Ии. также давали до трёх ассоциаций на предложенные стимулы.

Обратим внимание, что мы не рассматривали случаи, когда формально (от пробела до пробела) имеется 3 слова и более, но реакций явно меньше 3. Например:

ЧЕТВЕРГ — *четвёртый, скоро конец недели*.

НЕЗАВИСИМО — *от обстоятельств, от меня*.

НАЛЕГКЕ — *без забот, freedom*.

ИНОСТРАННЫЙ — *английский язык, фр. язык*.

АРХЕОЛОГИЯ — *скелеты доисторических животных в камнях*.

ВОСКРЕСЕНИЕ — *самый лучший день*.

ПИСАТЕЛЬ — *прозаик (про каких таких заек?)*.

МАТЕМАТИКА — *арифметика, теорема Пифагора*.

ЖИТЬ — *любо, братцы, дышать.*

УЧИТЬСЯ — *учиться и ещё раз учиться.*

КОНДУКТОР — *за проезд передаём.*

Однако мы учитывали такие случаи, когда формально (от пробела до пробела) имеется 4 слова, но реакций явно 3. Например:

УЧИТЕЛЬ — *классный учитель, школа, журнал.*

БИОЛОГИЯ — *виды, царство животных, растения.*

РЫЖИЙ — *Ron Wiensley, el sol, веснушки.*

НАУКА — *жизнь, бихевиоризм, зарождение цивилизации.*

РУГАТЬ — *матом, ни за что, бить палкой.*

ЛИНГВИСТИКА — *слово, наука, происхождение языков.*

ИСТОРИЯ — *России, искусства, много дат.*

НАЛЕГКЕ — *просто, пустые руки, без рюкзака.*

КРИЧАТЬ — *ор, кондуктор, соседи сверху.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *нелюбимый день, нет сериала, мультики утром.*

КОНДУКТОР — *тёплая одежда, крик, прибор для снятия денег.*

ВРАЧ — *больница, хирург, белый халат.*

В результате анализа нами было выявлено немало случаев с тремя реакциями, каждая из которых связана со стимулом, а не с предыдущей реакцией. Эту тенденцию можно назвать «симультианность реакций». Приведём лишь некоторые примеры:

СОЛНЕЧНЫЙ — *удар, свет, сплетение.*

ЛЮБОВЬ — *вечная, прекрасная, зла.*

КЛЕТЧАТЫЙ — *рюкзак, зонт, рубашка.*

ПЛАВАТЬ — *вода, грести, шапочка.*

СОЗНАНИЕ — *стёрлось, светлое, мутно.*

ПЯТНИЦА — *отдых, выходные, слабость.*

ЛИГИРОВАНИЕ — *лига; легальный; ликование.*

КЛЕТЧАТЫЙ — *организм, рубашка, клетка.*

ВИВИСЕКЦИЯ — *кровь; расчленёнка; боль.*

ВИВИСЕКЦИЯ — *жестокость; наука; издевательство.*

ВИВИСЕКЦИЯ — *опыт; животное; смерть.*

ОККЛЮЗИЯ — *циклон; тепло; холод.*

ОККЛЮЗИЯ — *погода; атмосфера; сложный.*

ОККЛЮЗИЯ — *циклон; облака; фронт.*

ПАССЕРОВАНИЕ — *обжаривание; польза; овощи.*

ПАССЕРОВАНИЕ — *морковь; лук; шкворчание.*

ПАССЕРОВАНИЕ — *еда; овощи; масло.*

ГЛИАЛЬНЫЙ — *вывод; человек; прибор; (И., видимо, не понял стимул, но, тем не менее, реакции связаны со стимулом, а не друг с другом).*

Как видно, эта тенденция проявляется даже в отношении тех слов, значение которых Ии. только что узнали, хотя и в меньшей степени, нежели в отношении давно знакомых слов.

Тем не менее, как было указано, прослеживается и противоположная тенденция — связь каждой последующей реакции с предыдущей, а не со стимулом. Её можно назвать «последовательность реакций» Например:

ПЛАВАТЬ — *вода, ласты, воздух.*

КРИЧАТЬ — *громко, фильм ужасов, кровь.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *Толстой, церковь, ул. Мира.*

ПОНЕДЕЛЬНИК — *алкоголь, компания, женщина.*

ЖИТЬ — *бояться, опоздание, страх.*

АРХЕОЛОГИЯ — *материал, старость, рухлядь.*

БЕССМЫСЛЕННО — *безвыходно, дверь, смысл.*

ОСТРЫЙ — *перец, чили, красный.*

СОЗНАНИЕ — *ум, думать, решать.*

ЗЕЛЁНЫЙ — *цвет, свобода, Демулен.*

Принципиально важно, что чрезвычайно редки случаи, когда первая реакция была бы на стимул, вторая — на первую, третья — на вторую (например, ЮРИСТ — *молоток, судья, справедливость*; но и этот случай, как многие подобные, неоднозначен). Чаще всего одна из реакций как-то связана по смыслу с той ситуацией, которая обозначается стимулом и другой реакцией. ПЛАВАТЬ — *бассейн, руки, шапочка*. Такие примеры трудно однозначно интерпретировать: в данном случае, например, неясно, на что дана третья реакция. Ещё один подобный «тяжёлый» случай: НЕДЕЛЯ — *месяц, год, вечность*.

Примеры, когда все три реакции вместе со стимулом относятся к одной ситуации, напротив, многочисленны. Видимо, всегда так и происходит, но это не всегда видно в конкретном случае. Такие примеры нами не учитывались как проявляющие simultaneity реакций. Приведём некоторые из них:

ПОВАР — *толстый, мальчик, шутка.*

НАУКА — *коммерциализация, бизнес, гранты.*

ГЕОГРАФИЯ — *глобус, рыжий, школа*. В данном случае не очень ясно, но можно предположить, что учитель географии у этого И. был рыжим.

БЕССМЫСЛЕННО — *трата, время, впустую*. Этот пример весьма показателен: связи между словами содержатся в сознании simultaneity, но эксперимент заставляет писать их successively. Сюда же относится пример с двумя реакциями из другой анкеты: БЕССМЫСЛЕННО — *пусто, трата времени*. В таких случаях, как представляется, восстанавливается «промежуточное звено» между реакциями, которое при обычной процедуре было бы скрыто от наблюдателя: вторая реакция как бы «обгоняет» третью. Ср.:

ОСТРЫЙ — *угол, красный, перец.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *круговорот, конец, цикл.*

ОСТРЫЙ — *нож, язык, кровь.*

РУГАТЬ — *обида, злость, страх.*

ФИЗИКА — *плохо, грустно, непонимание.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *самый, лучший, день* (И. сам поставил запятые, видимо, под влиянием задания).

НАУКА — *коммерциализация, бизнес, гранты.*

ПЛАВАТЬ — *бассейн, вода, отвечать неуверенно.*

ПЛАВАТЬ — *бассейн, nadar, pager.*

АРХЕОЛОГИЯ — *раскопки, учёные, археологи.*

ОККЛЮЗИЯ — *тёплый, холодный, фронт.*

Некоторые примеры трудно однозначно охарактеризовать: в них последующая реакция может быть на стимул, а очень похоже, что она на предыдущую реакцию. Однако не исключено, что она дана на весь комплекс «стимул + предыдущая реакция». Такие примеры нами также не учитывались, хотя, на наш взгляд, это частный случай выше описанной simultaneity реакций. Ср.:

РАБОТА — *труд, рисование, иллюстрации.*

ИНОСТРАННЫЙ — *английский, мечта, уезжать.*

ИНОСТРАННЫЙ — *студент, язык, предмет.*

ЧИНИТЬ — *чайник, кран, ключ.*

ЧИНИТЬ — *машина, здоровье, механик.*

РАБОТА — *деньги, успех, карьера.*

СТУДЕНТ — *бакалавр, долго, мучительно.*

РЫЖИЙ — *конопатый, дедушка, апельсин.*

РЫЖИЙ — *лопата, дедушка, гриб.*

БИОЛОГИЯ — *тычинка, пестик, скелет.*

КЛЕТЧАТЫЙ — *пиджак, Шотландия, юбка.*

СРЕДА — *четверг, пятница, суббота.*

ВТОРНИК — среда, четверг, будни.

ПЯТНИЦА — суббота, воскресенье, выходные.

СОЛНЕЧНЫЙ — зайчик, день, лето.

БОЛЬШОЕ — число, дело, терпение.

Видимо, верный способ проверить, действительно ли реакция дана именно на реакцию, а не на стимул, — это переставить реакции местами. Если логичность связи их обеих со стимулом теряется, то так и есть. Если же логичность связи сохраняется, то обе они даны на стимул.

Но не получится ли тогда, что все без исключения случаи реакций именно таковы? Нам представляется, что нет. Например, случаи типа БОЛЕЗНЕННО — плохо, болезнь, зараза, ИНОСТРАННЫЙ — студент, ксенофобия, расизм явно сюда не относятся, поскольку каждая последующая реакция связана с предыдущей теснее, чем со стимулом.

Качественная картина ясна: налицо обе тенденции, хотя связь каждой последующей реакции со стимулом (симультанность), а не с предыдущей реакцией (последовательность) более частотна. Однако симультианность проявляется часто и в том, что следующая реакция даётся на значение комплекса «стимул + другая реакция», а не на значение только стимула.

Что же даёт количественный анализ? Он затруднён из-за случаев, когда невозможно однозначно определить наличествующую тенденцию. Поэтому при анализе симультианности и последовательности реакций мы учитывали только те примеры, которые не оставляют сомнений в их интерпретации.

Всего было рассмотрено 6782 пары стимул — реакция (здесь под словом «реакция» имеется в виду всё, что написано в бланке, на деле это может быть одна, две или три реакции). Из них нулевых реакций — 316 (4,659 %); случаев с одной реакцией — 3415 (50,353 %). Случаев с тремя реакциями на стимул — 1553 (22,898 %); из них случаев последовательности реакций — 49 (3,155 %; 0,722 %, от общего числа пар); однозначных случаев реакции на комплекс «стимул + другая реакция» — 20 (1,288 %; 0,295 % от общего числа пар); остальные можно считать проявлением симультианности реакций. Неоднозначные примеры, разумеется, могут несколько изменить значение этих чисел, но их порядок останется прежним.

4. Некоторые выводы

Представляется, что вопрос о существенности той погрешности, которая вносится в результаты эксперимента случаями последовательности реакций, в рамках отдельных конкретных исследований может быть решён положительно, однако в подавляющем большинстве случаев он должен решаться отрицательно: эта погрешность несущественна. Коль скоро сама специфика ассоциативного эксперимента и исследуемого предмета такова, что приходится оперировать не абсолютными, а относительными и вероятностными понятиями, то и наличие немногочисленных реакций, не связанных непосредственно со стимулом, не сказывается в существенной степени на результате эксперимента. Возможно, число таких реакций порядка 1 % кому-то из исследователей покажется существенным, нам же оно представляется не нарушающим общих тенденций ассоциативного эксперимента.

Другой вывод, на который наталкивают приведённые цифры, состоит в том, что ассоциации, выражающиеся в реакциях, содержатся в сознании и ментальном лексиконе симультианно, но эксперимент заставляет писать их сукцессивно. А отсюда и кажущаяся связь реакций между собой, которая и в самом деле есть, но сама последовательность экстерииоризации реакций носит случайный характер.

Важно учитывать, что всякая реакция в ассоциативном эксперименте не существует как нечто отдельное или дискретное, она связана со всей совокупностью психических процессов и деятельности человека, с его личностью в целом и с теми процессами, которые задействованы в той воображаемой ситуации, частью которой является стимул. Реакция выражает не просто связь между парой «стимул + реакция», а связь всей совокупности знаний, возбуждаемых в сознании этой парой. Более того, не только ей, поскольку и она дана не «в вакууме», но как часть средних итогов тех ситуаций познания и общения, в которые было вовлечено

слово-стимул; и не на стимул как таковой, а на всю ситуацию, в которой человек вступает во взаимодействие со стимулом и которая связана с совокупностью средних итогов ситуаций, ассоциированных со словом-стимулом.

Ещё один важный момент следует из того, что стимул необходимо рассматривать, так сказать, в «пространственной» совокупности связей, а также во временной совокупности связей. Начало всякой вербальной ассоциации представлено обширным комплексом разнородных процессов (познание, общение, эмоционально-личностное переживание и т.п.), но интегрированных задолго до того, как эту интеграцию раскроет стимул. Об исключительной роли стимула говорить не приходится: на стимул реагирует не ментальный лексикон, а человек (активная, чувствующая, аффективно переживающая мир личность).

В ходе общения о познании мира (вообще пристрастного его отражения в образах сознания и активного его изменения в деятельности) человек усваивает разнообразные знания, формирующие в его ментальном лексиконе огромную сеть ассоциативных связей, но при этом акт экспериментального ассоциирования возникает на основе лишь одной из них, доминирующей в данный момент. В условиях ассоциативного эксперимента разнообразная информация, полученная человеком из внешнего и внутреннего мира, «оттенена» или опосредована реакцией, которая является единственной эмпирической данностью, непосредственно доступной учёному. Если бы испытуемый мог одновременно экстерииоризовать весь этот комплекс знаний и переживаний, он бы, несомненно, сделал это, но речевая деятельность развёртывается сукцессивно (т.е. линейно). Кроме этого, его ограничивает инструкция эксперимента, поэтому ему ничего не остаётся, кроме как случайным образом «выбрать» для экстерииоризации только одно слово (в крайнем случае — несколько), которое по какому-то признаку связано с некоторым фрагментом этого сложного комплекса.

Такой выбор происходит действительно случайным образом, и этот вывод подтверждается тем фактом, что обычно испытуемый не может даже постфактум сказать, по какому признаку реакция связана со стимулом. И даже если после эксперимента проводить беседы с испытуемыми, что нередко и практикуется, то заявления самих испытуемых не проясняют ситуацию, поскольку реакция вполне могла быть обусловлена иными причинами, чем те, которые уже впоследствии осознаются.

Но, хотя каждая отдельная реакция носит **случайный** характер, их совокупность выявляет, тем не менее, **закономерные** тенденции внутренних связей ментального лексикона. И если в реакциях закономерным образом проявляется некоторая устойчивая тенденция, это значит, что данная характеристика процесса упорядочивания ментального лексикона (и вообще опыта общения и познания) характерна потенциально для всех задействованных в эксперименте людей. Другое дело, что вероятность её проявления в каждой ситуации использования данного слова (в общении) может отличаться от её усреднённого показателя, выявленного экспериментом.

Список литературы

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию (Составитель Ф.М. Березин). М.: Наследие, 1998. 296 с.

Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 623 с.

Сеченов И. М. Элементы мысли: впечатления и действительность / Под ред. К.Х. Кекчеева. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 224 с.

Фортулатов Ф. Ф. Избранные труды. В 2 т. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. Т. 1. 450 с.

Яковлев А. А. Изменение значения и смысла слова как отражение новых знаний человека // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2017а. № 4. С. 239–245.

Яковлев А. А. К вопросу о физиологическом базисе семантических исследований // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017б. Вып. 17. С. 41–46.

Яковлев А. А., Манхирова В.В. Элементы обыденной картины мира в языковом сознании студента по данным ассоциативного эксперимента // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 38–56.

Яковлев А. А. Проблема вариативности ассоциативной нормы // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Филология». 2018. № 2. С. 133–141.

Field J. Psycholinguistics: The Key Concepts. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 366 p.

Sinopalnikova A. Word Association Thesaurus as a Resource for Building WordNet // GWC 2004: Second International WordNet conference: Brno, Czech Republic, January 20–23, 2004: proceedings / P. Sojka [et al.] (Eds.). Brno: Masaryk University, 2003. P. 199–205.

Материал поступил в редколлегию 18.08.2018

Andrey A. Yakovlev

*Siberian Federal University,
79 Svobodny pr., 660041 Krasnoyarsk, Russia*

mr.koloboque@rambler.ru

ON A PROCEDURE ERROR IN THE FREE ASSOCIATIONS EXPERIMENT

The paper discusses the risks of distortion of the results of a free associative experiment due to the essence of its procedure. The matter is that the “canonical” experiment’s instruction urges the participants to produce and write down at least three reactions to the proposed stimulus. It doesn’t consider the risk that each subsequent reaction, the second and/or the third one, may be induced not by the initial stimulus, but by the previous reaction which thus may also act like an occasional unintentional stimulus because not intended by the researcher.

Theoretically, there a risk that the obtained data might distort real connections between the intended stimulus and respondents’ reactions in the participants’ mental lexicon. But in reality the impact of such a distortion is not of major importance: the analysis of 6782 “stimulus — reaction (1, 2 or 3 reactions)” pairs shows that the number of cases where the described shift occurs is not statistically significant. The number of erroneous reactions which are obviously induced by the procedure flaw itself (that is, each of the following is given to the previous one, rather than to the stimulus) amounts to no more than 1% of the total number of reactions. Therefore, such an error can’t be considered as regular and must be referred to as insignificant. It’s clear now that cases where each reaction of the three is associated with the initial (intended) stimulus or each of the following reactions refers to the “stimulus + first reaction” complex largely predominate.

At the same time, as it was argued long before by Sechenov, Polivanov, Fortunatov, and Kruchevsky (Kruszewski), verbal associating is a random (stochastic) process, which means that a large majority of reactions’ meanings are unpredictable. On these grounds the author concludes that this is due to the peculiarities of the individual’s mental lexicon which is the product of their minds and consciousness. The way of their exteriorization must also be taken into account. When, triggered by the stimulus, the process of associating starts, a huge number of reactions is activated at the same time in the human brain, but their writing down can take place only sequentially. Thus, the linear character of writing may become partly responsible for an erroneous shift of the stimulus.

Keywords and phrases: associative experiment, three-reaction chain, essence of associating, nature and essence of associating, pragmatical meaning, methodology, meaning, methodology

References

- Zalevskaja A.A.* Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic researches. Word, text: Selected works]. Moscow: Gnozis, 2005. 543 p. (In Russ.)
- Krushevskij N.V.* Izbrannye raboty po yazykoznaniyu (Sostavitel' F.M. Berezin) [Selected works on linguistics]. Moscow: Nasledie, 1998. 296 p. (In Russ.)
- Polivanov E. D.* Trudy po vostochnomu i obshhemu yazykoznaniyu [Works on Eastern linguistics] Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1991. 623 p. (In Russ.)
- Sechenov I. M.* Elementy mysli: vpechatleniya i dejstvitel'nost' [Elements of thought] Pod. red. K.Kh. Kekcheeva. Izd. 2-e. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 224 p. (In Russ.)
- Fortunatov F. F.* Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1 [Selected works. In 2 vol. Vol. 1] Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1956. 450 p. (In Russ.)
- Yakovlev A. A.* Izmenenie znacheniya i smysla slova kak otrazhenie novykh znaniy cheloveka [Changes of meaning and sense of a word as the reflection of new knowledge]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya» [Vestnik TVGU. Series: Philology]. 2017a. № 4. P. 239–245. (In Russ.)
- Yakovlev A. A.* K voprosu o fiziologicheskom bazise semanticheskikh issledovanij [On the physiological basis of semantic researches]. Slovo i tekst: psikholingvisticheskij podkhod [Word and text: psycholinguistic approach]. Vol. 17. Tver': Tver. gos. un-t, 2017b. P. 41–46. (In Russ.)
- Yakovlev A. A., Mankhirova V.V.* Elementy obydennoj kartiny mira v yazykovom soznanii studenta po dannym assotsiativnogo ehksperimenta [Elements of everyday worldview in the student's language consciousness: an associative study]. Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2017. № 1. P. 38–56. (In Russ.)
- Yakovlev A. A.* Problema variativnosti assotsiativnoj normy [Problem of variations in associative norm]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya» [Vestnik TVGU. Series: Philology]. 2018. № 2. P. 133–141. (In Russ.)
- Field J.* Psycholinguistics: The Key Concepts. London, New York: Routledge, 2004. 366 p.
- Sinopalnikova A.* Word Association Thesaurus as a Resource for Building WordNet // GWC 2004: second international WordNet conference: Brno, Czech Republic, January 20–23, 2004: proceedings / P. Sojka [et al.] (Eds.). Brno: Masaryk University, 2003. P. 199–205.

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-26-38

М. И. Грицко

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

marieg@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПАРАДИГМЕ DIGITAL HUMANITIES
(НА МАТЕРИАЛАХ АССОЦИАТИВНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ СИБАС)**

В статье рассматриваются актуальные проблемы динамики ценностных ориентиров современной молодежи в контексте этнокультурной идентификации, выявляемые в ассоциативно-вербальной сети, полученной в результате массового психолингвистического ассоциативного эксперимента в Сибири и на Дальнем Востоке (2008–2013 гг.) и представленной в виде электронного ассоциативного ресурса СИБАС. Описываются теоретические аспекты формирования этнокультурной идентичности на основе этнического самосознания. Ассоциативный эксперимент рассматривается как основной способ вербализации образов этнического языкового сознания в виде ассоциативно-вербальной сети. В целях быстрой системной обработки больших массивов материала в интересующем исследователя и пользователя аспекте обосновываются преимущества использования современных электронных ассоциативных ресурсов, что полностью соответствует подходам Digital Humanities. Рассматриваются принципы формирования оценочности, акцентируется внимание на ее динамических показателях в ассоциативно-вербальной сети. На примере конкретных ассоциативных полей СИБАС в пределах тематических групп «Характеристика человека» и «Виды самоидентификации» комментируются приемы семантической таксономической и оценочной разметки ассоциативной базы данных.

Ключевые слова: языковая личность, языковое сознание, этнокультурная идентификация, этничность, идентификационные изменения, ценностные ориентиры, оценка, ассоциативный эксперимент, ассоциативная база данных, семантическая оценочная разметка, таксономическая разметка, диахронный анализ, Digital Humanities.

Гуманитарные исследования, проводимые в контексте антропоцентричного подхода, позволили накопить внушительный массив знаний, касающийся совокупного влияния различных социально-экономических, геополитических, исторических, национально-культурных факторов на формирование человеческой личности и ее судьбы в социуме, который окружает ее на протяжении всей жизни. Стало понятно, что комплексный междисциплинарный исследовательский подход с привлечением данных различных социогуманитарных наук значительно расширяет и обогащает научное видение взаимовлияния человека и социума. Психолингвистический аспект изучения человека также не может быть ограничен рамками чистой лингвистики и общей психологии. Понятие языковой личности, введенное в ассоциативную лингвистику

Грицко М. И. Перспективы исследования ценностных ориентиров современной молодежи в парадигме Digital Humanities (на материалах ассоциативной базы данных СИБАС) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 26–38.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© М. И. Грицко, 2018

в 80-х годах XX века известным отечественным ученым Ю. Н. Карауловым, позволило по-новому взглянуть на исследование современных языковых процессов, претендующих на максимальную научную объективность, однако совершенно не учитывающих при этом «индивидуально-личностного начала в языке» [Караулов, 2014. С. 19] – тех реальных носителей языка и языкового сознания, благодаря которым язык функционирует, меняется, развивается и выводит вовне «этнические константы», система которых и «является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [Лурье, 1997. С. 228]. Полноценное исследование языка через языковую личность в современных условиях может предполагать, например, всеобъемлющий анализ информации социального, психологического, философского, культурно-исторического, нейрофизиологического характера, ведь «языковая личность – вот та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 2014. С. 3].

Исследование языкового сознания, то есть образов сознания представителей того или иного этноса, отраженных в языке при помощи языковых средств, напрямую связано с изучением эволюции этнической культуры, ценностных смыслов, заложенных в основание этой культуры, традиций поведения, образа жизни и других социокультурных характеристик, позволяющих конкретной личности и обществу в целом осознавать свою этнокультурную принадлежность, этнокультурную самоидентификацию.

Важно отметить, что «один и тот же конкретный набор «элементов этничности» характеризует только один этнос даже тогда, когда тот или иной элемент из этого комплекса является общим для нескольких этносов (например, язык)» [Ешич, 2002. С. 22]. Это же имеет в виду Н. В. Уфимцева, ссылаясь на работы Э. С. Маркаряна [Маркарян, 1969. С. 68] и А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1993. С. 20], когда говорит о неповторимости этнических культур по причине особой системы организации элементов человеческого опыта, свойственной лишь определенной этнической культуре. В психологическом аспекте это можно обозначить как систему предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые лежат в основе мировидения и мировосприятия каждого народа, из чего следует вывод, что «сознание человека всегда этнически обусловлено» [Уфимцева, 2002. С. 153-154].

Наиболее актуальным способом, позволяющим зафиксировать и проанализировать образы языкового сознания человека в виде вербализованных ассоциаций, является ассоциативный эксперимент, в результате которого формируется ассоциативно-вербальная сеть, такая система ассоциативных связей в языке, в которой проявляются актуальные смыслы, ценностные ориентиры, культурные стереотипы, эмоциональные установки, характерные для данного этапа социокультурного развития определенного этноса.

Зона наших научных интересов включает в себя изучение динамики ценностных ориентиров современной молодежи в контексте процесса этнокультурной самоидентификации на материалах Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС [СИБАС] и других ассоциативных баз данных с использованием семантико-сопоставительного синхронно-диакронного анализа. СИБАС постоянно обновляется, на ее материалах разрабатываются электронные подкорпусы, которые создаются в зависимости от научных интересов исследователей с целью решения конкретных задач и создания новых способов анализа материала. С учетом вышеуказанной области исследования нами также разрабатываются и применяются приемы семантической разметки ассоциативных полей (далее АП) СИБАС по оценочному признаку.

Уточним, что понятие разметки появилось при появлении корпусной лингвистики, имеющей дело с электронными корпусами, представляющими репрезентативные объединения разнотекстовых текстов на некотором языке (как письменные, так и устные), обеспеченные специальной поисковой системой и аннотированные (то есть содержащие различные виды разметки) с целью выявления дополнительной информации для дальнейшего анализа в лингвистических целях. Принципы разметки должны быть понятны пользователям, любая разметка подразумевает независимость от текста (возможность в любой момент свободно убрать или добавить разметку). Очевидно, что ручная разметка – очень трудоемкая задача, поэтому быстро возни-

кают различные программные средства для разметки корпусов, однако для некоторых видов разметки (например, семантической и этнокультурной) пока еще невозможно сделать процесс аннотирования текста полностью автоматизированным¹. Отметим, что именно по причине субъективного человеческого фактора при аннотировании текстов разметка не может претендовать на абсолютную точность, а является лишь вспомогательным инструментом.

Каким образом принципы разметки могут быть применимы к материалу ассоциативных баз данных? Н. В. Козлова, пытаясь подобрать наиболее точное определение понятия «корпус», ссылается на мнение В. П. Захарова: «исследователь говорит о корпусе как о большом представленном в электронном виде, структурированном и размеченном, филологически представительном массиве языковых данных, предназначенных для решения определенных лингвистических задач [Захаров, 2005. С. 3]» цит. по [Козлова, 2013. С. 80]. На наш взгляд, подобное определение в полной мере может быть отнесено к электронным ассоциативным базам данных, а, следовательно, возможно аналогичное аннотирование таких ресурсов, представляющих упорядоченный массив языковых данных, с учетом специфики ассоциативной направленности материала и структуры ассоциативно-вербальной сети. Об особенностях аннотирования ассоциативных баз данных по сравнению с текстовыми корпусами и о предварительном этапе подготовки к семантической разметке по оценочному признаку см. [Грицко, 2017. С. 274-275].

Представим, как может выглядеть приблизительная оценочная разметка любого АП в ассоциативной базе данных. В качестве примера рассмотрим фрагмент ядра АП «человек» в обратном словаре. Поскольку семантическую разметку удобнее делать поэтапно на материале, объединенном в разные тематические группы, формировать необходимые тематические группы иногда проще через обратный словарь, то есть в направлении от реакций к ключевому для исследуемой группы стимулу, имеющему наибольшее число языковых связей в ассоциативно-вербальной сети. Одна из тематических групп, на примере которой нами разрабатываются приемы оценочной разметки, это группа «Характеристика человека» (подразумевающая описание, свойства и эмоции человека, качества его характера), поэтому многие стимулы, на которые испытуемые реагировали словом «человек», формируют состав исследуемой тематической группы. Отметим, что тематическая группа может состоять из разных стимулов, например, тематическую группу «Семейные отношения» может формировать не только ключевой стимул «семья», но и все стимулы, называющие членов семьи и передающие родственные отношения.

Необходимые комментарии к проведенной разметке:

1. В ходе процедуры разметки мы не рассматриваем оценочную коннотацию в отдельно взятых стимулах или реакциях, т.е. только в их сочетаемости в рамках того или иного ассоциативного поля, поскольку за единицы разметки в ассоциативном словаре могут приниматься только ассоциативные сочетания стимулов и реакций (S–R – в прямом словаре, R–S – в обратном словаре²), ведь такая «модель двух слов», хоть и не является законченным высказыванием, тем не менее это «уже необходимая его составляющая – либо грамматически оформленная его часть, либо только ядро будущего высказывания, которому еще предстоит придать завершенную форму» [Караулов, 2002. С. 751].

2. Разметка выполнена при помощи знаков «+», «-» и «?» для положительной оценки, отрицательной оценки и спорных случаев соответственно. Кроме того, разметка может быть представлена в базе в трех цветах для более наглядного восприятия распределения оценочных смыслов по всему полю (красный цвет – положительная оценка, синий цвет – отрицательная, черный цвет – спорные случаи).

¹ Аналогичные (но не идентичные) попытки по разработке приемов автоматического аннотирования текстов, представленных в электронном формате на базе платформ TXM / TEI, предпринимаются все чаще, поскольку это позволяет систематизировать исследуемый материал и быстро извлекать дополнительную информацию в зависимости от конкретных исследовательских задач [Дебрэнн, 2017].

² Традиционные схемы организации информации в ассоциативных словарях: S–R — «от стимула к реакции», R–S — «от реакции к стимулу».

Таблица 1

Фрагмент предварительной оценочной разметки ядра ассоциативного поля (АП)

«человек» в обратном ассоциативном словаре

A fragment of preliminary evaluative tagging of the associative field (AP)

"person" in the reverse associative dictionary

Стимул	Реакция
человек	общительный (+) 171; молодой (?) 161; близкий (+) 151; взрослый (?) 131; великодушный (+); деятельный (+) 128; безответственный (-); культурный (+) 125; ничтожный (-) 116; предприимчивый (+) 115; высокомерный (-) 114; странный (?) 112; знакомый (?) 111; честный (+) 106; деловой (?); энергичный (+) 104; религиозный (?) 100; инициативный (+) 98; гордый (?); независимый (?) 97; лживый (-) 6; искренний (+); непредсказуемый (?) 94; расчетливый (?) 93; жадный (-); свободный (?) 91; добрый (+); немногословный (?); пассивный (-); экономный (?) 87; личность (?) 86; самобытный (?) 85; одинокий (?); умный (+) 84; глупый (-) 81; надменный (-) 79; плохой (-) 77; больной (-); стеснительный (?); я (?) 76; изобретательный (+) 75; деловитый (+); напористый (?) 74; интересный (+) 73; осторожный (?); решительный (+) 72; жестокий (-); настырный (?); отсталый (-) 71; здоровый (+); известный (?); мудрый (+); робкий (?) 70; нищий (-); открытый (?); современный (+); талантливый (+); терпимый (+); хороший (+) 69; злой (-); ленивый (-); спокойный (+) 68; дорогой (+); застенчивый (?) 67; богатый (+); родной (+); уверенный (+) 66; несчастный (-) 65; настойчивый (+); нужный (+); стыдливый (?) 64; активный (+); великий (+); живой (+) 63; безрассудный (-); грубый (-) 62; важный (+) 61; слабый (-) 58; высокий (?); свой (+); смелый (+) 57; похожий (?) 53; чужой (?) 52; военный (?); гражданин (?); паук (?); простой (?) 51; полный (?) 50; агрессивный (+); каждый (?) 49; веселый (+) 47; сильный (+) 46; милый (+) 45; опасный (-); упрямый (?) 44; обычный (?); приятный (+) 43; русский (?) 42; ограниченный (-) 1; другой (?); маленький (?); рабочий (?) 40; коварный (-); мирный (+) 39; старый (?) 37; вдовый (?); крупный (?); пьяный (-); советский (?) 35; гармоничный (+); красивый (+) 34; наш (+); эгоист (?) 32; изменчивый (-); стремительный (?) 30 ... (10012, 450)

3. Разметку можно считать частичной, так как на данном этапе исследования на предмет оценочных значений анализируются только предметные и неперечисленные имена, прилагательные и наречия.

4. Спорные случаи, помеченные знаком «?» заслуживают отдельного внимания. Сюда относятся, во-первых, случаи, подразумевающие амбивалентную оценку («одинокий человек», «настырный человек», «осторожный человек»), а также случаи без явно выраженной оценоч-

ной коннотации, то есть сочетания с так называемыми «нейтральными» оценочными смыслами («старый человек», «вдовый человек», «каждый человек»). Тем не менее, среди лингвистов распространено устойчивое мнение, что безоценочной лексики в языке не существует. Об этом же писал Ю. Н. Караулов в послесловии к Русскому ассоциативному словарю, описывая оценочность в паре S–R: «Оценка, как составная часть суммарной взаимной информации стимула и реакции, в той или иной мере присутствует во всех разновидностях ответов, в которых мы усматриваем проявления языкового сознания. Однако среди них имеется и такая группа пар S–R, где оценка оказывается основной составляющей взаимной информации» [Караулов, 2002. С. 761]. Мы придерживаемся этой же точки зрения и полагаем, что оценочные нюансы, незаметные на первый взгляд в «нейтральных» сочетаниях S–R, а также характер оценочности в сочетаниях S–R с амбивалентными оценочными значениями, обязательно проявятся в контекстах. Для пользователей СИБАС появилась функция прямого выхода в Национальный корпус русского языка, и потому уточнить оценочное значение в спорных случаях не составит большого труда. В дальнейшем нами планируется разработать приемы аннотирования ассоциативной базы для таких случаев.

Обращение к толковым словарям для определения оценки также не всегда информативно, поскольку оценочные компоненты значения представленной там лексики отражены недостаточно полно, а разнообразные системы коннотативных помет до сих пор не унифицированы. В этом смысле ассоциативные словари и базы могут быть чрезвычайно полезны, особенно при изучении иностранных языков и в курсах по межкультурной коммуникации. Ведь они представляют не только и не столько сочетания лексических единиц на языковом уровне, сколько образы языкового сознания, которые появляются в процессе освоения этнокультуры через различные виды деятельности. Эти образы содержат характерные для данной культуры «смыслы» (в том числе и оценочные), то есть фактически формируют национально-культурную идентичность человека и выводятся вовне при помощи языка.

Сравним, например, данные ассоциативной базы данных СИБАС (АП «девушка») и толковых словарей о лексеме «девушка» для определения скрытого на первый взгляд оценочного смысла, закрепленного за этим образом в русском языковом сознании.

Таблица 2

Предварительная оценочная разметка ядра ассоциативного поля (АП)
«девушка» в прямом ассоциативном словаре
Preliminary evaluative tagging of the associative field "girl" in the direct associative dictionary

Стимул	Реакция
Девушка	красивая (+) 97; красота (+) 32; парень (?) 30; любовь (+) 19; подруга (?) 12; молодость (?) 11; красавица (+) 10; любимая (+); моя (?) 9; молодая (?) 8; платье (?); секс (?); умная (+); юноша (?) 7; женщина (?); милая (+) 5; нежность (+); стройная (+); хорошая (+) 4; баба (?); весна (?); волосы (?); краса (+); леди (?); мужчина (?); одна (?); она (?); прекрасная (+); симпатичная (+); хорошо (+); человек (?); юбка (?) 3; блондинка (?); в платье (?); высокая (?); девочка (?); друга (?); жена (?); идет; изящество (+); косы (?); любить; мальчик (?); парня (?); прекрасно (+); прелесть (+); студентка (?); счастливая (+); чикса (?); юная (?); юность (?); я (?) 2... (498, 177, 7, 125)

Статистические данные по ядерной части АП «девушка» выглядят следующим образом: 56,6 % респондентов дали положительную оценку образу девушки («красивая», «хорошая», «прелесть»); 43,4 % ответов респондентов можно отнести к спорным (скорее «нейтральным») случаям («подруга», «молодость», «человек», «весна»); отрицательных оценок нет.

Теперь посмотрим на дефиниции лексемы «девушка», представленные в пяти толковых словарях с целью выявления оценочного смысла:

Девушка: 1. Лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак. 2. Служанка, работница (разг. устар.) [ТСРЯ, 1935–1940].

Девушка: 1. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке. Сначала Петрову показалось, что это девочка-подросток. Когда же она подошла к столу — он увидел, что это девушка — и девушка хорошенькая, в расцвете лет. Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке. || Разг. форма обращения к молодой женщине. [Ланцов:] Девушка, получите с нас. (Входит официантка. Ланцов расплачивается). Погодин, Цветы живые. 2. Устар. Служанка, горничная. [СРЯ, 1981–1984].

Девушка: 1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности. Юноши и девушки. 2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но ещё не вступившее в брак. 3. Молодая служанка, горничная в барских домах (устар.). 4) Обращение к молодой женщине (разг.) [Ожегов, Шведова, 1999].

Девушка: 1. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке. || Разг. Форма обращения к молодой женщине. 2. Устар. Служанка, горничная. Красная девушка. О робком, скромном, застенчивом молодом человеке; красная девица [БТСРЯ, 1998].

Девушка: 1. Девушкой называют молодую женщину, которая достигла физической зрелости, но не состоит в браке.

Её сын встречается с девушкой. | Он танцевал со всеми девушками подряд. 2. Слово девушка часто служит обращением к молодой женщине. Девушка, вас зовут [ТСРЯ, 2003].

В указанных словарных дефинициях преобладают нейтральные значения, кроме помет «разг.» и «устар.» другие пометы не встречаются, указания на оценочный компонент значения также нет. И эта ситуация типична для исследователей и обычных пользователей, поскольку цели создания толковых словарей другие — справочно-нормирующие. Ассоциативный же словарь раскрывает перед его пользователем актуальные лингвокультурные смыслы, отражающие текущий этап существования конкретной социокультурной среды, а также актуальное эмоциональное состояние носителей данной культуры и языка. Таким образом, из приведенного выше примера, очевидно, что ассоциативный словарь (в нашем случае это — СИБАС), фиксируя положительный образ «девушки», который складывается из многообразия ассоциативных связей в усредненном языковом сознании молодых русских, значительно расширяет информацию толковых словарей в оценочном смысле и не только.

В ряду характерных для современной аксиологии терминов понятия «ценностные установки», «ценностные ориентиры (ориентации)» используются особенно часто. Мы также оперируем указанными терминами в нашем исследовании. Общеизвестно, что проблема переосмысления складывающихся веками этнокультурных ценностных установок обостряется в переломные моменты истории этноса. Ценностные ориентиры не статичны, они изменчивы в зависимости от возраста, образования, профессиональной деятельности, накопленного жизненного опыта, однако они помогают отделить «значимое, существенное для данного индивида от незначимого, несущественного» в конкретный период его жизни [Рубинштейн, 1973. С. 210]. СИБАС предлагает нам репрезентативный и валидный ассоциативный материал, в котором отражены актуальные социокультурные установки определенного слоя общества. Данные получены от молодежи Сибири и Дальнего Востока в процессе массового ассоциативного эксперимента, проводимого в начале XXI века, а сравнение полученной информации с материалами ассоциативных словарей XX века показывает изменения ценностных смыслов российского общества в переходный период его истории.

Ассоциативно-вербальная сеть позволяет рассматривать наполнение ассоциативных связей, из которых она состоит, на разных уровнях: как на микроуровне – в пределах одного АП, так и на макроуровне – при сравнении разных АП. Например, исследование соответствующих времени ценностных ориентиров россиян возможно не только при выявлении оценочных смыслов в отдельных сочетаниях S – R и определения общего оценочного фона конкретного АП, но и путем общего смыслового анализа трансформаций в структуре АП, имплицитно несущих информацию этносоциокультурного характера и свидетельствующих об изменении идентификационных процессов в обществе. В этих целях И. В. Шапошникова разработала методику глубинного анализа, выявляющую «динамику смысловых акцентуаций русской языковой личности в идентификационном измерении», основанную на выведении и интерпретации смысловых образований, обладающих признаками доминантности – психоглосс – внутри смысловых зон АП [Шапошникова, 2018. С. 257]

Результаты, получаемые при подобных исследованиях, наиболее репрезентативны в синхронно-диахронном сопоставительном аспекте с использованием ассоциативных баз данных разных временных периодов (например, СИБАС и РАС), а также с учетом территориального фактора (например, СИБАС, ЕВРАС и УрРАС). Напомним, что, на наш взгляд, для проведения подобного анализа ассоциативный материал на первом этапе целесообразно распределять по тематическим группам, в которых возможен поиск различной тематической информации. Разделение ассоциативного материала на тематические группы опять же подразумевает процедуру семантической разметки базы, но уже по принципу таксономии.

Помимо тематической группы «Характеристика человека» нами была выделена еще одна тематическая группа – «Виды самоидентификации» – с предварительным составом следующих стимулов: «человек», «личность», «я», «мы», «вместе», «все», «вы», «гражданин», «друг», «иметь», «каждый», «люди», «молодой», «народ», «нация», «наш», «он», «плохой / плохо», «российский», «русский», «самый», «свой», «семья», «студент», «товарищ», «хороший / хорошо».

К этой тематической группе мы относим стимулы, ассоциативные поля которых, с нашей точки зрения, могут в перспективе дать ответы на вопросы, важные для определения ценностных доминант (т.е. “смыслов”) в русском языковом сознании: «кто я?», «какой я?», «где я?», «с кем я?», «за кого я?», «против кого я?», «что для меня хорошо?», «что для меня плохо?», «какие люди окружают меня?», «как они относятся друг к другу?», «мое место в обществе, семье, стране» и т.д. Получив информацию о самоидентификации респондентов можно выделить признаки разных видов этносоциокультурной идентичности современной молодежи – возрастную, этническую, региональную, семейную, гендерную, религиозную, профессиональную, гражданскую, государственную, коллективную, индивидуально-личную и др.

В предыдущих работах мы уже рассматривали некоторые процессы на уровне коллективной и личной идентификации, в том числе в гражданском и государственном аспектах, на примере АП «я» и «мы» [Грицко, 2017. С. 271–273; Грицко, 2017. С. 33–39].

Существенно расширить сведения об актуальных процессах трансформации самоидентификации в России за последние 20 лет может дальнейший подробный анализ вышеназванной тематической группы в разных временных срезах с привлечением результатов исследований идентичности из других социогуманитарных наук. Кроме того, некоторые статьи из обратных ассоциативных словарей, построенных по принципу от реакции к стимулу (R–S), могут содержать «потенциальные» стимулы, ассоциативные связи которых могли бы значительно дополнить ассоциативно-вербальную сеть, но в основной список слов-стимулов, утвержденный для первого этапа эксперимента, эти «потенциальные» стимулы пока не вошли.

Рассмотрим значимость подобных случаев на примере реакции «нужно» (отмеченной в виде «потенциального» стимула в обратном словаре), отражающей потребности и морально-нравственные установки современных молодых людей. Для этого выделим смысловые и количественные изменения в ядерной части АП «нужно», применяя семантико-сопоставительный диахронный анализ.

Таблица 3

Динамика изменений в ядре ассоциативного поля (АП) «нужно»
в обратных ассоциативных источниках РАС (1988–1997) и СИБАС (2008–2013)
Dynamics of changes in the core of the associative field "нужно"
in the reverse associative sources RAS (1988-1997) and SIBAS (2008-2013)

РАС Ядро АП «нужно»	Конечно 12; необходимо, очень 7; полезно 6; кому-то, мне 5; человеку 4; можно, надо, сейчас, топливо 3; безусловно, взаимопомощь, жить, зачем, милосердие, надеяться, не нужно, образование, обязательно, письмо, сделать, сказать, стараться, это 2 ... (118+179)
СИБАС Ядро АП «нужно»	Образование; приходится 5 ; очень 4 ; сырьё; учиться 3 ; верить; договориться; наверно; служба; спать; спросить 2 ... (84, 63)
Изменения в ядре АП «нужно» (РАС/СИБАС)	Появились в ядре или изменили позицию: Образование 2/5 ; приходится 0/5 ; очень 7/4 ; сырьё 0/3 ; учиться 0/3 ; верить 0/2 ; договориться 0/2 ; наверно 0/2 ; служба 0/2 ; спать 0/2 ; спросить 0/2 Вышли из ядра: конечно 12 ; необходимо 7 ; полезно 6 ; кому-то, мне 5 ; человеку 4 ; можно, надо, сейчас, топливо 3 ; безусловно, взаимопомощь, жить, зачем, милосердие, надеяться, не нужно, обязательно, письмо, сделать, сказать, стараться, это 2

Как видно из диахронного сопоставления ассоциативного поля «нужно» в РАС и СИБАС, в структуре ядерной части поля произошли кардинальные изменения: состав ядра практически полностью обновился. И хотя численное наполнение поля не велико, тем не менее, очевидны смысловые сдвиги в языковом сознании испытуемых. Современным молодым людям для успешной самореализации необходимы получение образования, умение договариваться (т.е. быть активными участниками коммуникативных актов), возможность верить во что-то – возможно, в Бога, высшие силы или в себя.

Реакция «топливо» изменилась на лингвистически синонимичную «сырьё», но в современном экономическом и геополитическом контексте слово приобрело совершенно иной лингвокультурный смысл. С течением времени полностью ушли из ядра слова, указывающие на адресата (кому нужно) – кому-то, мне **5**; человеку **4**; некоторую неопределенность «нужности» – зачем, это **2**; синонимы и антонимы – необходимо **7**; полезно **6**; надо **3**; не нужно **2**; слова, усиливающие степень необходимости – конечно **12**; сейчас **3**; безусловно, обязательно **2**.

Кроме того, ушли из ядра такие понятия и действия, ранее устойчиво ассоциировавшиеся со словом «нужно», как взаимопомощь, милосердие, письмо, жить, надеяться, сделать, сказать, стараться **2**.

Периферия АП «нужно» заслуживает отдельного подробного внимания, ее дальнейший анализ, безусловно, внесет определенные коррективы в понимание действительно «нужных» для успешной жизни современной молодежи смысловых социокультурных ориентиров, однако в данной статье мы вынужденно ограничиваемся анализом ядерной части АП.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что аксиологический аспект изучения процессов социокультурной идентификации личности и общества в современных нестабильных геополитических условиях приобретает особую важность. Стремительные глобальные изменения традиционных форм бытия человечества выводят личность на первый план и ставят перед ней масштабные задачи по переоценке своего участия в новой глобальной действительности.

При этом в основание процессов формирования системы ценностных установок общества, самоопределения и самоидентификации человека заложен, как было замечено ранее, древнейший механизм оценки: «оценочное определение картины мира и дискурса определяется жизненным миром человека и общества, находящихся в непрерывном процессе освоения / присвоения мира и, как следствие, непрерывном поиске своей идентичности, первооснов и смыслов бытия в «потоке жизни» в направлении от пережитого, актуального к ожидаемому и потенциальному и в экзистенциальной совмещенности данных векторов» [Серебренникова, 2008. С. 9].

Однако мы считаем, что изучение аксиологической сферы в рамках современных антропологических исследований может быть значительно дополнено психолингвистическим анализом закономерностей и особенностей развития языковой личности и массового языкового сознания. Кроме того, назревшая необходимость **комплексного** осмысления системы национальных ценностных установок, отраженных на уровне языкового сознания и языка в контексте текущих этнокультурных идентификационных изменений, ставит перед лингвистическим сообществом новые актуальные задачи теоретического и практического характера. Требуется обновление лингвистической методологии и, особенно, соответствующих времени способов ее технологической реализации. В частности, в связи с насущной потребностью в освоении максимального объема информации за минимально короткое время на первый план выходят технологии Digital Humanities, т. е. способы быстрой системной обработки больших массивов психолингвистического материала в интересующем исследователя и пользователя лингво- и этнокультурном аспектах. В этом смысле ассоциативные электронные ресурсы, представляющие репрезентативный системно-организованный эмпирический материал, совмещающий в себе психический и лингвистический опыт освоения мира и заложенную в нем систему национальных ценностей, обладают богатым потенциалом для современных многоаспектных исследований в высокотехнологичных электронных форматах.

Список литературы

Грицко М. И. К вопросу о семантической разметке ассоциативных баз данных по оценочному признаку (на материале Русской региональной ассоциативной базы данных – СИБАС) // Сиб. филол. журн. 2017. № 3, с.269–285

Грицко М. И. Психолингвистический аспект исследования российской идентичности современной молодежи на материале русских ассоциативных баз данных // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сб. материалов VII Межд. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. С. 33–41

Дебренн М. Создание системы разметки французского текста дневников О. И. Давыдовой для автоматической обработки текста // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 1. С. 34–40.

Ешич М.Б. Этничность и этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 2002. С. 7–71

Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учеб.-метод. пособие. СПб., 2005. 48 с.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 750–782.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 8-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.

Козлова Н. В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11, вып. 1. С. 79–88.

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯз РАН, 1993. С.16–21

Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.

Маркарян Е. С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. 228 с.

Рубинштейн С. А. Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973. – 364 с.

Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Этносемиотрия ценностных смыслов [Текст] : коллективная монография. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 529 с.

Уфимцева Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 2002. С. 152–170

Шапошникова И. В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сиб. филол. журн. 2018. № 3. С. 255–273.

Список источников

ЕВРАС – Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения 15.08.2018).

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 15.08.2018).

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2016) / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения 22.08.2018).

УРРАС – Черкасова Г. А., Харченко Е. В. Русская региональная ассоциативная база данных УРРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/urras> (дата обращения 19.08.2018).

Список словарей

БТСРЯ, 1998 – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. Публ. в авт. ред. 2014 г. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения 07.08.2018).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / РАН. Ин-т рус. яз. М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М.: Астрель, 2002.

СРЯ, 1981–1984 – Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Рус. яз., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 11.09.2018).

ТСРЯ, 1935–1940 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935; Т. 2–4. Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938–1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 05.08.2018).

ТСРЯ, 2003 – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с. (Словари Академии Российской). URL: http://onlineslovari.com/tolkoviyi_slovar_dmitrieva/ (дата обращения 10.08.2018).

Maria I. Gritsko

*SB RAN, Institute of Philology,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marieg@mail.ru

**PROSPECTS FOR STUDYING VALUE ORIENTATIONS OF YOUNG RUSSIANS
WITH REGARD TO DIGITAL HUMANITIES
(BASED ON SIBAS ASSOCIATIVE DATABASE)**

The article considers the directions of changes in modern youth's value orientations as they are detected in the associative-verbal network, a research product of a mass psycholinguistic associative experiment, carried out in Siberia and the Far East, Russia from 2008 to 2013 and accessible in the form of an electronic associative resource known as SIBAS. In the context of the current ethno-cultural identification this process tends to become a topical issue.

The study emphasizes the importance of an integrated interdisciplinary approach involving data collection from various social sciences and humanities.

One popular trend of today's cultural linguistic and anthropological paradigm consists in researching modern linguistic processes through linguistic personalities of individual native speakers. So, the article considers some theoretical aspects related to formation of the ethno-cultural identity on the basis of ethnic self-consciousness, represented by a series of images, which include a certain set of elements of ethnicity that differ for each ethnic group. In this regard, the paper considers new tools and methods to retrieve and interpret ethnic socio-cultural meanings, present in the sources of associative images in the form of linguistic reactions characterizing a given ethnic linguistic consciousness. The advantages of the modern electronic associative resources are being substantiated. Continuous addition of psycholinguistic data require an improvement of the search tools and development of ethnosemantic tagging. This may be very helpful to satisfy researchers' or ordinary user needs. To meet this end, the paper proposes some tentative solutions of tagging which is tailored to the specific tasks of professional cultural linguistic electronic corpora in general, and is apt, in particular, to cope with the challenges of the psycholinguistic material of associative databases such as SIBAS. These are illustrated on the example of two thematic groups (associative fields), "Characteristics of man" and "Types of self-identification". Our main task was to exemplify the semantic taxonomy and the techniques of evaluative tagging meeting the needs of associative databases.

The principles of analyzing dynamic characteristics of socio-cultural data related to ethnic self-identification in youths are considered, too. The author emphasizes advantages of the data from associative sources rather than that found in explanatory dictionaries in order to know with certainty the meaningful cultural connotation of a linguistic item. Comparing semantics of diachronic data from SIBAS and RAS contained in their associative fields "nuzhno" ($\approx$ you have to, you are to...), the author discovered some relevant quantitative and qualitative shifts in value meanings which reflect highly likely new representations of young Russians about life in the context of self-identification.

Keywords: language personality, language consciousness, ethno-cultural identification, ethnicity, identification changes, value orientations, evaluation, associative experiment, associative database, semantic evaluation tagging, taxonomic tagging, diachronic analysis.

Key words: language personality, language consciousness, ethno-cultural identification, ethnicity, identification changes, value orientations, evaluation, associative experiment, associative database, semantic evaluation tagging, taxonomic tagging, diachronic analysis.

References

Debrenn M. Sozdanie sistemy razmetki frantsuzskogo teksta dnevnikov O. I. Davydovoi dlia avtomaticheskoi obrabotki teksta [A SET OF TAGS TO MARK THE FRENCH TEXT OF O. I. DAVYDOFF'S DIARY FOR THE COMPUTER RETRIEVAL OF DATA] // *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaia kommunikatsiia*. 2017. T. 15, № 1. S. 34–40.

Gritsko M.I. K voprosu o semanticheskoy razmetke assotsiativnykh baz dannykh po otsenochnomu priznaku (na materiale Russkoy regional'noy assotsiativnoy bazy dannykh – SIBAS) [Towards the idea of semantic tagging of associative databases in the evaluative aspect (on the material of the Russian regional associative database – SIBAS)]. *The Siberian Journal of Philology*. 2017, no 3, pp.269-285

Gritsko M.I. Psikholingvisticheskiy aspekt issledovaniya rossiyskoy identichnosti sovremennoy molodezhi na materiale russkikh assotsiativnykh baz dannykh [The study of modern Russian youth identity in psycholinguistic aspect on the material of Russian associative databases]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: lingvisticheskie aspekty: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Intercultural communication: linguistic aspects: proceedings of the VII international scientific and practical conference]. Novosibirsk: NGTU Publ., 2017, pp. 33-41

Eshich M.B. Etnichnost' i etnos [Ethnicity and the ethnos.]. In: *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte)* [Meeting of ethnic cultures in the mirror of language (in a comparative linguocultural aspect)]. Moscow, Nauka, 2002, pp. 7-71

Zakharov V.P. *Korpusnaya lingvistika: Uchebno-metod. Posobie* [Corpus linguistics: teaching aid]. Spb., 2005, 48 p.

Karaulov Yu.N. Russkiy assotsiativnyy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [Russian associative dictionary as a new linguistic source and a tool for the analysis of language ability]. *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t.* [Russian associative dictionary: in 2 vol.]. Moscow, 2002, vol.1, pp.750-782

Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and the linguistic personality]. Moscow, «LIBROKOM», 2014, 264 p.

Kozlova N.V. Lingvisticheskie korpusa: opredelenie osnovnykh ponyatiy i tipologiya [Linguistic corpus: typology and terms] *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2013, vol. 11, iss. 1, pp. 79-88

Leont'ev A.A. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and the world image]. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, 1993, pp. 16-21

Lur'e S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Moscow, Aspekt Press, 1997, 448 p.

Markaryan E. S. *Ocherki teorii kul'tury* [Essays on the theory of culture]. Erevan, Nauka, 1969, 268 p.

Rubinshteyn S.A. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow, Nauka, 1973, 364 p.

Serebrennikova E.F. Aspekty aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza [Aspects of axiological linguistic analysis]. *Etnosemiometriya tsennostnykh smyslov [Tekst]: kollektivnaya monografiya* [Eethnosemiotics of value meanings: Joint monograph]. Irkutsk, IGLU, 2008, 529 p.

Ufimtseva N.V. Kul'tura i problema zaimstvovaniya [Culture and the problem of loan-translation]. In: *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte)* [Meeting of ethnic cultures in the mirror of language (in a comparative linguocultural aspect)]. Moscow, Nauka, 2002, pp. 152-170

Shaposhnikova I.V. Psikhoglossy, markiruyushchie tsivilizatsionnyu identifikatsiyu rossiyskikh studentov (po materialam massovykh assotsiativnykh eksperimentov) [Psychoglosses of the civilizational identity of Russian students (based on large-scale associative experiments)]. *The Siberian Journal of Philology*. 2018, no 3. pp. 255-273

Associative databases

EVRAS – Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. *Russkiy regional'nyy assotsiativ-nyy slovar' - tezaurus EVRAS* [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS. Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. (Eds)]. URL: <http://ilingran.ru/main/publications/evras> (accessed 15.08.2018).

RAS – *Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t.* Sost. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova [The Russian Associative Dictionary: In 2 vols. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova (Eds)]. Moscow, 1994–1998. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 15.08.2018).

SIBAS – *Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh (2008–2016)*, Avt.-sost. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko. [Russian regional associative database SIBAS (2008–2016). I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Eds)]. URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 22.08.2018).

URRAS – *Cherkasova G. A., Kharchenko E. V. Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh UrRAS* [Russian regional associative database UrRAS. Cherkasova G. A., Kharchenko E. V. (Ed.)]. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/urras> (accessed 19.08.2018)

List of dictionaries

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. pod red. S. A. Kuznetsova. [The big dictionary of the Russian language. S. A. Kuznetsov (Ed.)]. St. Petersburg, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (accessed 07.08.2018).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy.* 4-e izd., dop. [The explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and idioms]. Moscow, Azbukovnik, 1999, 944 p.

RAS – *Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t.* Sost. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. [The Russian Associative Dictionary: in 2 vols. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov (Eds)]. M.: Astrel', 2002.

SRYa, 1981–1984 – *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* 2-e izd., ispr. i dop. Pod red. A. P. Evgen'evoy [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. A. P. Evgen'eva (Ed.)]. Moscow, Rus. yaz., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 11.09.2018).

TSRYa, 1935–1940 – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* Pod red. D. N. Ushakova. T. 1 [The explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. D. N. Ushakov (Ed.). Vol. 1]. Moscow, 1935–1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (accessed 05.08.2018).

TSRYa, 2003 – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* / Pod red. D. V. Dmitrieva [The explanatory dictionary of the Russian language. Dmitriev D. V. (Ed.)]. Moscow, Astrel', AST, 2003, 1578 p. (Slovari Akademii Rossiyskoy). URL: http://onlineslovari.com/tolkovyy_slovar_dmitrieva/ (accessed 10.08.2018).

М. С. Власов¹, В. И. Павлов², Д. Ундармаа^{1,3} Т. И. Громогласова⁴

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукина
(659333, Россия, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53)

² Монгольский государственный университет
(Улан-Батор, Монголия)

³ Ховдский государственный университет
(84153, Монголия, г. Ховд, Ш/Х-16/4300, Жаргалант сум)

⁴ Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ),
Новосибирск (630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56)

**ПРЕДПОЧТЕНИЕ ВЫСОКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ АДЬЮНКТА
ПРИ СЛОЖНОЙ ИМЕННОЙ ГРУППЕ
В ПРОЦЕССЕ РАЗРЕШЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ
НОСИТЕЛЯМИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА ***

Аннотация

Цель настоящего исследования состояла в определении типа предпочитаемого присоединения адьютанта в монгольском языке (высокого или низкого присоединения) с помощью *метода опроса* носителей языка. В качестве материала использовались предложения с двумя потенциальными вершинами адьютанта, например: *Гэмт хэрэгтэн тагтан дээр байсан жүжигчин_{NP2} үйлчлэгч-бусгүйг_{NP1} буудсан* (*The criminal shot the maid_{NP1} of the actress_{NP2} standing on the balcony*). Выборку испытуемых составили монгольские школьники и студенты-монолингвы в возрасте от 16 до 24 лет (всего 193 человека). *Результаты* опроса показали, что носители монгольского языка достоверно чаще выбирают первое (наиболее близкое к предикату) имя в качестве вершины определительной конструкции (в 59 % всех случаев), то есть предпочитают принцип высокого присоединения адьютанта. Выборка ответов показала высокий уровень значимости данного выбора в монгольском языке ($Z = 6,77, p < 0,001$). Указанная тенденция для современного монгольского языка выявлена впервые в психолингвистике и имеет перспективы для дальнейшего изучения. Это позволяет предварительно включить монгольский язык в группу языков, для носителей которых в целом характерно высокое присоединение адьютанта к одному из имен двусложной именной группы при разрешении глобальной синтаксической неоднозначности (наряду с японским, корейским, итальянским, греческим, немецким, русским и некоторыми другими языками).

Ключевые слова: синтаксическая неоднозначность, монгольский язык, присоединение адьютанта, высокое присоединение, психолингвистика.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № 5819.2016.6 (руководитель – М. С. Власов).

Власов М. С., Павлов В. И., Ундармаа Д., Громогласова Т. И. Предпочтение высокого присоединения адьютанта при сложной именной группе в процессе разрешения синтаксической неоднозначности носителями монгольского языка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 39–47.

Разрешение глобальной синтаксической неоднозначности – одна из актуальных проблем современной теоретической и прикладной лингвистики. Бифинитные сложноподчиненные предложения с определительными придаточными клаузами и монофинитные неоднозначные предложения с адьюнктом при сложной именной группе уже неоднократно становились предметом исследований на материале разных языков. Например, такого рода неоднозначность можно обнаружить при присоединении к одному из имен двусложной именной группы определительного придаточного (*The criminal shot the maid of the actress who was on the balcony*) или причастного оборота (*The criminal shot the maid of the actress standing on the balcony*).

В указанных примерах из-за отсутствия падежных показателей адьюнкт может присоединяться и к первому имени по принципу высокого присоединения (ВП), или раннего закрытия (*на балконе стояла служанка*), и ко второму имени по принципу низкого присоединения (НП), или позднего закрытия (*на балконе стояла актриса*). Для таких предложений возможно построить две разные синтаксические структуры, но при этом обе эти структуры будут грамматически правильными. Данное явление получило название *глобальной (структурной) синтаксической неоднозначности*.

В психолингвистике вопрос о присоединении адьюнкта в подобных предложениях с самого начала решался с помощью опросов носителей разных языков. Так, при изучении присоединения определительных придаточных установлено, что носители одних языков предпочитают ВП (носители русского, немецкого, испанского, японского, корейского и мн. других), носители других языков – НП (носители английского, шведского, румынского, норвежского и некоторых других). Данная вариативность в присоединении адьюнкта к одной из именных групп остается по-прежнему нерешенной проблемой психолингвистики: обнаруженные различия не объясняются генеалогическим родством или структурным сходством языков, нередко противоречат представлениям об универсальности механизмов синтаксического анализа, изначально объясняемого только принципом минимального присоединения [Frazier, Fodor, 1978], гипотезой имплицитной просодии в различных по структуре языках [Fodor, 1998; Fodor, 2002], наличием или отсутствием в них определенных синтаксических конструкций [Grillo, Costa, 2014], различным весом ряда факторов, влияющих на выбор высокого или низкого присоединения [Gibson et al., 1996], «лингвистической настройкой» на наиболее частотные варианты в языке [Mitchell et al., 1995]. Работа синтаксического анализатора по каждому из данных принципов частично доказана, однако ни одно из предложенных объяснений до сих пор не признано исчерпывающим.

На материале монгольского языка предпочтение того или иного варианта присоединения адьюнкта при разрешении синтаксической неоднозначности данного вида до сих пор не установлено.

Монгольский язык относится к языкам агглютинативного типа, с каноническим порядком слова типа *SOV*, поэтому в сравнении с русским или английским языком, где типичен правоветвящийся порядок слов в предложении (*SVO*), дерево синтаксических составляющих в монгольском предложении имеет левоветвящуюся структуру (зависимые составляющие предшествуют главным), косвенное дополнение обычно предшествует прямому дополнению [Janhunee, 2006. С. 231-234]. Определительные конструкции, в том числе причастные обороты, в простом предложении монгольского языка всегда препозитивны, располагаются перед определяемым именем существительным и не согласуются с ним в роде, числе или падеже, что влечет за собой явление синтаксической неоднозначности, например:

Гэмт хэрэгтэн тагтан дээр байсан жүжигчний үйлчлэгч бүсгүйг буудсан.

The criminal-Nom [the balcony on standing]_{Adjunct} actress-Gen_{NP2} the maid-Acc_{NP1} shot.¹

The criminal shot the maid_{NP1} of the actress_{NP2} standing on the balcony.

Определительные придаточные клаузы в сложноподчиненных предложениях присоединяются при помощи синонимичных союзов *гэдэг, хэмээх*. Подобные бифинитные конструкции в монгольском языке выполняют уточняющую функцию, подобно неограничительным прида-

¹ Здесь и далее NP1 – главное имя, ближайшее к предикату, NP2 – зависимое имя.

точным клаузам в английском языке, однако они редко используются в повседневной коммуникации:

Гэмт хэрэгтэн тагтан дээр зогсож байсан хэмээх жүжигчний үйлчлэгч бүсгүйг буудсан.

The criminal-Nom [the balcony on was standing who]_{Adjunct} actress-Gen_{NP2} the maid-Acc_{NP1} shot.

The criminal shot the maid_{NP1} of the actress_{NP2} who was standing on the balcony (nonrestrictive relative clause).

В указанных предложениях можно обнаружить, что имена в интересующей нас сложной именной группе (*служанка актрисы*) расположены в монгольском варианте в обратном порядке (в отличие от английского). Это различие объясняется типологической принадлежностью монгольского языка к языкам с постпозитивной вершиной адьюнкта (head-final language) [Batchuluun, 2013; Munkhtsetseg, 2017]. В отличие от аналогов на английском или русском языке [Драгой, 2006; Чернова, 2015] монгольское предложение имеет иную линейаризацию, при которой дерево составляющих имеет «зеркальную» структуру: предикат всегда располагается в конце предложения, а аргументы и адьюнкты предиката в линейной структуре располагаются справа налево (по принципу «слуга предшествует хозяину»). Стоит отметить, что канонический порядок слов в монгольском языке в узусе сегодня претерпевает определенные изменения, а союзы *гэдэг* и *хэмээх* используются все реже. Например, при трансформации предложений типа (2) субъект часто помещается непосредственно перед предикатом (*Тагтан дээр зогсож байсан жүжигчний үйлчлэгч бүсгүйг гэмт хэрэгтэн буудав*), однако данные стилистические варианты не рассматривались нами в настоящей работе. Несмотря на это они могут представлять интерес для дальнейших исследований.

Дополнительную сложность в ходе синтаксического анализа может создавать перемещение границы между финитной и инфинитной частью предложения. Это своего рода второй вид синтаксической неоднозначности, называемый *ранним и поздним открытием зависимой клаузы* (*early opening, late opening*). Данное явление наблюдается и в других языках, в частности в японском [Hirose, 2003]. Примеры предложений на монгольском языке с ранним (3) и поздним открытием инфинитной части (4) при низком присоединении адьюнкта к вершине в главной клаузе в обоих случаях приведены ниже (границы инфинитной части отмечены вертикальными линиями):

(3)

Петр	номонд	маш дуртай	хүүхдүүдэд	бэлэг	тарааж өгөв
Peter-Nom	books-Dat	very much loved-Ptcp [by children]	to children- Dat	presents-Acc	gave

(4)

Петр	номыг	хайртай байсан	хүүхдүүдэд	өдөр бүр	тарааж өгөв
Peter-Nom	books-Acc	loved-Ptcp [by Peter]	children-Dat	every day	gave

В первом случае (3) граница клаузы располагается непосредственно после подлежащего (*Петр*), а во втором случае (4) граница смещается после дополнения (*номыг*), поскольку порядок слов между субъектом и предикатом в монгольском предложении достаточно свободный и может быть связан с топиализацией какого-либо члена предложения, например, дополнения [Janhunen, 2006. С. 170].

Таким образом, разрешение глобальной синтаксической неоднозначности данного типа в монгольском языке связано, по сути, с двумя стратегиями анализа: *ранним/поздним закрытием* (*высоким/низким присоединением*) и *ранним/поздним открытием*. Это, несомненно, накладывает определенную трудность синтаксического анализа для читающего в условиях глобаль-

ной неоднозначности, при которой выбор вершины уже диктуется не грамматикой, а иными лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Каким же образом носители монгольского языка определяют вершину адъюнкта при сложной именной группе в условиях глобальной синтаксической неоднозначности данного типа?

Для решения данной задачи был проведен опрос носителей современного монгольского языка. Цель данного опроса состояла в определении типа предпочитаемого присоединения адъюнкта в форме причастного оборота в монгольском языке (ВП/НП), как в примере (1). Выбор для анализа именно монофинитной конструкции обусловлен тем, что бифинитные конструкции с союзами *гэдэг* или *хэмээх* являются редкими в современном разговорном дискурсе и могут показаться странными наивным носителям монгольского языка.

В ходе опроса носителям монгольского языка предлагалось за неограниченное время прочитать «про себя» неоднозначные предложения и ответить на вопросы относительно варианта присоединения причастного оборота (ВП vs. НП). Анкета состояла из 8 предложений с синтаксической неоднозначностью одинаковой структуры, в которых адъюнкт мог присоединяться и по принципу ВП (к главному имени, NP1), и по принципу НП (к зависимому имени, NP2). Тип открытия всегда был ранним (то есть левая граница причастного оборота располагалась непосредственно после подлежащего). Предложения, предъявляемые в ходе опроса, были сконструированы по результатам анализа научной литературы на английском и русском языках и переведены на монгольский язык авторами статьи. Все стимулы представлены в приложении.

Выборку испытуемых составили монгольские школьники и студенты в возрасте от 16 до 24 лет (всего 193 человека). Все они являлись носителями халха-монгольского языка (монолингвами), проживали в разных аймаках Монголии. Все участники исследования подписывали информированное согласие, протокол исследования был одобрен этическим комитетом участников проекта Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия).

Результаты опроса показали, что носители монгольского языка чаще выбирают наиболее близкое к предикату имя (NP1) в качестве вершины причастного оборота (в 59 % всех случаев), то есть предпочитают принцип ВП. Статистическая значимость полученных данных представлена в таблице.

Количество ответов в пользу высокого присоединения (ВП)
и низкого присоединения (НП) причастного оборота и сравнение полученной доли
с заданным значением (равновероятностным выбором) ²

Номер предложения	ВП	НП	Доля ВП	Z	p
1	98	95	0,51	0,28	0,781
2	94	99	0,49	-0,28	1,219
3	90	103	0,47	0,83	1,595
4	146	47	0,76***	7,22	0,000
5	134	59	0,69***	5,28	0,000
6	144	49	0,75***	6,95	0,000
7	108	85	0,56	1,67	0,095
8	91	102	0,47	-0,83	1,595
Всего	905	639	0,59***	7,07	0,000

² Выборка 193 испытуемых; ***уровень значимости при $p < 0,001$.

Всего было получено 905 ответов в пользу ВП адьюнкта (когда испытуемые выбирали в качестве его вершины имя, ближайшее к предикату в главной клаузе, NP1) и 630 ответов в пользу НП (когда испытуемые выбирали имя, ближайшее к причастному обороту, NP2) из возможных 1544 ответов. Для оценки значимости такого распределения ответ был использован Z -критерий для сравнения полученной доли ответов с заданным (равновероятностным) значением. В таблице приведено значение Z -критерия и p -уровня значимости. В таблице видно, что ответы на предложения № 4, 5, 6 имеют высокую тенденцию в пользу ВП (при $p < 0,001$). Реакции на предложение № 7 имеют квазизначимую тенденцию к ВП ($p < 0,1$), а реакции на остальные предложения распределились приблизительно в равных пропорциях, но при этом ни в одном случае не наблюдалась тенденция к выбору НП. В целом же, выборка ответов показала высокий уровень значимости неслучайного выбора ВП причастного оборота в монгольском языке ($Z = 7,07$, $p < 0,001$).

Указанная тенденция для современного монгольского языка выявлена впервые. Это позволяет предварительно включить монгольский язык в группу языков, для носителей которых в целом характерно высокое присоединение адьюнкта к одному из имен двусложной именной группы при разрешении глобальной синтаксической неоднозначности (наряду с японским, корейским, итальянским, греческим, немецким, русским и некоторыми другими языками).

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить приоритет высокого присоединения адьюнкта к одному из имен двусложной именной группы в неоднозначных предложениях монгольского языка. Полученные результаты, тем не менее, не позволяют сделать окончательные выводы по данной проблеме. В дальнейших исследованиях требуется учесть многие факторы, влияющие на разрешение данного типа неоднозначности в монгольском языке, такие как длина зависимой клаузы, тип предиката, местоположение границ клауз и другие лингвистические факторы.

Закономерности разрешения синтаксической неоднозначности в монгольском языке представляют собой интерес также в плане дальнейшего изучения специфических механизмов данного процесса для языков с каноническим порядком слова типа SOV и постпозитивной вершиной адьюнкта (head-final languages) [Antinucci et al., 1979].

Также значимыми для дальнейшего изучения признаются и экстралингвистические факторы, такие как объем оперативной памяти испытуемого [Swets et al., 2007; Traxler, 2007], ранние и поздние этапы когнитивной обработки предложений [Heydel, Murray 2005], психофизиологические факторы, связанные с процессами чтения [Hirotani et al., 2006; Anisimov et al., 2014; Yamada et al., 2017], индивидуальные особенности читающего [Jun, Bishop 2015].

В перспективе возможно расширение спектра методик изучения синтаксической неоднозначности в монгольском языке, в том числе с применением методов регистрации движений глаз, ЭЭГ, а также иного стимульного материала.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы признательны преподавателям Ховдского государственного университета и Монгольского государственного университета за ценные замечания, высказанные в ходе организации экспериментального исследования.

Приложение

Эрхэм хүндэт судалгаанд оролцогч та дараах өгүүлбэрүүдийг уншаад зөв хариултын доогуур зурж асуултанд хариулна уу.

Мөрдөгч нэр хүнд муутай байсан даргын найзыг олж харав.

The investigator-NOM [a bad reputation with (having)]_{Adjunct} (of) the boss-GEN_{NP2} the friend-ACC_{NP1} noticed.

The investigator noticed the friend of the boss with (having) a bad reputation.

Нэр хүнд муутай нь: найз/дарга.

Сонин бүх хот даяр танил болсон сургуулийн төслийг нийтлэв.

The newspaper-NOM [(in) the whole city well known]_{Adjunct} (of) the schools-GEN_{NP2} the projects-ACC_{NP1} published.

The newspaper published the projects of the schools well known in the whole city.

Бүх хот даяар танил болсон нь: сургууль/төсөл/

Петр газрын зурагт заагдсан тивүүдийн хэлбэрийн зураглалыг судлав.

Peter-NOM [(in) the atlas defined]_{Adjunct} (of) the continents-GEN_{NP2} the outlines-ACC_{NP1} studied.

Peter studied the outlines of the continents defined in the atlas.

Газрын зурагт заагдсан нь: хэлбэрийн зураглал/ тив/

Бүгд хөтөлбөрт тусгасан комиссын шийдвэрээс болж маргалдав.

Everybody-NOM [(in) the agenda mentioned]_{Adjunct} (of) the committees-GEN_{NP2} the decisions-ACC_{NP1} disputed about.

Everybody disputed about the decisions of the committees mentioned in the agenda.

Хөтөлбөрт тусгагдсан нь: шийдвэр/ комисс

Ард түмэн томоохон уулзалт зохион байгуулсан ардчиллын төлөөлөгчдийг дэмжив.

The people-NOM [mass meetings organizing]_{Adjunct} (of) the democrats-GEN_{NP2} the representatives-ACC_{NP1} supported.

The people supported the representatives of the democrats organizing mass meetings.

Томоохон уулзалт зохион байгуулсан нь: төлөөлөгчид/ ардчилагчид

Уралдаанд ивээн тэтгэгчидээс ихээхэн хэмжээний тэтгэлэг авсан их сургуулийн салбар сургууль ялав.

The competition-NOM [sponsorship received]_{Adjunct} (of) the university-GEN_{NP2} the branch-ACC_{NP1} was conquered by.

The competition was conquered by the branch of the university received sponsorship.

Ивээн тэтгэгчидээс ихээхэн хэмжээний тэтгэлэг авсан нь: их сургууль/ салбар сургууль

Илтгэгч онцгой аргаар тэмдэглэсэн номны бүлгүүдийг харав.

The lecturer-NOM [in a special way marked]_{Adjunct} (of) the books-GEN_{NP2} the chapters-ACC_{NP1} looked through.

The lecturer looked through the chapters of the books marked in a special way.

Онцгой аргаар тэмдэглэгдсэн нь: ном/ гарчиг (бүлэг)

Бүх ажилчид өнөөдөр их уйтгар гунигтай байсан жүжигчний сургуулилтанд оролцов.

All employees-NOM [today being gloomy]_{Adjunct} (of) the actress-GEN_{NP2} the rehearsal-ACC_{NP1} were involved in.

All employees were involved in the rehearsal of the actress being gloomy today.

Ихээхэн уйтгартай байсан нь: сургуулилт/ жүжигчин.

Список литературы

Драгой О. В. Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности // Вопр. языкознания. 2006. № 6. С. 44-61.

Чернова Д. А. Синтаксический анализ предложения в процессе восприятия речи: экспериментальное исследование обработки синтаксически неоднозначных конструкций в русском языке // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и заруб. филология. 2015. № 1 (29). С. 36-45.

Anisimov V. N., Fedorova O. V., Latanov A. V. Eye Movement Parameters in Reading Sentences with Syntactic Ambiguities in Russian // Human Physiology (Moscow). 2014. Vol. 40, № 5. P. 521–531.

- Antinucci F., Duranti A., Gebert L.* Relative clause structure, relative clause perception, and the change from SOV to SVO // *Cognition*. 1979. Vol. 7, Issue 2. P. 145–176. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(79\)90018-0](https://doi.org/10.1016/0010-0277(79)90018-0)
- Batchuluun D.* A contrastive grammar of Mongolian and English. Charis Storms & Brock David (Eds). Soyombo Printing Company, Ulaanbaatar. 2013. ISBN 99929-9-146-1
- Fodor J.D.* Learning to parse? // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1998. Vol. 27. P. 285–319.
- Fodor J.D.* Prosodic disambiguation in silent reading // *Proceedings of the North East Linguistic Society*, 32. Amherst: GSLA, Univ. of Massachusetts. 2002. P. 113–132.
- Frazier L., Fodor J.D.* The sausage machine: A new two-stage parsing model // *Cognition*. 1978. Vol. 6. P. 291–326.
- Gibson E., Schütze C., Salomon A.* The relationship between the frequency and the complexity of linguistic structure // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1996. Vol. 25. P. 59–92.
- Grillo N., Costa A.* A novel argument for the universality of parsing principles // *Cognition*. 2014. Vol. 133, №1. P. 156–187. DOI: 10.1016/j.cognition.2014.05.019
- Heydel M., Murray W.S.* On-line and off-line effects in relative clause attachment – A matter of individual preference? // Paper presented at the 18th Annual CUNY Conference on Human Sentence Processing, University of Arizona, Tucson. 2005.
- Hirose Y.* Recycling prosodic boundaries // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2003. Vol. 32. P. 167–195.
- Hirotsani M., Frazier L., Rayner K.* Punctuation and intonation effects on clause and sentence wrap-up: Evidence from eye-movements // *Journal of Memory and Language*. 2006. Vol. 54. P. 425–443.
- Janhunen J.* Mongolic languages // Brown, K. (Ed.), *The encyclopedia of language & linguistics*. Amsterdam: Elsevier. 2006. P. 231–234.
- Jun S.-A., Bishop J.* Priming Implicit Prosody: Prosodic Boundaries and Individual Differences // *Language and Speech*. 2015. Vol. 58, №4. P. 459–473. DOI:10.1177/0023830914563368
- Mitchell D. C., Cuetos F., Corley M.M.B., Brysbaert M.* Exposure-based models of human parsing: Evidence for the use of coarse-grained (non-lexical) statistical records // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1995. Vol. 24, №6. P. 469–488.
- Munkhtsetseg N.* On the Mongolian Students' Difficulties in Acquiring English Relative Clauses, Due to Syntactic Structure Difference // *At the Crossroads: Challenges of Foreign Language Learning. Second Language Learning and Teaching*. Editors: Piechurska-Kuciel, Ewa, Szymańska-Czapłak, Elżbieta, Szyszka, Magdalena (Eds.). Springer International Publishing AG. 2017. P. 53–71. Doi: 10.1007/978-3-319-55155-5_4
- Swets B., Desmet T., Hamrick D.Z., Ferreira F.* The role of working memory in syntactic ambiguity resolution: A psychometric approach // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2007. Vol. 136, № 1. P. 64–81.
- Traxler M.J.* Working memory contributions to relative clause attachment processing: A hierarchical linear modeling analysis // *Memory and Cognition*. 2007. Vol. 35, №5. P. 1107–1121. DOI: 10.3758/BF03193482.
- Yamada T., Arai M., Hirose Y.* Unforced Revision in Processing Relative Clause Association Ambiguity in Japanese: Evidence Against Revision as Last Resort // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2017. Vol. 46, №3. P. 661–714. DOI 10.1007/s10936-016-9457-8

**Mikhail S. Vlasov¹, Vladimir I. Pavlov², Davaa Undarmaa^{1,3},
Tatiana I. Gromoglasova⁴**

¹ Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University
53 Korolenko, Biysk, 659333, Russia

² National University of Mongolia
Ikh Surguuliin Gudamj-1 P.O. Box-46a/523, Ulaanbaatar, 14201, Mongolia

³ Khovd State University
Jargalant soum, Khovd, 84000, Mongolia

⁴ Novosibirsk State University of Economics and Management,
56 Kamenskaia, Novosibirsk, 630099, Russia

HIGH ATTACHMENT OF ADJUNCTS IN SENTENCES WITH COMPLEX NOUN PHRASES DURING SYNTACTIC AMBIGUITY RESOLUTION IN MONGOLIAN NATIVE SPEAKERS

Abstract

The purpose of this study was to reveal the preferences in ambiguity resolution of adjunct attachments in Mongolian (referred to as high vs. low attachment). The off-line questionnaire technique in Mongolian native speakers was used to collect the material. The sample comprises data from 193 monolingual Mongolian schoolchildren and university students aged from 16 to 24 years. The typical structure of Mongolian sentences with two potential attachment sites for the adjunct is as shown by the example: *Гэмт хэрэгтэн тагтан дээр байсан жүжигчиний_{NP2} үйлчлэгч-бүсгүйг_{NP1} бүүдсан* (*The criminal shot the maid_{NP1} of the actress_{NP2} standing on the balcony*).

Statistical results of responses' analysis show that young Mongolian native speakers tend to prefer high attachment strategy (59% of total number of cases). This percentage of NP1-preference choices shows a high level of significance of the non-random strategy when Mongolian native speakers have to resolve ambiguity of high attachment of adjunct ($Z = 6.77$, $p < 0.001$). For the Mongolian language, this off-line study is the first to establish such a psycholinguistic preference. Preliminarily, it is possible to claim that Mongolian may be included in the group of languages with high attachment preference (along with Japanese, Korean, Italian, Greek, German, and Russian).

Key words: syntactic ambiguity, Mongolian, adjunct attachment, high attachment, psycholinguistics

References

Dragoy O.V. Razreshenie sintaksicheskoy noadnoznachnosti: pravila i veroyatnosti [Relative clause attachment ambiguity resolution: the rules and probabilities]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2006, vol. 6. pp. 44-61 (In Russ.).

Chernova D.A. Sintaksicheskij analiz predlozheniya v protsesse vospriyatiya rechi: eksperimental'noye issledovaniye obrabotki sintaksicheskikh neodnoznachnykh konstruktov na russkom jazyke [Sentence parsing in speech processing: an experimental study of processing syntactically ambiguous constructions in Russian]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, vol. 1(29). Pp. 36-45 (In Russ.).

Anisimov V.N., Fedorova O.V., Latanov A.V. Eye Movement Parameters in Reading Sentences with Syntactic Ambiguities in Russian. *Human Physiology (Moscow)*, 2014, vol. 40(5). pp. 521-531.

Antinucci F., Duranti A., Gebert L. Relative clause structure, relative clause perception, and the change from SOV to SVO. *Cognition*, 1979, vol. 7(2). pp. 145–176. [https://doi.org/10.1016/0010-0277\(79\)90018-0](https://doi.org/10.1016/0010-0277(79)90018-0)

Batchuluun D. A contrastive grammar of Mongolian and English. Charis Storms & Brock David (Eds). Soyombo Printing Company, Ulaanbaatar, 2013. ISBN 99929-9-146-1

Fodor J. D. Learning to parse? *Journal of Psycholinguistic Research*, 1998, vol. 27, pp. 285–319.

Fodor J. D. Prosodic disambiguation in silent reading. *Proceedings of the North East Linguistic Society*, 2002, vol. 32. Amherst: GSLA, Univ. of Massachusetts, pp. 113–132.

Frazier L., Fodor J. D. The sausage machine: A new two-stage parsing model. *Cognition*, 1978, vol. 6, pp. 291–326.

Gibson E., Schütze C., Salomon A. The relationship between the frequency and the complexity of linguistic structure. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1996, vol. 25, pp. 59–92.

Grillo N., Costa A. A novel argument for the universality of parsing principles. *Cognition*, 2014, vol. 133 (1). pp. 156–187. DOI: 10.1016/j.cognition.2014.05.019

Heydel M., Murray W. S. On-line and off-line effects in relative clause attachment – A matter of individual preference? Paper presented at the 18th Annual CUNY Conference on Human Sentence Processing, University of Arizona, Tucson, 2005.

Hirose Y. Recycling prosodic boundaries. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2003, vol. 32, pp. 167–195.

Hirotsani M., Frazier L., Rayner K. Punctuation and intonation effects on clause and sentence wrap-up: Evidence from eye-movements. *Journal of Memory and Language*, 2006, vol. 54, pp. 425–443.

Janhunen J. Mongolic languages. In: Brown, K. (Ed.), *The encyclopedia of language & linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006, pp. 231–234.

Jun S.-A., Bishop J. Priming Implicit Prosody: Prosodic Boundaries and Individual Differences. *Language and Speech*, 2015, vol. 58(4). pp. 459–473. DOI:10.1177/0023830914563368

Mitchell D. C., Cuetos F., Corley M. M. B., Brysbaert M. Exposure-based models of human parsing: Evidence for the use of coarse-grained (non-lexical) statistical records. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1995, vol. 24 (6), pp. 469–488.

Munkhtsetseg N. On the Mongolian Students' Difficulties in Acquiring English Relative Clauses, Due to Syntactic Structure Difference. In: *At the Crossroads: Challenges of Foreign Language Learning. Second Language Learning and Teaching*. Editors: Piechurska-Kuciel, Ewa, Szymańska-Czaplak, Elżbieta, Szyszk, Magdalena (Eds.). Springer International Publishing AG, 2017, pp. 53–71. DOI: 10.1007/978-3-319-55155-5_4

Swets B., Desmet T., Hamrick D. Z., Ferreira F. The role of working memory in syntactic ambiguity resolution: A psychometric approach. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2007, vol. 136 (1). pp. 64–81.

Traxler M. J. Working memory contributions to relative clause attachment processing: A hierarchical linear modeling analysis. *Memory and Cognition*, 2007, vol. 35(5). pp. 1107–1121. DOI: 10.3758/BF03193482.

Yamada T., Arai M., Hirose Y. Unforced Revision in Processing Relative Clause Association Ambiguity in Japanese: Evidence Against Revision as Last Resort. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2017, vol. 46 (3). pp. 661–714. DOI 10.1007/s10936-016-9457-8

УДК 811.512.1

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-48-59

Н. И. Данилова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия*

Nadiv2008@mail.ru

ЯКУТСКИЕ ЗАЛОГОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ

В статье представлен результат семантического анализа многозначных залоговых конструкций в якутском языке. Анализ выполнен с возможным учетом лексико-семантической принадлежности глагольного предиката конструкции и характера актантов ситуации. Рассматриваются случаи семантической корреляции в якутском языке по линии каузатив-пассив, пассив-рефлексив, рефлексив-пассив, реципрок-итератив. Эти типы многозначности распространены не только в якутском и, соответственно, тюркских языках, но и в языках других типологических групп.

Ключевые слова: якутский язык, функциональная семантика, залоговая форма, многозначность, глагольный предикат.

Введение

Проблема семантического толкования тюркских залоговых конструкций, в том числе и якутских, связана прежде всего с тем, что сами показатели залога, как правило, полисемичны, а некоторые из них имеют общее происхождение и значение. Соответственно, такая конструкция может иметь широкий семантический спектр, вплоть до совпадения со значением конструкции, сформированной показателем другого залога. К примеру, в тюркологии широко известно участие глагольной формы, маркированной показателем побудительного залога, в формировании конструкций с пассивной семантикой. Это явление обнаруживается не только в пределах тюркской классификационной группы, но и во всем алтайском языковом родстве. Обращает на себя внимание также общность семантики страдательного и возвратного залогов в тюркских языках. Многими тюркологами выдвигается предположение о том, что эти залоговые формы могут иметь не только семантическую, но и генетическую общность. Кроме того, семантически близки значения возвратного и совместно-взаимного залогов, поскольку оба эти залоговые формы подразумевают наличие множества участников ситуации. Более того, многозначность залоговых форм выходит за пределы категории залоговости. Так, часто коррелируют значения залоговой формы совместности/взаимности и видовой формы многократности. Такой харак-

Данилова Н. И. Якутские залоговые конструкции: к проблеме многозначности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 48–59.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© Н. И. Данилова, 2018

тер залоговых конструкций вынуждает искать разные способы и подходы, обеспечивающие возможно более объективное описание семантики залоговых конструкций.

Многозначность залоговых конструкций в лингвистических исследованиях

Полисемия глагольных форм с залоговыми показателями наблюдается в языках самой разной типологической принадлежности и активно обсуждается в лингвистических исследованиях. К примеру, по свидетельству В. П. Недялкова, «рефлексивно-реципрокальная полисемия представлена достаточно широко в языках мира. Она представлена в ряде индоевропейских, финно-угорских, семитских, тибето-бирманских, африканских, австралийских, северо- и южно-американских индейских языков и др.» [Недялков, 2004. С. 351]. Кроме этого, во многих языках отмечается еще два типа полисемии **реципрокальных показателей**: реципрокально-социативная и итеративно-реципрокальная [там же. С. 315].

Важно при этом отметить, что при всем разнообразии определения залога семантическая роль самой глагольной лексемы принимается во всех подходах к категории залога: и в традиционном формально-морфологическом, и в известной теории диатезы, и в подходе к залогу с учетом коммуникативного ранга участников ситуации. Очевидно, что опору на предикат — именной или глагольный — подразумевает также понятие «предикативная конструкция», которая служит базовым понятием синтаксической концепции сибирской лингвистической школы. В исследованиях представителей этого теоретического направления обращается внимание на роль глагольного предиката в построении конструкций того или иного семантического типа. Например, «носителем семантики ситуативного пространственного отношения является, в первую очередь, *локативный предикат*», предполагающий обязательный актант-локализатор [Невская, 2005. С. 14]. В работах данного направления подчеркивается также «особая роль глагольной семантики в формировании моделей предложения» [Байыр-оол А. В., Добринина А. А., Озонова А. А. и др., 2013. С. 3], отмечается разная степень сочетаемости вспомогательных глаголов с глаголами различной лексико-семантической принадлежности в глагольных аналитических конструкциях [Тазранова, 2005. С. 177, Шамина, 2010. С. 208] и значимость набора актантов глагольного предиката синтаксической конструкции [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008. С. 3].

Основанием для подхода к анализу залоговых конструкций с учетом лексико-семантической принадлежности глагольного предиката может служить также отмечаемая в тюркских языках особенность залога, которая заключается в том, что «каждый косвенный залог охватывает лишь незначительную часть глагольной лексики. В одном из своих общих и частных значений он образуется от одного круга глаголов, в другом — от другого в полной зависимости от природы их лексического значения или от охарактеризованности данного глагола по категории переходности/непереходности, следовательно, тоже в зависимости от характера его лексического содержания» [Юлдашев, 1988. С. 272-273].

Как показывает материал якутского языка, лексическое содержание глагольной основы обуславливает не только избирательность в образовании той или иной залоговой формы, но и ту или иную семантическую модификацию одной формы. Выполненный ранее анализ якутских каузативных конструкций показал, что, как и в любой единице речевого общения, в семантической ситуации отражается характер связей всех элементов общения, в частности, характер отношения действия к участникам (актантам) ситуации, о которой речь идет в высказывании. При этом было установлено, что «реализация того или иного каузативного значения зависит от специфики лексической семантики каузативного глагола, которая в свою очередь обуславливает особенности актантов ситуации» [Данилова, 2013. С. 25]. Взаимосвязь семантики синтаксической конструкции и лексико-семантической принадлежности ее глагольного предиката отмечается во многих функционально-семантических исследованиях на материале якутского языка. Так, Н. Н. Ефремов отметил, что «предикаты локативных конструкций выражаются глаголами и другими предикативными формами с пространственной семантикой, которые являются структурно-семантическими вершинами данных построений» [Ефремов, 2014. С. 22]. Более того, такая конструкция может иметь ту или иную семантическую модификацию «в за-

висимости от лексической семантики глагола, выступающего в качестве пространственного предиката: конечную точку движения субъекта или перемещения объекта, так и их местонахождение» [Ефремов, 2012. С. 23]. Трактовка залога с учетом лексико-семантической принадлежности глагольного предиката, который обуславливает ту или иную роль актантов ситуации, в целом соответствует положению, что «глагол-сказуемое является структурообразующим элементом предложения, его конструктивной основой» [Попова, 2004. С. 104].

Ниже рассмотрим некоторые наиболее характерные случаи модификации значений залога в якутском языке. Форма залоговых конструкций будет представлена методом глоссирования, предложенным Н. И. Винокуровой применительно к якутскому языку. Данный метод представляет собой «авторский вариант перевода на русский язык лейпцигских правил глоссирования с учетом лингвистической специфики языка» [Винокурова, 2016. С. 85].

О пассивизации каузатива

В концепции функциональной грамматики, разработанной школой А. В. Бондарко, каузативность рассматривается как языковая семантическая категория, которая «либо предполагает активизацию объекта, либо стимулирует изменение его свойств, качеств, характеристик и т. д.» [Долинина, 1991. С. 328]. Каузативная ситуация канонического типа имеет два актанта: «первый актант действий – агенс, или каузатор, целенаправленно изменяющий мир, т. е. формы существования, положения, состояния и свойства различных объектов» [Апресян, 2003. С. 11–12], а второй актант – это пациенс, который совершает действие или меняет свое состояние в результате оказанного на него воздействия.

В якутском языке каузативная конструкция формируется на базе глаголов с показателем побудительной залоговой формы *-т, -тар, -ар*. Значением этой формы является «реальное действие, выражаемое данным глаголом, мыслится как совершаемое не грамматическим субъектом, а другим деятелем, по отношению к которому первый является лицом побуждающим или причиной совершения действия» [Харитонов, 1963. С. 62]. Другими словами, якутская каузативная конструкция имеет два семантических актанта.

Пассивизация семантики каузативной конструкции, о которой речь пойдет ниже, является результатом изменений в правилах семантической сочетаемости каузативного глагола с определенными типами актантов ситуации в основном по признаку активности / инактивности участников.

Якутская каноническая каузативная конструкция выглядит следующим образом:

(1) *Ийэ-м мин бус-ар-ар*

Мать-POSS1 суп варить-CAUS-PRS3SG

Моя мать суп варит

Примеры пассивизации каузативных конструкций можно представить в якутских предложениях типа:

(2) *Мин ардах-ха баттаа-т-т-ым*

Я дождь-DAT задавить-CAUS-PRF-1SG

Под дождь я попал (букв.: дождем я задавлен)

(3) *Буурбаба түбэс-т-э*

пурга-DAT попасть-PRF-SG3

Под пургу попал (он)

Пациенс в таких ситуациях может быть и партитивным, т.е., негативное воздействие распространяется не на весь предмет, а на его часть. В этом случае пациенс оформляется винительным падежом притяжательного склонения:

(4) *Уот-ка илии-м-(и)н сиэ-т-т-(и)м*

Огонь-DAT рука-POSS1-AKK обжечь-CAUS-PRF-1SG

Огнем руку обожгло мне

В приведенных примерах в роли агенса, понимаемого как «намеренный инициатор, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является «источником энергии» этого действия» [ЛЭС, 1999. С. 17], выступает естественное природное или стихийное явление: дождь, ветер, пурга, волна, огонь и т. д. При этом он в синтаксической

конструкции оформлен дательным падежом, как в примерах (2,3). В роли пациенса, т.е. «участника, вовлечённого в ситуацию, которую он не контролирует и не исполняет» [ЛЭС, 1999. С. 363], находится обычно живое существо. В якутских конструкциях пациенс выражается именем в основном падеже (пример 2), а когда пациенс не имеет лексического репрезентанта – личной формой глагольного предиката высказывания (пример 3).

Каузативные конструкции с пассивным содержанием строятся на базе глаголов с деструктивной семантикой, чаще всего, глаголов физического, иногда температурного воздействия на объект с последующим негативным изменением свойств или состояния пациенса: глаголы давления: *баттаа-* ‘давить, придавить’, глаголы с семантикой механического повреждения объекта: *аал-* ‘тереть, натирать, протирать’, глаголы повреждения или уничтожения: *баалаа-* ‘одолевать’, *тап-* ‘попасть в кого-что-л. чем-л.’, *сиэ-* ‘жесть, сжигать, обжигать’, глаголы физиологического воздействия на состояние объекта: *ур-* ‘дуть, продувать’, глаголы отчуждения: *былдьаа-* ‘отбирать’.

Обсуждаемые конструкции строятся также на базе глаголов нанесения удара, в том числе с включенным актантом: *кэй-* ‘бить рогами, лбом’, *обус-* ‘бить, ударять руками’, *тэп-* ‘ударить ногами, копытами’; глаголы разрушения, порчи: *ытыр-* ‘укусить’.

Пассивную семантику каузативной глагольной формы можно обнаружить также в конструкциях, формируемых глаголами межличностных, социальных взаимоотношений: *атаҕастаа-* ‘обижать’, *кыай-* ‘одолевать, победить’, *хот-* ‘одолевать, взять верх’, *сөбүлээ-* ‘испытывать симпатию, одобрять’ и т.д. В этом случае актанты имеют разную характеристику – они могут представлять ситуации воздействия неодушевленного агенса на одушевленный:

(5) *Ылапахат-тар-га кини хот-тор-бот-о*

Трудность-PL-DAT он победить-CAUS-NEGNRST-3SG

Трудностям он не дал себя победить

Часто отмечают также ситуации воздействия одушевленного агенса на одушевленный:

(6) *Уол дьылээх-тэр-гэ сөбүлэ-т-эр*

Парень-NOM хозяин-PL-DAT испытывать симпатию -CAUS-PRS3SG

Парень хозяевам нравится

О пассивизации рефлексива

Следующий случай полисемии залоговых конструкций в якутском языке можно отметить, когда форма возвратного залога на *-н* выражает значение пассива. Пассивное значение, обозначаемое формой возвратного залога с показателем *-н*, под разными названиями отмечается также в исследованиях на материале других тюркских языков [Салыхова, 2011. С. 100-103]. Это, к примеру, пассивно-возвратное значение в турецком, значение страдательного залога формы возвратности на *-н* при переходных глаголах в башкирском.

Типовое значение возвратности, названное Л.Н. Харитоновым прямо-возвратным, «образуется от ограниченного числа основ переходного глагола – лишь от тех, значение которых мыслимо как действие, совершаемое субъектом над собой» [Грамматика..., 1982. С. 261]. К глаголам с прямо-возвратным значением относятся в основном глаголы со значением ухода за собой: *аҕан-* ‘смазывать себя чем-л.’, втирать в себя что-л., натираться чем-л., *суун-* ‘мыть-ся, мыть себя’ (от *сууй-* ‘мыть’), *тарбан-* ‘чесать себя’ (от *тарбаа-* ‘чесать’), *тараан-* ‘расчесываться’ (от *тараа-* ‘расчесывать’), а также действий над собой: *аралдьытын-* ‘развлекать, утешать себя’.

Прямообъектные возвратные (или собственно рефлексивные) конструкции формируются по следующей канонической модели:

(7) *Мин тымныы уу-нан суу(й)-н-ар-бын*

Я холодная вода-INSTR мыть-REFL-PRS-1SG

Я холодной водой моюсь

Как демонстрируют следующие примеры, во многих случаях в одной и той же глагольной основе с показателем рефлексива могут быть совмещены оба залоговых значения: *анаа-* ‘назначить’ - *анан-* ‘назначать себе, для себя - быть назначенным’; *эрбээ-* ‘пилить’ - *эрбэн-*

‘пилить себе - быть распиленным’ *холбоо-* ‘соединять’ - *холбон-* ‘соединяться, присоединять к себе – быть присоединенным’.

Эта особенность залоговой системы якутского языка была отмечена исследователями давно. Так, О. Н. Бетлингк считал, что «аффиксом *-н* образуются как возвратные, так и страдательные глаголы» [Бетлингк, 1990. С. 314]. Семантическая общность этих форм, по мнению Л. Н. Харитонов, заключается «в том, что оба залога выражают непереходность действия и различаются лишь по способу ее осмысления» [Харитонов, 1963. С. 110]. Представление о том, что «основным назначением формы на *-н*, образуемой в целом от широкого круга глагольных основ, является как в древних, так и в современных тюркских языках превращение переходного глагола в непереходный с модификацией в той или иной мере его исходного лексического содержания» [Юлдашев, 1988. С. 302] можно считать укоренившимся.

Важно отметить, что семантическое толкование конструкций, оформленных на базе рефлексивной залоговой формы, представляет определенные трудности. Как отметил Л. Н. Харитонов, «наличие у данного производного глагола возвратного или же страдательного значения устанавливается лишь по контексту, а также по смыслу данного глагола» [Харитонов, 1963. С. 105].

Предварительные итоги анализа показывают, во-первых, что в якутском языке значение пассива обнаруживает рефлексивная форма ограниченного количества переходных глаголов. Кроме того, это значение строится на базе предельных глаголов, т. е. ситуация предполагает завершение или результативность протекающего действия. При этом некоторые глагольные основы в рефлексивной форме содержат только пассивную семантику: *сиэ-* ‘есть’ – *сиэн-* ‘быть съеденным’, *төлөө-* ‘платить’ – *төлөн-* ‘быть уплаченным’, *ыа-* ‘доить’ – *ыан-* ‘быть подоенным’. Далее, рефлексивные конструкции с пассивным значением агентивны, причем агенс большей частью представляет собой или неодушевленный предмет, либо живое существо, которые подвергаются действию со стороны по обычному положению вещей, часто произвольно (дрова пилятся, корова доится, еда съедается, долг оплачивается и т. д.).

Во-вторых, значение пассива в основном обнаруживают глагольные основы с конечным долгим гласным или дифтонгом: *анаа-* ‘назначать’ – *анан-* ‘назначать себя - быть назначенным’, *диэ-* ‘говорить (что-либо)’ – *дэн-* ‘говорить о себе - быть сказанным’, *хайбаа-* ‘хвалить’ – *хайбан-* ‘хвалить себя - удостоиться похвалы’; *холбоо-* ‘присоединять’ – *холбон-* ‘присоединять к себе - быть присоединенным’, *эrbээ-* ‘пилить’ – *эrbэн-* ‘спилить для себя - быть спиленным’.

Эта закономерность фонологического порядка скорее всего связана с историческим процессом словообразования.

Рефлексивное значение пассивной конструкции

В якутском языке часто можно обнаружить противоположное изложенному выше явление, когда форма страдательного залога способна выражать рефлексивное значение.

В якутском языке пассивная коммуникативная ситуация предполагает наличие в аргументной структуре глагольного предиката единственного лексически выраженного актанта. Этот актант – объект действия, формально выступающий подлежащим предложения, а пассивная глагольная форма свидетельствует о том, что в ситуации присутствует агенс, под воздействием которого производится действие. Канонические пассивные конструкции в якутском языке строятся по следующей модели:

(8) *Сурук суруй-(у)лун-ар*

Письмо-0 писать-PASS-PRS1SG

Письмо пишется

Употребление пассивных конструкций в рефлексивном значении – своеобразие не только якутского языка, но и остальных языков тюркской классификационной группы. Это явление получило соответствующее отражение и объяснение в специальной литературе. К примеру, в турецком языке выделяется возвратно-страдательное значение страдательного залога: тур. *kapı açıldı* ‘дверь открылась’ [Кононов, 1956. С. 200].

Обсуждаемое значение залога в тюркских языках рассматривается как свидетельство семантического развития формы страдательного залога, когда «форма на *-l* выступает как ре-

гулярное средство трансформации переходного глагола активного действия в медиопассив. Именно в таком употреблении, как маркированный медиопассив, форма на *-l* легла в основу страдательного залога» [Юлдашев, 1988. С. 305]. Данное значение обнаруживается в глагольных основах *yaril-* ‘расколоться’ от *yar-* ‘расколоть’, *kitel-* ‘отломиться’ от *kit-* ‘отломить’, *qojol-* ‘литься’ от *qoj-* ‘лить’, *sisel-* ‘развязаться’ от *sis-* ‘развязать’ и т. д. [Там же].

В якутском языке рефлексивное значение глаголов в форме страдательного залога встречается достаточно регулярно. Эти конструкции имеют ту же формальную структуру, что и собственно-пассивные, обычно содержат лексически выраженный актант-объект:

(9) *Aan as-ылын-н-а*

Дверь открывать-PASS-PST-3SG

Дверь открылась

Семантика обсуждаемой конструкции от значения собственно страдательных отличается тем, что действие здесь сосредоточено в самом объекте, при этом, как правило, лексическое выражение имеет только актант-объект.

Пассивные конструкции данного семантического типа могут содержать обстоятельственный член:

(10) *Алаас үрдүнэн кустук изх(б)-илл-(и)бит*

Алас POSTP радуга гнуть-PASS-NPST3SG

Над аласом радуга изогнулась

В современном якутском языке существует круг глаголов с показателем пассива, которые «употребляются преимущественно или даже исключительно» в рефлексивном или, другими словами, безобъектно-возвратном значении [Харитонов, 1963. С. 116]. Это глаголы типа *бура-лын-* ‘рассыпаться, рассеиваться’, *дьапталын-* ‘накладываться, наслаиваться’, *салалын-* ‘направляться, принимать направление’ и т. д. Некоторые глаголы с своим семантическим развитием достаточно далеко отошли от страдательного залогового значения и сохранились как основы: *батылын-* ‘увязнуть, застрять’, *кэтилин-* ‘напороться на что-л.’ и т. д.

Пассивные конструкции с рефлексивным значением могут строиться также глаголами активного физического действия: *арылын-* ‘открываться, раскрываться’ от *арый-* ‘открывать, раскрывать’, *бүрүлүн-* ‘закваситься’ от *бүрүй-* ‘заквашивать’ (в прямом значении: ‘покрывать’), *саалын-* ‘удариться’ от *саай-* ‘ударять’, *сабылын-* ‘закрываться’ от *сап-* ‘закрывать’, *ыгылын-* ‘тужиться’ от *ык-* ‘зажимать, сжимать’ и т. д.

Кроме того, рефлексивные семантические ситуации формируются образными, реже звукоподражательными, т. е. непереходными, глаголами с показателем страдательного залога *-лын-*: *мотолун-* ‘иметь полное круглое лицо’, *ньылалын-* ‘иметь вытянутое, выдающееся вперед лицо’, *сүөдэлин-* ‘выделяться нескладной, высокой фигурой, силуэтом’, *тыргылын-* ‘тонкой струйкой подниматься вверх (о дыме, паре)’ и т. д.

Взаимное и совместное значения залоговой формы на *-с*

В якутском языке залоговая форма с показателем *-с* «реализуется прежде всего в виде двух основных значений залога: 1) значение совместности действия и 2) значение взаимного действия» [Харитонов, 1963. С. 20]. Важно отметить также, что Л. Н. Харитонов выявил закономерность реализации каждого из этих значений в зависимости от лексико-семантической принадлежности глагольной основы.

Известно, что взаимность и совместность в современных типологических исследованиях соотносятся как способы выражения «множественного участника ситуации» [Архипов, 2004. С. 9]. Значение множественности участников действия устанавливается и в общетюркской форме совместно-взаимного залога с показателем *-с/-ш*: «единый совместно-взаимный показатель выдвигает на первый план множественность самих участников ситуации (а контекст уточняет как раз их роли в ситуации)» [Юлдашев, 1988. С. 217].

Взаимные отношения между семантическими актантами в якутском языке выражают конструкции, формируемые по следующей базовой модели:

(11) *Оџо-лор суруй-с-ар-лар*
 Ребенок-PI писать-Recip-Pr-PI
 Дети переписываются

Из представленной модели видно, что конструкция формируется именем и глаголом во множественном числе.

В формировании такой конструкции на базе переходных глаголов особенно часто используются акциональные глаголы, причем негативного физического воздействия на одушевленный активный объект: это глаголы со значением разрушения, созидания, повреждения, нанесения вреда, лишения жизни объекта и т. д.: *оџус-* ‘ударять, бить, колотить’ > *охсус-* ‘ударять друг друга, драться’, *өлөр-* ‘убивать’ > *өлөрүс-* ‘убивать друг друга’, *кырт-* ‘истребить’ > *кыргыз-* ‘истреблять друг друга, сражаться’ и т. д.

Симметричные взаимные отношения выражаются также переходными глаголами со значением разного рода воздействия на объект: *бул-* ‘найти’ > *булус-* ‘найти друг друга’, *киһиргэт-* ‘нахваливать’ > *киһиргэтис-* ‘нахваливать друг друга’, *имэрий-* ‘гладить’ > *имэрис-* ‘гладить друг друга’, *куус-* ‘обнимать’ > *куустус-* ‘обниматься’, *сиэт-* ‘брать за руку’ > *сиэттис-* ‘брать за руки’, *сыллаа-* ‘нюхать, целовать’ > *сыллас-* ‘нюхать друг друга, целоваться’.

Для обозначения взаимных отношений активно задействованы глаголы со значением установления, поддержания, прекращения разного рода межличностных отношений: *абын-* ‘скучать’ > *ахтыс-* ‘скучать друг по другу’, *кыыһыр-* ‘сердиться’ > *кыыһырыс-* ‘сердиться друг на друга’, *өһүргэн-* ‘обидеться’ > *өһүргэс-* ‘обидеться друг на друга’, *таптаа-* ‘любить’ > *таптас-* ‘любить друг друга’, *салт-* ‘терять интерес к чему-л.’ > *салгыс-* ‘надоест друг другу’, *сөбүлээ-* ‘испытывать симпатию, любить’ > *сөбүлэс-* ‘нравиться друг другу, соглашаться’, *өстөн-* ‘питать ненависть, затаить злобу на кого-л.’ > *өстөс-* ‘ненавидеть друг друга, враждовать с кем-л.’ и т. д. Такие отношения могут устанавливать также глаголы интеллектуальной деятельности: *бил-* ‘знать’ > *билис-* ‘знать друг друга, знакомиться’, *иһит-* ‘слышать, слушать’ > *истис-* ‘слышать друг друга’, *өйдөө-* ‘понимать’ > *өйдөс-* ‘понимать друг друга’, *суруй-* ‘писать’ > *сурус-* ‘писать друг другу, переписываться’, *тургут-* ‘испытывать, измерять’ > *тургутус-* ‘испытывать друг друга’.

Взаимные отношения могут выражать также глаголы речевой деятельности, исполнителями которой выступают люди: *хаһыытаа-* ‘кричать’ > *хаһыытас-* ‘кричать друг на друга’, *ардырбаа-* ‘рывать, ругать кого-л.’ > *ардырбас-* ‘ругаться, браниться’, *эт-* ‘говорить, сказать’ > *этис-* ‘ругаться’. В этом значении могут употребляться также некоторые глагольные формы на -с от основ, обозначающих конкретные физические действия: *бырах-* ‘бросать, кидать’ > *бырабыс-* ‘кидаться, кидать друг в друга что-л.’, *охтор-* ‘валить с ног, опрокидывать’ > *охторус-* ‘валить с ног, опрокидывать друг друга’, *түс-* ‘падать, спускаться вниз’ > *түһүс-* ‘бросаться друг на друга’.

Значение совместности (социатив) представлено в семантической ситуации, когда коллектив лиц совершает одно и то же действие. При этом отношения между агенсами симметричны, ни активный, ни пассивный участник грамматически не обозначаются.

В конструкции с совместным значением имя, обозначающее актантов, и глагольная форма стоят в форме множественного числа:

(12) *Оџо-лор бары ытаа-с-т(ы)лар*
 Ребенок-PI все плакать-COM-PRF-PI
 Дети все расплакались

Таким образом, зоной семантического совпадения категорий взаимности (реципрок) и совместности (социатив) является значение множественности участников действия. При этом взаимность часто выражается в конструкциях, предикатом которых выступает довольно внушительный список акциональных глаголов (чаще – деструктивных), а семантика совместности представлена в основном звукоподражательными и образными глаголами.

Совместность и множественность

В исследованиях на материале языков разных систем отмечается, что категории совместности и множественности роднит присутствие в их семантическом поле значения множества

ситуаций и множества участников ситуации, поскольку «множественный участник имплицитно множественную ситуацию и, наоборот, множественная ситуация естественно допускает множественного участника» [Шлуинский, 2005. С. 19].

Обозначенная проблема соотношения этих двух важнейших семантических категорий очень обширна, затрагивает множество теоретических аспектов. В рамках задач данной статьи интерес представляет соотношение якутских форм совместно-взаимного залога и вида глагола. Данная корреляция известна не только из материалов якутского языка, она распространена и дискутируется также в типологической перспективе, в первую очередь, в связи с исследованием проблем предикатной множественности. Отмечается, что «наиболее известной и освещенной в литературе семантической связью между значениями относящимися к семантической зоне предикатной множественности, и залоговыми значениями можно считать связь между значением итерации и реципрокальным значением. Реципроком, как известно, называется актантная деривация, значение которой состоит в том, что в ситуации задействовано два или более действующих взаимно участника, каждый из которых выполняет две роли» [Шлуинский, 2005. С. 182].

Что касается языков тюркской классификационной группы, то исследователи первичным для показателя *-s/-š*, который маркирует совместно-взаимный залог, считают значение множественности действий: «В основе взаимного залога лежит, вероятно, форма мн. числа, как предполагают отдельные тюркологи, возводя морфему *-š* к рудиментарному показателю множественности *-z(> s> š)* и ссылаясь на ее широкое употребление в киргизском и узбекском языках для выражения мн. числа глагола» [Юлдашев, 1988. С. 310]. Ряд доводов в пользу данной гипотезы дал А. А. Юлдашеву основание утверждать, что «форма на *-š* характеризуется как в древних, так и в современных тюркских языках многозначностью. Из этих значений исходным является, очевидно, значение множественности передаваемого глаголом действия» [Там же. С. 312]. Согласно этой точки зрения, «залоговые значения совместности и взаимности по существу представляют собой сужение значения множественности, т.е. количественное ограничение как самих сопряженных действий, так и их исполнителей» [Там же. С. 314]. Значение множественности в форме совместно-взаимного залога усматривают и в последних тюркологических исследованиях: «Реципрок позволяет маркировать множественные ситуации, которые сосуществуют одновременно» [Галиева, 2015. С. 144].

В якутском языке первичным значением совместно-взаимного залога Л. Н. Харитонов считал значение множества участников действия: «Семантической основой этого залогового значения является указание на то, что в совершении данного действия участвуют два или несколько субъектов (производителей действия)» [Харитонов, 1963. С. 39]. Приведем примеры:

(13) *Оҕо-лор суруй-с-ар-лар*

Ребенок-PL писать-Recip-Pr-PL

Дети переписываются (друг с другом)

(14) *Оҕо-лор күл-с-эр-лэр*

Ребенок-PL смеяться-Recip-Pr-PL

Дети смеются (все вместе)

(15) *Оҕолор кини-лиин бар-с-ар-лар*

Ребенок-PL он-COM идти-RECP-PRS-PL

Дети с ним уходят (все с кем-то)

(16) *Оҕо кини-лиин бар-с-ар*

Ребенок он-COM идти-RECP-PRS3SG

Ребенок с ним уходит

Ситуации в представленных примерах подразумевают участников более одного (*дети с другими детьми, дети все, дети с ним, ребенок с ним*), о чем сигнализируют или форма множественного числа имени: *оҕо* 'ребенок' > *оҕо-лор* 'ребенок-PL', или множество лексически выраженных актантов: *ребенок с ним* (ребенок и он).

Если обратиться к действиям, о которых идет речь в приведенных выше примерах, то можно охарактеризовать их как множественные с дистрибутивной (13), дискретной (14) и комитативной (15, 16) модификациями.

В целом проблема корреляции по линии реципрок-итератив требует последовательного сравнения аспектов семантических зон множественности действия и его участников (дистрибутив, итератив, комитатив, реципрок и т. д.). Поэтому на данный момент представляется важным привести предварительные результаты анализа.

Поскольку дистрибутивная ситуация предполагает присутствие «единичных представителей определенного актанта»¹, при ее семантическом анализе характер группового актанта принимается во внимание в первую очередь. В якутских конструкциях с таким содержанием выделяется несколько типов выражения групповых актантов. Основные из них: имена существительные в форме множественного числа *-лар*, количественные числительные, имена существительные, обозначающие парные предметы и части тела (*этэрбэс* 'торбаса, сапоги', *утулук* 'рукавицы', *илии* 'руки', *атах* 'ноги', *харах* 'глаза', *кулгаах* 'уши' и т.д.), парные существительные, однородные члены предложения².

Приведем примеры:

(17) Сон-у, бэргэһэ-ни муоста-ба суулл-ар-таа-та

Пальто-ACC шапка-ACC пол-DAT падать-CAUS-ITR-PRF3SG

Пальто, шапки на пол расшвырял

(18) Ыт атаҕ-ын оҕонньор ньылбэк-тэр-игэр уур-талыы-р

Собака лапа-3SGACC старик колени-PL-SGDAT положить-ITR-PRS3SG

Собака лапы свои на колени старика расставила

Здесь представлены ситуации с множественным пациенсом, выраженным перечислением предметов (сон, бэргэһэ 'пальто, шапка'), и именем, обозначающим парные части тела (атах 'лапа'). Но в (20) под воздействием субъекта-агенса множественный пациент направлен на одного объекта-агенса (муоста 'пол'), в (21) он распределен по множеству объектов (ньылбэк-тэр 'колени').

На данном этапе исследования можно констатировать, что отличие дистрибутивных конструкций от реципрокальных в якутском языке состоит, во-первых, в их содержании: семантическим инвариантом для первых является множественность самого действия, а для вторых – множественность участников действия. Соответственно, дистрибутивные конструкции, как правило, трехактантны (кроме актанта-агенса и пациента), содержат дополнительный актант-объект, обозначающий направленность действия, для реципрокальной конструкции обозначение этого участника ситуации не обязательно. Далее, эти конструкции образуются на основе глаголов разных семантических групп: в выражение реципрока вовлечен обширный класс акциональных глаголов, в то время как в состав дистрибутивных «могут быть объединены в основном глаголы, обозначающие движение от некоторой общей исходной точки или к некоторой общей точке (так называемые диверсативные/дислокативные значения). При этом большинство указанных глаголов представляет собой залоговые формы от одной основы и подразумевает действия над чем-то множественным или состоящим из множества частей»³.

Выводы

В целом проблема полисемии залоговых значений, а также взаимосвязи и взаимодействия разных залоговых форм актуальна для всех языков тюркской, возможно, и алтайской классификационной группы. Залоговая полисемия затрагивает не только собственно залоговые значения, но и другие семантические зоны. В якутском языке широко представлены случаи

¹ Самсонова Е. М. Дистрибутивная глагольная множественность: семантические особенности // Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база [Электронный ресурс]. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2017. С. 43. Режим доступа: <http://www.igi.ysn.ru/fi-les/publicasii/>. (дата обращения)

² Там же.

³ Там же. С. 41.

пассивизации каузатива, употребления пассивной конструкции в рефлексивном значении, наблюдается многозначность в сфере совместно-взаимного залога, в некоторой степени совпадает семантическая зона дистрибутивных и реципрокальных конструкций.

Та или иная модификация значения залога зависит от характера актантов ситуации, который задается лексико-семантической принадлежностью глагольного предиката.

Беглый анализ показал, что сложная проблема полисемии залоговых конструкций требует дальнейшего исследования.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов // Грамматические категории: Иерархии, связи, взаимодействие. СПб.: Наука, 2003. С. 6–21.

Архипов А. В. Типология комитативных конструкций: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 17 с.

Байыр-оол А. В., Добринина А. А., Озонова А. А. и др. Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая. Новосибирск: Омега-Принт, 2013. 176 с.

Бетлингк О. Н. О языке якутов. / Пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

Винокурова Н. И. Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Вост. гуманитар. вестн., 2016. № 4 (17). С. 85–99.

Галиева А. М. Татарский реципрок и семантический класс глагола (на материале корпусных данных) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: труды X Всеросс. съезда востоковедов: в 2 кн. Уфа, 2015. Кн. 2. С. 144–147.

Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. 496 с.

Данилова Н. И. Каузативные конструкции в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2013. С. 8–61.

Долинина И. Б. Рефлексивность и каузативность (Категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносимых с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. С. 328–345.

Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 160–161.

Ефремов Н. Н. Локативные конструкции с показателем дательного падежа в якутском языке // Сиб. филол. журн. 2012. № 1. С. 122–130.

Ефремов Н. Н. Категория локативности: комплексные средства // Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения. Новосибирск: Наука, 2014. С. 18–85.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. 570 с.

Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: Изд-во ООО «Ника», 2005. 304 с.

Недялков В. П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 315–393.

Попова Н. И. Категория залога // Курс якутской грамматики. Система грамматических категорий и синтаксических конструкций. Якутск: Триада, 2004. С. 102–114.

Саляхова З. И. Реципрокально-социативные формы в башкирском языке // Вестник Башкирского ун-та. Т. 16. № 3. Уфа, 2011. С. 985–988.

Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 228 с.

Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 120 с.

Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Т. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Любава, 2008. 205 с.

Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск: Любава, 2010. 240 с.

Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: Количественные аспектуальные значения: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Юлдашев А. А. Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1988. С. 269–309.

Материал поступил в редколлегию 03.07.2018

Nadezhda I. Danilova

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN)
1 Petrovskij Str., Yakutsk, 677007, Sakha, Russian Federation*

nadiv2008@mail.ru

YAKUT COLLATERAL CONSTRUCTIONS: TO THE PROBLEM OF POLYSEMY

The article presents the result of the semantic analysis of polysemous collateral constructions in the Yakut (Sakha) language. The method of analysis takes into account possible lexical-semantic affiliation of the verbal predicate of the construction and the nature of the actants present in the situation. The cases of semantic correlation in the Yakut (Sakha) language along the line of causative-passive, passive-reflexive, reflexive-passive, reciprocative-iterative are considered. These types of polysemy may be found not only in the Yakut and other Turkic languages, but also in the languages of other typological groups.

Keywords: Yakut (Sakha) language, functional semantics, collateral form, polysemy, verbal predicate.

References

- Apresyan Yu. D. Fundamental'naya klassifikaciya predikatov // Grammaticheskie kategorii: ierarhii, svyazi, vzaimodejstvie. – S-Pb.: Nauka, 2003. – S. 6-21.
- Arkhipov A. V. Tipologiya komitativnyh konstrukcij: avtoref. diss. ... k. filol. n. - M., 2004. 17 s.
- Bajyr-ool A.V., Dobrinina A.A., Ozonova A.A. i dr. Materialy k sravnitel'nomu slovarju glagol'noj leksiki tyurkskih yazykov Sayano-Altaya. Novosibirsk: Omega-Print, 2013. 176 s.
- Betlingk O.N. O yazyke yakutov. Per. s nem. Rassadin V.I. – Novosibirsk: Nauka, 1990. 646 s.
- Vinokurova N.I. Glossirovanie kak metod reprezentacii tekstov v yakutskom yazyke // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik, 2016. № 4 (17). – S. 85-99.
- Galieva A. M. Tatarskij reciprok i semanticheskij klass glagola (na materiale korpusnyh dannyh) // Rossiya i Vostok: vzaimodejstvie stran i narodov: trudy X Vserossijskogo s"ezda vostokovedov: v 2 kn. Ufa, 2015. Kn. 2.- S. 144-147.
- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. M.: Nauka, 1982. – 496 s.
- Danilova N. I. Kauzativnye konstrukcii v yakutskom yazyke // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Novosibirsk: Nauka, 2013 – S.8-61.
- Dolinina I. B. Refleksivnost' i kauzativnost' (Kategorial'naya semantika refleksivnyh konstrukcij, sootnosimyh s kauzativnymi konstrukcijami) // Teoriya funkcional'noj grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'. – SPb.: Nauka, 1991. – S. 328-345.
- Zalog // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M., 1990. – S. 160-161.
- Efremov N. N. Lokativnye konstrukcii s pokazatelem datel'nogo padezha v yakutskom yazyke // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2012. № 1. – S. 122-130.
- Efremov N. N. Kategoriya lokativnosti: kompleksnye sredstva // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Sposoby vyrazheniya. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – S. 18-85.

- Kononov A. N. Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo yazyka. - M.-L., 1956. 570 s.
- Nevskaya I. A. Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri (na materiale shorskogo yazyka). – Novosibirsk: izd-vo ООО «Nika», 2005. 304 s.
- Nedyalkov V. P. Zametki po tipologii vyrazheniya reciprokal'nogo i refleksivnogo znachenij (v aspekte polisemii reciprokal'nyh pokazatelej) // 40 let Sankt-Peterburgskoj tipologicheskoy shkole. – M.: Znak, 2004. – S. 315-393.
- Popova N. I. Kategoriya zaloga // Kurs yakutskoj grammatiki. Sistema grammaticheskikh kategorij i sintaksicheskikh konstrukcij. – Yakutsk: Triada, 2004. – S. 102-114.
- Salyahova Z. I. Reciprokal'no-sociativnye formy v bashkirskom yazyke // Vestnik Bashkirskogo universiteta. T. 16. № 3. – Ufa, 2011. - S. 985-988.
- Samsonova E. M. Distributivnaya glagol'naya mnozhestvennost': semanticheskie osobennosti // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: grammaticheskaya i leksicheskaya baza [Elektronnyj resurs]. – Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2017. – S. 38-54. Rezhim dostupa: http://www.igi.ysn.ru/fi_les/publicasii/.
- Tazranova A.R. Biverbal'nye konstrukcii so vspomogatel'nymi glagolami bytiya v altajskom yazyke. – Novosibirsk: ID «Sova», 2005. 228 s.
- Haritonov L. N. Zalogovye formy glagola v yakutskom yazyke. – M.-L., 1963. 120 s.
- Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. T. Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri. – Novosibirsk: izd-vo «Lyubava», 2008. 205 s.
- Shamina L. A. Analiticheskie grammaticheskie formy i konstrukcii v funkcii skazuemogo v tuvinskom yazyke. – Novosibirsk: izd-vo «Lyubava», 2010. – 240 s.
- Shluinskij A. B. Tipologiya predikatnoj mnozhestvennosti: Kolichestvennye aspektual'nye znacheniya: Diss. ...kand. filol. nauk. – M., 2005.
- Yuldashev A. A. Kategoriya zaloga // Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. M.: Nauka, 1988. – S. 269-309.

УДК 811.512.157

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-60-68

Л. М. Готовцева

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Россия*

Lingot@rambler.ru

ВАРИАНТНОСТЬ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Исследуется вариантность диалектных фразеологических единиц якутского языка. Впервые в якутском языкознании рассматриваются связи и отношения между диалектными и литературными фразеологизмами якутского языка, которые проявляются в вариантности, сфере употребления. Предлагается типология вариантов.

Ключевые слова: якутский язык, литературная норма, диалектные зоны, литературно-диалектное варьирование ФЕ, типы вариантности.

Введение

Цель исследования – выявить лексический состав диалектных фразеологических единиц (далее ДФЕ) якутского языка. Будут также рассмотрены отношения между диалектными и литературными фразеологизмами, проявляющиеся в развитии фразеологических вариантов и в специализации по сферам употребления.

Выбор материала продиктован тем обстоятельством, что исследования, посвященные диалектным фразеологизмам якутского языка, практически отсутствуют, за исключением статьи А. Г. Нелунова [1998. С. 48–54]. Он тоже говорит об этом пробеле, указывая, что ДФЕ не собраны и не систематизированы [Там же. С. 49].

В то же время следует отметить, что некоторые ДФЕ были все-таки зафиксированы при составлении словарей различного типа, при сборе материала по диалектной лексике. Так, в труде «Якутские пословицы и поговорки, собранные А. Е. Кулаковским», вышедшем в свет в 1925 году, наряду с пословицами и поговорками приводятся и ФЕ, которые представляют большую ценность для нас. Эти пословицы и поговорки были включены в «Научные труды», где занимают более ста страниц [1979. С. 106–214].

ДФЕ встречаются и во «Фразеологическом словаре якутского языка» [ФСЯЯ, 1974]. По подсчетам А. Г. Нелунова, в данном словаре помету *диал.* имеют 186 фразеологизмов. Однако отнесение некоторых фразеологизмов к диалектным единицам вызывает у него возражение, из этого числа явно таковыми он считает только около 50 единиц [1998. С. 51]. Но в «Ди-

Готовцева Л. М. Вариантность диалектных фразеологических единиц якутского языка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 60–68.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© Л. М. Готовцева, 2018

алектологическом словаре якутского языка» с пометой *сомоҕо тыл, т. е.* 'фразеологическая единица', обнаружено им 12 фразеологизмов: *аҕан тыныраҕын хатар* 'быть достойным отца', *бэлэс-тамах ас* 'выпытывать, вызывать на разговор с целью выведать намерения собеседника', *быһах быһаҕынан* 'очень много', *идэни тут* 'заводить обычай, порядок', *иччитэҕинэн эт* 'говорить неправду, лгать', *сиэн кууктаан кэбис* 'кончить, уничтожить' (еду, пищу), *күн быатын туттар* 'быть спасением, выручкой; спасать', *күн быатын тут* 'молить, умолять кого-л.', *маар айах* 'беззубый человек', *дьоро кизһэ* 'радостный вечер с сытным ужином', *муоҕа-чуоҕа суох* 'непременно, беспрекословно, без единого слова возражения', *балык айах* 'беззубый человек' [Там же. С. 50]. Кроме того, тщательный анализ иллюстративного материала словаря позволил автору вышеуказанной статьи выявить ряд фразеологизмов, которые не имеют в нем пометы, например, *хорондоолоох киһи* 'скандальный человек', *халаанньаһы сырыт* 'гулять, ходить без цели' и т. д. [Там же. С. 50].

Особый интерес представляют для нас, как следует из названия статьи, ФЕ с диалектными вариантами, иногда с указанием места функционирования в разных диалектах и говорах. Поэтому прежде чем приступить к анализу исследуемого материала, необходимо напомнить, что якутский язык делится на четыре диалектные зоны: 1) северо-западная группа говоров с долганским диалектом и есейским говором; 2) вилюйская группа говоров с олекминским, ленским, кобейским периферийными говорами; 3) центральная группа говоров, включающая территории районов Центральной Якутии; 4) северо-восточная группа говоров с говорами якутов, проживающих на территории Магаданской области [Иванов, 1998. С. 10].

Материалом исследования данной статьи являются около 1200 вариантных фразеологизмов из «Якутско-русского фразеологического словаря» А. Г. Нелунова [ЯРФС, 2002], которые были отобраны нами методом сплошной выборки. Из них 160 отмечены пометой *түөлбэ, т. е.* 'диал'. Основными критериями выделения вариантных ФЕ в советско-российской лингвистике считаются: 1) семантическое тождество (полная предметная и понятийная идентичность) [Кунин, 1955; Мокиенко, 1989; Назарян, 1976]; 2) наличие лексического инварианта при частичном различии компонентного состава [Кунин, 1955; Федосов, 1974]; 3) общность образа [Гак, 1977; Назарян, 1976]; 4) совпадение количества значений (для многозначных ФЕ) [Кунин, 1955]. В нашем исследовании мы придерживаемся той точки зрения, что варьирование является «движением, при котором языковые единицы, явления, категории не изменяют своих качественных характеристик, остаются тождественными сами себе» [Чепасова, 1993. С. 13]. Таким образом, варианты ФЕ – это закрепленные нормой видоизменения этой единицы, не нарушающие ее семантического тождества. Так, например, ДФЕ *кынатын кууртут* 'приготавливаться к отъезду, сидеть на чемоданах' (букв. высушил свои крылья), распространен в говорах центральной Якутии. В вилюйском же говоре употребителен другой вариант *хотоҕойун кууртут* (букв. высушил маховые перья) [Кулаковский, 1979. С. 142], но их смысловое содержание тождественно.

Рассмотрим далее связи и отношения между диалектными и литературными фразеологизмами якутского языка.

Формальные варианты диалектных ФЕ якутского языка

В процессе функционирования фразеологические единицы вступают друг с другом в разные смысловые и формальные отношения [Воробьева, 2012. С. 172].

Формальное варьирование. Между фразеологизмами отмечаются отношения формального варьирования, когда они тождественны по значению, но компоненты, входящие в состав идиоматических сочетаний, могут отличаться.

1. Довольно часто наблюдается изменение звуковой оболочки ФЕ, обусловленное подвижностью орфоэпических норм, что приводит к появлению фонетических вариантов. Так, например, в литературном якутском языке имеется ФЕ *ычатын ылларбыт* со значением 'потерять силы, обессилеть, ослабеть': *Васегу көрөөт, ханнык да ычатын ылларан өлбөөркөй харахтаммыт киһи мичик гына түһэр этэ.* Амма Аччыгыйа. Увидев Васю, любой обессилевший, с поблекшим взглядом человек улыбался. Его компонент **ыча** подвержен варьированию. В составе литературного фразеологизма **ыча** имеет значения: '1. мыслительные возможности

человека. 2. внутренние силы, возможности' [БТСЯЯ, 2017. С. 573]. Данный фразеологизм имеет и диалектную форму **ачатын ыларбыт** *диал.* 'выбиться из сил, потерять последние силы' (*букв.* [он] лишился кишечного жира) [ЯРФС, 2002. С. 116]. Здесь лексема **ача** *диал.* толкуется иначе: 'внутренний жир, внутреннее сало' [ТСЯЯ, 2004. С. 673].

Что касается ареала распространения формы **ача**, то в «Диалектологическом словаре якутского языка» указывается, что она преимущественно употребляется в говорах якутов Анабарского, Булунского, Вилуйского, Усть-Янского, Верхневилуйского улусов, а также у есейских якутов. Данная лексема двузначна: 1. 'жир на кишечнике оленя'; 2. 'кишка у оленя' [Пекарский, 1959. Стб. 210], *ср.* *эвенк.* хача 'околокишечный жир; кишки, покрытые жиром' [ДСЯЯ, 1976. С. 54].

В вышеприведенном примере наблюдается также варьирование фонетических компонентов ФЕ *а ~ ы* в силу соответствия широких и узких гласных. Аналогичная сингармоническая вариация компонентов ФЕ (*а ~ у*) обнаруживается в вариационных парах **нус бааччы** 'беззаботно (*напр., жить*)' – **нас бааччы** 'спокойно, мирно, неспешно' [БТСЯЯ, 2009. С. 465]. Форма **нус бааччы** функционирует в литературном языке. *Күһүмэ нус бааччы утуяа сытара.* М. Дождордуурап. Его друг спал беззаботно. *Нас бааччы ололорлор.* Живут они спокойно, беззаботно [БТСЯЯ, 2009. С. 465].

А. Е. Кулаковский приводит пример ФЕ **мас баттах барда** 'ушел, куда глаза глядят' (*букв.* пошел, куда доведет костыль с перекладиной), в котором отмечается вариация согласных *м ~ б*. Он считает, что эта ФЕ конкурирует с «неправильно» произносимым ДФЕ **бас баттах барда** [Кулаковский, 1979. С. 150].

В составе фразеологизмов наблюдается фонетическое варьирование и сонорных согласных *л ~ н* в соотносимых фразеологических парах: **муустабын уур** – **нуустабын уур** [СКТ, 1979. С. 202; ДСЯЯ, 1995. С. 129].

Рассмотрим семантику предложения с этими ФЕ: **нуустабын уур** *разг.* 1. 'заботиться о ком-чем-л., окружать заботой кого-л.' *Этэрээти бары өттүнэн хааччыыыга нуустабын уурдаххына сатанара буолуо.* Л. Попов. Будет хорошо, если ты займешься обеспечением отряда со всех сторон. 2. 'вкладывать душу во что-л.' [БТСЯЯ, 2009. С. 494]. [*Устудьуоннар*] *уһулуччу үчүгэйдик үөрэнэллэрин таһынан институт олоһор нуусталарын ууран туран кытталлара.* «Кыым». [Студенты] помимо того, что учились исключительно хорошо, вкладывали душу в общественную жизнь института. ФЕ **муустабын уур** вступает в семантическое отношение со вторым значением вышеприведенной единицы: *Мэник буоламмыт, киһи муустатын ууран, таптаан дьарыгыланарын көбүлүүх кэриэтин, күлэ сырыттаһыт.* «Хотугу Сулус». Будучи несерьезными, вместо того, чтоб поощрять занятие человека, в которое он вкладывает душу, мы ходим смеемся. Считается, что форма **нуустабын уур** является литературной [БТСЯЯ, 2009. С. 494].

В следующей паре примеров **ноһуоратын көннөр** – **моһуоратын көннөр** 'давать выволочку кому-л.; задать таску кому-л.' [ЯРФС, 2002. С. 33] также обнаруживается вышеуказанная фонетическая вариация сонорных согласных *м ~ н*: *Бу сатаналары моһуораларын көннөрүүххэ.* М. Дождордуурап. Этим паршивцам надо дать выволочку. *Бар тахсан үлэлээ, хата ол ордук буолуо, киэһэ буолла буолбат дуо? Эйигин баһас ноһуорабын көннөрүүм ээ...* А. Софронов. Будет лучше, если ты выйдешь работать, уже наступил вечер. Тебе-то уж дам выволочку. *Ср. бур.* *ноһорху* 'шерсть'. Н. С. Григорьев считает, что, возможно, **ноһуоратын көннөр** означает 'тянуть за волосы' [ФСЯЯ, 1974. С. 58].

2. Во второй группе ФЕ преобладает изменение компонентов, элементы которых не несут никакой смысловой нагрузки типа **илэ-сала көт (түс)** – **илэмэ-салама көт (түс)**.

ФЕ **илэ-сала көт (түс)** имеет следующую текстовую семантику: 1) 'с готовностью принимать участие во всем, проявлять большую активность'; Уопсастыбаннай үлэбэ илэ-сала түстэ. «Өстөөхтөр өскөтө чугаһыыр күннээх буоллахтарына, нэһилиэнньэ кинилэргэ илэ-сала көтүө суохтаах,» – *дишр кини түмүгэр.* «Хотугу Сулус». «В случае, если враги приблизятся, население не должно принимать их радушно,» – так говорит он в заключительном слове. 2) 'быть предупредительным, любезным, услужливым'. *Миигин үөрэ-көтө, илэ-сала көрүстэ, дороо-болоһон, илибин өр сахсыйда.* Дождордоһуу түһүлгэтэ. Он встретил меня радостно, любезно,

здороваясь, долго тряс мне руку. *Бу өйдөөтөбүнэ, биэнсийэбэ тахсыбыт кэннэ дьон киниэхэ сыһыана, арааһа, биллибэтинэн уларыан иһэр эбит. Аны уруккуларын курдук **илэ-сала көп-пөттөр**. «Кыым». Если так подумать, оказывается, после того как он вышел на пенсию, отношение людей к нему незаметно изменилось. Теперь не так любезны, как раньше. 3) *неодобр.* 'Льстить; угодничать, лебезить, подхалимничать'. *Колчакка **илэ-сала көтөн** даҕаны үгүүрү дуоһунаска тиксибэтэбэ.* С. Данилов. Несмотря на то, что он льстил Колчаку, все равно не удостоился высшего чина. *Мантан ыла өһү-сааһы өһүлэн, кини этэрин утарбакка **илэ-сала көт-төххө** сатаныһы.* Болот Боотур. Отныне, позабыв все обиды, нужно, не возражая, угождать ему. По нашему мнению, третье значение имеет диалектный вариант **илэмэ-салама көт (түс)**. *Мин Ил Түмэнгэ талылларбын өлөрдүү абааһы көрөр күүстэр элбэхтэр. Бастатан туран, сир баайын көмүскүүр хампаанньалар, кинилэргэ **илэмэ-салама түһэр** чуньубунньуктар, кэмиэрчэскэй СМИлэр.* Куум. Ру. Существуют силы, выступающие против моего избрания в Ил Тумэн (законодательный орган. – Л. Г.). Это, в первую очередь, компании, защищающие недра земли, чиновники, угодничающие им, коммерческие СМИ.*

Лексическое варьирование ДФЕ якутского языка

В исследованном материале наблюдаются отношения лексического варьирования, при котором отмечается замена компонента фразеологизма синонимом или лексемами одной тематической группы. При этом во фразеологическом значении каких-либо изменений не происходит. Для многих из них характерна замена одного компонента, именного или адъективного.

1. Чаще всего варьируются именные компоненты. Например, употребляющаяся в литературном языке ФЕ **туйабын хатар** 'быть достойным кого-л.' (букв. просушить чьи-л. копыта) имеет лексический вариант **тыгырабын хатар**. *Чулуу ыанньыксыт **туйабын**, баҕар, бу кыысчаан **хатарыа**...* С. Федотов. *Аҕам миигин, бэйэм **тыгырахпын хатардын** диэн, бэйэтин аатынан ааттаппыт.* Отец мой, желая, чтобы я был достойным его, дал мне свое имя [Афанасьев, 1965. С.100]. В литературном языке лексема **туйах** означает 'копыто', а лексема **тыгырах** – 'коготь, ноготь'. Таким образом, единицы **тыгырах / туйах** являются синонимами. *Ср. др. тюрк., тюрк. **туйаҕ, туйак, тояк**.* Согласно «Диалектологическому словарю якутского языка» лексема **тыгырах** функционирует в речи якутов Булунского, Верхоянского, Момского, Саккырырского, Усть-Янского, Верхнеколымского улусов в значении туйах 'копыто' [ДСЯЯ, 1976. С. 254].

Про людей с хорошей памятью в якутском языке говорят, что это человек с беличьей памятью. Функционирующая в литературном языке ФЕ **тиин мэйии** со значением 'памятливый, не забывающий' (букв. беличья память), имеет вариант **онголо мэйии** 'человек с хорошей памятью' [БТСЯЯ, 2010. С. 302], распространенный в Оймяконском, Жиганском улусах: *Ол мунньахха ким тугу эппитин **тиин мэйии** Ньюкулай өйдүүрэ буолуо* [ЯРФС, 2002. С. 190]. О чем говорили на том собрании, наверное, помнит памятный Николай. *Умнугана суох кини-ни **онголо мэйии** дишлэр* [БТСЯЯ, 2010. С. 302]. Лексемы **тиин / онголо** 'белка' [ДСЯЯ, 1976. С. 187] в этих вариантах являются синонимами. *Ср. эвенк. **онгалган, онголо*** 'кедровка'.

Нами были также обнаружены фразеологизмы со значением 'еле, едва', функционирующие в разных говорах, компоненты которых вступают в синонимические отношения: **дыбаа тыына** (Оймякон, Колыма) 'насилу, еле, едва' [ДСЯС, 1995. С. 66], тыын 'душа'. *Ср. др.-тюрк., тюрк. тын* 'душа; дыхание' [БТСЯЯ, 2014. С.430]; **дыбаа дууһам** (Верхнеколымск) 'едва душа (в теле)' [ДСЯС, 1995. С. 90–91]. *Дыбаа дууһам кэллим.* Еле живой я пришел. Дууһа 'душа' заимствование из русского языка.

Следующие примеры касаются вариативных пар **киэн тутун – күөн тутун**. Как указывает П. С. Афанасьев, в верхоянском говоре более употребителен вариант **күөн тутун** [1965. С. 133]. **Киэн тутун** 'испытывать гордость чем-л., гордиться кем-чем-л.; испытывать чувство удовлетворения от чего-л.' [БТСЯЯ, 2007. С. 187]. *Саха сиригэр [алмаас] көстүбүтүнэн мин улаханнык **киэн туттабын**.* Суорун Омоллоон. Мы испытываем большую гордость от обнаружения в Якутии алмазов. *Ср. кээн алт. тел. 1.* 'украшение'; 2. 'прекрасный' [Радлов, 1899. Стб. 1073]; *маньчж. кээн* 'охотно, с удовольствием < кит.' [ССТМЯ, 1975. С. 448]; **күөн тутун** 'испытывать гордость чем-л., гордиться кем-чем-л.'. *Бөһүөлэккэ биһиги күөлү кэрэхсээбитинэн*

тийийдибит, олохтоохтор, **күөн туттан** туран күөллэрин кэпсээбитинэн тоһуйдулар. Амма Аччыгыйа. В поселок мы прибыли с интересом к озеру, жители встретили нас с гордостью.

Рассмотрим семантику вариативных пар **күөн көрүс** 'противоборствовать; состязаться в чем-л. с кем-л. один на один; участвовать в поединке' [БТСЯЯ, 2008. С. 63] – **нөрүүн көрүс** 'помериться силами, биться на поединке' [БТСЯЯ, 2009. С. 483]. [Тустууга] *Элбэх улуус ааттаахтарын кытта күөн көрсөн барыларын кыайбытым.* И. Гоголев. Я состязался в [вольной] борьбе со многими знаменитыми людьми со многих улусов и выигрывал у всех. В говоре верхоянских якутов отмечается вариант **нөрүүн көрүс** 'помериться силами, биться на поединке' [ЯРФС, 2002. С. 34; ДСЯЯ, 1976. С. 175]. *Сайын бу Бэрхэйээнгэ кэлэр, бу Дьяаны бэттэрин кытта нөрүүн көссө* [Афанасьев, 1965. С. 27]. Летом приезжает сюда в Верхоянск, чтобы потягаться здесь с янскими знатными людьми. В семантические отношения вступают компоненты **күөн** 'грудь, нижняя часть груди (обычно лошади)'. Ср. пратюрк. **көөн**, **көөн** 'грудь и **нөрүүн** 'верхняя часть тела человека, туловище человека (грудь, спина и т. д.)' [БТСЯЯ, 2009. С. 483]. Ср. монг. **нуруу** 'спина, спинной хребет, позвоночник'. В паре **күөн көрүс** – **нөрүүн көрүс** варьирующиеся компоненты находятся в родо-видовых отношениях.

В «БТСЯЯ», «ЯРФС» ФЕ **бас баттах** подается как многозначная: **бас баттах** 1. 'Необдуманно, бестолково, легкомысленно (говорить)'. «Василий Егорович, эн сэрэн, **бас баттах** тыллаһаргын мантан антах уураттаххына сатанара буолуо», – диэтэ Кылбанов. С. Данилов. «Василий Егорович, смотри, отныне тебе следует прекращать необдуманную речь», – сказал Кылбанов. 2. 'Бесцельно, напрасно, куда глаза глядят (идти, бежать)'. *Мишка үүрүллүбүт сириттэн тэйдэр тэйдэн, бас баттах сэли, хаамыы икки ардынан анньан, быһа мөкүгүнүү, лэппэрэнни истэ.* Н. Заболоцкай. Небольшого роста, кругленький, Мишка [медведь] отходил с загнанного места спокойно, то мелкими шагами, то рысью, куда глаза глядят. 3. 'никому не подчиняясь, самовольно, без удержу' (букв. следовать, куда повернет голова). *Бу оёолор, аҕалара суох буолан, олус бас баттах барбыттар.* «Хотугу Сулус». Эти дети, растя без отца, своевольничают.

Второе значение соотносится с диалектным фразеологизмом **сир баттах** 'наугад, куда глаза глядят' (букв. следовать, куда доведет земля). Этот вариант употребляется в речи якутов Верхоянского, Среднеколымского улусов [ДСЯЯ, 1976. С. 208; ЯРФС, 2002. С. 115]; *Били кыыс, Чуонах, суддьун кытта сир баттах барар, бултаан аһаан* [Афанасьев, 1965. С. 8]. Девушка эта Чуонах уходит из дому с младшим братом, они идут, куда глаза глядят, добывая себе пищу охотой. По нашему мнению, вариантность возникла вследствие взаимозаменяемости лексем, ассоциативно близких [Готовцева. 2012, С. 44].

А. Е. Кулаковский считает, что ФЕ **мас баттах барда** 'ушел, куда глядят' (букв. пошел, куда доведет костыль с перекладиной) имеет вариант **тайах баттах барда** [Кулаковский, 1979. С. 175] (букв. пошел с посохом и костылем). В данном случае варьируются тематически близкие слова.

Наш материал показал, что имеются также варианты ФЕ, соотносимые компоненты которых не имеют никаких семантических связей: **сах билэр** – **тангара билэр** 'черт его знает', 'бог его знает'. **Сах билэр.** *Уһун солкуобайы көрдүү барда ини.* В. Яковлев. Ср. др.-тюрк. **йах-йух** 'всякая всячина'. *Бог его знает. Наверное, поехал за длинным рублем.* **Тангара билэр** 'бог знает, одному богу известно' [БТСЯЯ, 2013. С. 204]. *Барбыта ыраатта, хаһан кэлэрин тангара билэр.* Ср. тюрк.-монг. **тэнри**, **тэнри**, **тэнгэр**, **дээр**. Уехал давно, когда придет, одному богу известно. У А.Е. Кулаковского значится ФЕ **буурдуобун көрдөрдө** со значением 'удирать позорно' (букв. показал, как скакать) с указанием варианта **үдьүгэбин көрдөрдө** (букв. показал свою задницу) [1979. С. 123], который употребляется в говоре вилейских якутов; лексема **үрдүүгэ** / **үдьүгэ** означает 'ягодицы, седалище' [ДСЯЯ, 1976. С. 270].

В заключение этой части стоит обратить внимание на то, что в смысловые отношения могут вступать варьирующиеся компоненты, выражаемые понятия которых относятся друг к другу как целое и часть: **кынат** 'крыло' / **хотоҕой** 'маховые перья птиц': *Ыһыах сурабын истэн, уонча хонук инниттэн, тангаһын-сабын ыраастанан, кынатын куурдуна сырытта.* С. Никифоров. Услышав про ысыах (национальный праздник. – Л. Г.), начал готовиться за десять дней, приво-

дя в порядок одежду. *Ол Арылыаһаба хотоҕойун куурдан сылдыар үһү диһиллэр диһи.* В. Протодьяконов. Говорят, что это Арылыасова сидит на чемоданах.

2. В отдельных случаях могут замещаться имена прилагательные. Так, функционирующая в литературном языке ФЕ **дьоро киэһэ** 'радостный, с сытным ужином вечер' имеет диалектный вариант **чөрөөкүйэ киэһэ** 'вечер, примечательный вкусным, сытным ужином' [ДСЯЯ, 1976. С. 302], который употребляется в говоре чурапчинских якутов. Ср. **чөрөөк** арыгы 'вино' [ДСЯС, 1995. С. 235]. **Дьоро киэһэ** буолан кэпсээн, остуоруйа, таабырын – барыта тобулунна. Болот Боотур. Поскольку это был радостный, с сытным ужином вечер, рассказывали сказки, загадывали загадки. 'С вышеприведенными примерами в антонимические отношения вступают диалектные варианты **нукуйа киэһэ** 'вечер со скудной едой' [ДСЯЯ, 1976. С. 175], распространенный в говоре якутов Чурапчинского улуса и **ньыха киэһэ** 'обычный вечер со скудной пищей, без веселья' [БТСЯЯ, 2010. С. 179; СКТ, 1979. С. 203] *Бүгүн ньыха киэһэ – эт сиэбэт киэһэлэрэ.* В. Яковлев. Сегодня вечер со скудной пищей, без веселья – без мяса.

Заключение

Между диалектными и литературными фразеологизмами отмечаются отношения формального варьирования, при том что они тождественны по значению. Однако отдельные компоненты, входящие в состав идиоматических сочетаний, могут отличаться: а) изменением звуковой оболочки ФЕ, обусловленной подвижностью орфоэпических норм, что приводит к появлению фонетических вариантов; б) варьированием в составе ФЕ компонентов, которые не несут никакой смысловой нагрузки; в) заменой компонента ФЕ синонимом или лексемой той же тематической группы; г) заменой компонента ФЕ словами, находящимися в родо-видовых отношениях, либо же в отношениях часть – целое.

Диалектные фразеологизмы имеют и особенности, обусловленные сферой его ареального употребления. Так, анализ показал, что в случаях, когда фразеологизм в литературном языке многозначен, диалектный вариант может вступить в семантическую связь с одним из значений литературного варианта того же фразеологизма.

В целом связи и отношения между диалектными и литературными фразеологизмами якутского языка, проявляющиеся в их формальной вариантности и различиях по сферам употребления, можно, вероятно, объяснить лексическими взаимосвязями и внешними языковыми контактами.

Список литературы

- Афанасьев П. С.* Говор верхоянских якутов. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1965. 174 с.
- Воробьева Н. А.* Фразеологические варианты в свете креативной речевой деятельности диалектоносителей // Урал. филол. вестн. № 3. 2012. С. 171–175.
- Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
- Готовцева Л. М.* Вариантность субстантивных фразеологических единиц якутского языка // Филология и человек. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. № 4. С. 40–51.
- Иванов С. А.* К вопросу о диалектном членении якутского языка // Якутский язык: Диалектология. Новосибирск: Наука, 1998. С. 48–54.
- Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск. кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Кунин А. В.* Некоторые вопросы английской фразеологии // Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русск. язык, 1955. С. 1451–1455.
- Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
- Назарян А. Г.* Фразеология современного французского языка. М.: Высш. шк., 1976. 310 с.
- Нелунов А. Г.* Диалектные фразеологизмы якутского языка (к постановке проблемы) // Якутский язык: Диалектология. Новосибирск: Наука, 1998. С. 48–54.
- Федосов И. А.* Вариантность и функционально-стилистическая синонимия фразеологических единиц // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 119–124.

Чепасова А. М. Понятия о динамических и диалектических процессах в языке // Диалектические процессы во фразеологии. Челябинск: ЧГПИ, 1993. 173 с.

Список словарей

Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V. 616 с. – БТСЯЯ

Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. Т. VI. 519 с.

Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. Т. VII. 519 с.

Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. Т. X. 575 с.

Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. Т. XI. 528 с.

Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. Т. XIV. 592 с.

Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с. – ДСЯЯ

Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с. – ДСЯС

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. I. Л.: Изд. АН СССР, 1958-1959. 1280 стб..

Радлов В. В. Опыт Словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1899. 1814 стб., 64 с.

Сахалыы кылгас тылдьыт (Краткий словарь якутского языка) / Сост. Г. Ф. Сивцев. Якутск: Якутское книжное изд-во, Якутск. 1979. 224 с. – СКТ

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 470 с. – ССТМЯ *Толковый словарь якутского языка* / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I. 680 с. – ТСЯЯ

Фразеологический словарь якутского языка / Сост. Н. С. Григорьев. Якутск: Книжное изд-во, 1974. 128 с. – ФСЯЯ

Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Васильевич. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 803 с. – ЭРС

Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Г. Нелунов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. Т. I. 287 с. – ЯРФС

Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Г. Нелунов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. Т. II. 420 с.

Список сокращений

алт.	алтайский
бур.	бурятский
др.-тюрк.	древнетюркский
кит.	китайский
маньчж.	маньчжурский
монг.	монгольский
пратюрк.	пратюркский
русс.	русский
тел.	телеутский
тюрк.	тюркский
тюрко-монг.	тюрко-монгольский
эвенк.	эвенкийский
якут.	якутский

букв. буквально
 диал. диалектное слово
 Ср. сравни

Материал поступил в редколлегию 05.07.2018

Lina M. Gotovtseva

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN)
 1 Petrovskij Str., Yakutsk, 677007, Sakha, Russian Federation*

lingot@rambler.ru

VARIABILITY OF DIALECT PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE YAKUTSK LANGUAGE

Variability of dialect phraseological units of the Yakut language is investigated. For the first time in Yakut linguistics, under study is the relationship between the dialectal and literary phraseological units of the Yakut language, this being manifested in their variability and the sphere of dialectal use. A typology of options is proposed.

Keywords: Yakut (Sakha) language, standard language, dialectal areas, phraseology, variation, types of variability, sphere of use.

References

- Afanas'ev P.S. Govor verhojanskih jakutov. Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izd-vo, 1965. 174 s.
- Vorob'eva N.A. Frazeologicheskie varianty v svete kreativnoj rechevoj dejatel'nosti dialektonositelej // Ural'skij filologicheskij vestnik. № 3. 2012. S. 171-175.
- Gak V.G. Sopotavitel'naja leksikologija. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1977. 264 s.
- Gotovceva L.M. Variantnost' substantivnyh frazeologicheskikh edinic jakutskogo jazyka // Filologija i chelovek. Barnaul: Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, 2012. № 4. C.40-51.
- Ivanov S.A. K voprosu o dialektnom chlenenii jakutskogo jazyka // Jakutskij jazyk: Dialektologija. Novosibirsk: Nauka, 1998. S.48-54.
- Kulakovskij A.E. Nauchnye trudy. Jakutsk. kn. izd-vo, 1979. 484 s.
- Kunin A.V. Nekotorye voprosy anglijskoj frazeologii // Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1955. S. 1451-1455
- Mokienko V.M. Slavjanskaja frazeologija. M.: Vysshaja shkola, 1989. 287 s.
- Nazarjan A.G. Frazeologija sovremennogo francuzskogo jazyka. M.: Vysshaja shkola, 1976. 310 s.
- Nelunov A.G. Dialektnye frazeologizmy jakutskogo jazyka (k postanovke problemy) // Jakutskij jazyk: Dialektologija. Novosibirsk: Nauka, 1998. S.48-54.
- Fedosov I.A. Variantnost' i funkcional'no-stilisticheskaja sinonimija frazeologicheskikh edinic // Voprosy jazykoznanija. 1974. № 6. S.119-124.
- Chepasova A.M. Ponjatija o dinamicheskikh i dialekticheskikh processah v jazyke // Dialekticheskie processy vo frazeologii. Cheljabinsk: ChGPI, 1993. 173 s.

Spisok slovarj [List of Yakut (Sakha) dictionaries]

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod obshh. red. P.A.Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2008. T. V. 616 s. – BTSJaJa

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod obshh. red. P.A.Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2009. T. VI. 519 s.

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod obshh. red. P.A.Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2010. T. VII. 519 s.

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod obshh. red. P.A.Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2013. T.X. 575 s.

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod obshh. red. P.A.Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2014. T.XI. 528 s.

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod obshh. red. P.A.Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2017. T. XIV. 592 s.

Dialektologicheskij slovar' jakutskogo jazyka / Sost. P.S.Afanas'ev, M.S.Voronkin, M.P.Alekseev. M.: Nauka, 1976. 392 s. – DSJaJa

Dialektologicheskij slovar' jazyka saha: Dopolnitel'nyj tom / Sost. M.S.Voronkin, M.P.Alekseev, Ju.I.Vasil'ev. Novosibirsk: Nauka, 1995. 296 s. – DSJaS

Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. T. I. L.: Izd. AN SSSR, 1958 -1959. 1280 stb..

Radlov V.V. Opyt Slovarja tjurkskih narechij. T. II. Ch. 2.SPb.: tip. Imp. Akad.nauk, 1899. 1814 stb., 64 s.

Sahalyy kylgas tyld'yt (Kratkij slovar' jakutskogo jazyka) / Sost. G.F.Sivcev. Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izd-vo, Jakutsk. 1979. 224 s. – SKT

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh jazykov: Materialy k jetimologicheskomu slovarju / Pod red. V.I.Cincius. L.: Nauka, 1975. 470 s. – SSTMJJa Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka / Pod obshh. red. P.A.Slepcova. Novosibirsk: Nauka, 2004. T.I. 680 s. – TSJaJa

Frazeologicheskij slovar' jakutskogo jazyka / Sost. N.S.Grigor'ev. Jakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1974. 128 s. – FSJaJa

Jevenkijsko-russkij slovar' / Sost. G.M. Vasil'evich. M.: Izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1958. 803 s. – JeRS

Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' / Cost. A.G.Nelunov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2002. T.I. 287 s. – JaRFS

Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' / Cost. A.G.Nelunov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2002. T.II. 420 s.

М. А. Сафонова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия*

safonovamarya@yandex.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
СТИЛИСТИЧЕСКОГО ВАРИИРОВАНИЯ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БИОГРАФИЙ
УИНСТОНА СПЕНСЕРА ЧЕРЧИЛЛЯ)**

В статье определяются понятийные и языковые параметры стилистического варьирования в биографических текстах (на материале англоязычных биографий сэра Уинстона Спенсера Черчилля). В исследовании рассматриваются различные лингвистические уровни: морфология, лексика – в связи с передаваемыми видами ингерентных и адгерентных коннотаций; синтаксис словосочетания и предложения – в связи со стилистической нейтральностью и маркированностью. Функционирование существительных, прилагательных, глаголов, наречий и синтаксических конструкций изучается с целью установления общих понятийных характеристик текста. Специализированный и неэмоциональный тип содержания – основан на преобладании формальных, специальных коннотаций; неспециализированный и эмоциональный тип передается при помощи коннотаций эмоционального, оценочного, экспрессивного характера. Разрабатываемая пошаговая методика демонстрирует, что существует корреляция между типом содержания биографического текста и способом аргументации в нем, т.е. специализированный, неэмоциональный тип соответствует преобладанию аргументации, подкрепленной фактической информацией; для неспециализированного и эмоционального типа содержания характерна аргументация, не подкрепленная данными из других источников. Результаты анализа применимы к составлению курсов по стилистике английского и других иностранных языков. Выводы исследования также имеют отношение к выработке стратегии и тактики написания биографических текстов для профессиональных журналистов, писателей, политиков, экономистов, историков, а также могут представлять ценность для всех специалистов, интересующихся биографиями.

Ключевые слова: стилистика, биография, оценочная коннотация, часть речи, синтаксическая конструкция, стратегия и тактика написания текста, профессиональная коммуникативная компетенция.

Биографические тексты представляют собой уникальный по своим характеристикам материал – как для лингвостилистического исследования, так и в преподавании иностранных языков. Биографии изучаются в рамках ряда научных дисциплин: истории, международной политики, философии, герменевтики и многих других. Для профессиональных политиков публикация их биографий может как способствовать укреплению их репутации (например, в случае автобиографии Барака Обамы «Dreams from My Father»), так и вести к ослаблению их позиции в политике (широкий общественный резонанс имела книга Майкла Вольфа «Fire and Fury. Inside the Trump White House»).

Сафонова М. А. Лингвистические параметры стилистического варьирования в биографическом тексте (на материале англоязычных биографий Уинстона Спенсера Черчилля) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 69–83.

Отличную базу для стилистического исследования обеспечивает корпус биографий, посвященных одному и тому же человеку: в таком материале прослеживаются разные обобщенные типы содержания и различное функционирование единиц ряда речевых уровней (морфологии, лексики, синтаксиса, и шире – стилистики), о чем речь пойдет ниже.

Педагоги, преподающие иностранные языки в высшей школе, довольно часто используют биографические тексты, так как студентам, изучающим иностранный язык, необходимо владеть информацией о событиях жизни и истории научных открытий ключевых исследователей в области своей специализации. Грамотно подобранный учебный материал не только содержит в нужном объеме данные по интересующим учащихся темам, но и может повлиять на их формирование в личностном плане.

По словам С. П. Капицы, «только то, что человек сам прочувствовал и сам, хотя и с помощью других, продумал, пусть и неглубоко, по представлениям многих, – но только то, что он пропустил через себя, пережил /.../, становится для него существенным и может определить его поведение в главном» [Капица, 1985. С. 11]. В феноменологии Эдмунда Гуссерля, эмпатия – это момент конституирования «другого Я», «чувствования себя другим» [Гуссерль, 1988], и с точки зрения эмпатии, биографические тексты способны развивать восприятие предмета на глубоком, эмоциональном уровне.

Обсуждая тексты, приемлемые для изучения в курсе стилистики, Рональд Картер, один из ведущих современных британских лингвистов, подчеркивает, что в обучении стилистике английского языка (в том числе как иностранного) уже давно признана необходимость изучения не только художественной литературы, но и текстов других стилей («The introduction into language curricula, for both first and for second or foreign language learners, of a much greater variety of texts and text-types so that literary texts are studied alongside advertisements, newspaper reports, magazines, popular song lyrics, blogs, Internet discourse, and the many multimodal texts to which we have become accustomed») [Carter, 2010. С. 56]. В зарубежной педагогической традиции признается статус биографии как материала для изучения в рамках курса по стилистическому анализу текстов наряду с произведениями иной жанрово-стилистической направленности.

Проблемами типологического и концептуального своеобразия биографии занимались многие отечественные и зарубежные ученые. Вопросам формальной теории и поэтики биографий посвящены труды Л. Эделя и А.Б. Нэйделя. Д. Стауффер, Дж. Клиффорд, Р. Гиттингс, Дж. Рид, Р. Алтик, Г. Николсон, Э. Джонсон описали в своих трудах формирование биографии в диахронии. Связь биографии и литературы рассматривается в работах Р. Уэллека и О. Уоррена. Типологии биографий можно найти в исследованиях А.Б. Нэйделя, Р. Хоberman, Дж. Клиффорда, П. Кендалла. Творческие задачи, решаемые писателями-биографами, описаны в работах Р. Эллманна и П. Хонана. Как известно, очень большое значение уделяли биографиям в своих теориях Ш.-О. Сент-Бёв и В. Дильтей. К отечественным ученым, изучавшим биографические тексты, относятся М. М. Бахтин, С. С. Аверинцев, Г. О. Винокур, Ю. М. Лотман, И. В. Кабанова, Т. Н. Потничева, Н. В. Журди, Ю. Н. Евсеева, В. А. Даулетова, Ю. В. Дворко, В. Д. Лопатина и другие филологи.

Большинство проводимых исследований, посвященных биографическим текстам, сосредоточено на содержательных, мировоззренческих, философских и эстетических качествах биографий. Количество работ о языковой, лингвистической стороне биографий – невелико. Одним из пионеров в этой области выступил Айра Брюс Нэйдель, впервые предложивший идею лингвостилистического сопоставления биографий, посвященных одной и той же личности. В работе 1985 года «Biography: Fiction, Fact and Form» он сопоставил ряд биографий Вирджинии Вульф, используя классификацию тропов и фигур речи Аристотеля [Nadel, 1985].

Именно в работе А.Б. Нэйделя выдвигается тезис о том, что в теории биографии большую важность представляют параметры лингвостилистического анализа – анализа лингвистических единиц, составляющих словесную ткань произведений: «A biography is a verbal artifact of narrative discourse. Its tool, figurative language, organizes its form. A biographer constitutes the life of his subject through the language he uses to describe it and transforms his chronicle to story through the process of employment /.../ Biography is a symbolic structure employing formal ele-

ments of language, fiction and narration – this summarizes my understanding of the genre» [Nadel, 1985. С. 8–9].

А. Б. Нэйдель утверждает, что необходимо признавать переносное использование языковых единиц в составе метафоры, метонимии, синекдохи и иронии как основного инструмента выражения определенной точки зрения на описываемого человека. Двумя важнейшими способами построения биографии он считает, с одной стороны, репрезентацию фактов, и, с другой – использование средств языка, выражающих авторскую интенцию.

Среди причин, по которым в двадцатом веке не сложилось теории биографии, А. Б. Нэйдель отмечает недоверие к самому жанру, причиной которого стал тот факт, что многие филологи излишне опирались на жизнь писателей и поэтов в интерпретации их творчества. Еще одной причиной, по которой не сформировалось полноценной теории биографии, А. Б. Нэйдель считает влияние структурализма и, в первую очередь, концепции смерти автора, сформулированной Р. Бартом, поскольку эта теория подвергает критике саму возможность однозначного изложения событий жизни человека в форме биографического текста. Немаловажным оказалось на этом этапе и использование психологического метода в литературоведении: психоанализ как правило заслоняет собой лингвистические особенности биографии.

За рубежом и в России число исследований по лингвистике биографии остается незначительным. Тем не менее за последние годы был написан ряд ценных работ о формальных аспектах построения биографического текста в русле дискурсивного анализа [Евсеева, 2011], грамматики нарратива [Журди, 2010], текстологии [Otterbacher, 2015], компьютерных методов исследования [Flekova, Freschke, Gurevich, 2014]. Рассмотрена роль модусных глаголов речевой и ментальной деятельности, а также видо-временных форм глагола в автобиографических текстах. Отдельное направление составляют исследования, в которых изучаются биографии, создаваемые пользователями информационных платформ (например, «Википедии»), с целью проанализировать критерии отбора информации и оформления общественного мнения о той или иной личности (так, в статье Я. Оттербахер выявлена корреляция между использованием абстрактных существительных и закреплением расистских и гендерных стереотипов в биографических текстах). Достигнутые результаты представляют большую ценность для лингвистического анализа, однако носят несколько фрагментарный характер. Настоящее исследование содержит попытку охватить различные уровни лингвистической организации текста (части речи, малый и большой синтаксис) с опорой на четко структурированную методику.

К самым распространенным методам стилистического изучения текстов Р. Картер [Carter, 2010] относит следующие:

- Practical stylistics
- Critical discourse analysis
- Transformative text analysis
- Reader responses and the role of the reader
- Corpus stylistics

Все данные методики имеют неоспоримые достоинства. Практическая стилистика предполагает тщательный и скрупулезный филологический анализ текста, с учетом всех маркированных слов и конструкций. В зарубежной традиции этот подход близко связан с понятием *close reading*. Критический дискурс-анализ сосредоточен на изменениях, переживаемых дискурсом под влиянием интертекстуальности как социокультурного феномена. Трансформация текста читателями/учащимися подразумевает активный подход к изучению текста, при котором создаются его версии, отличные друг от друга со стилистической точки зрения. Научные работы, нацеленные на анализ оценок текста, данных читательской аудиторией, делают вклад в осмысление художественных текстов (в ходе таких исследований делаются аудиозаписи обсуждения текста группой читателей, среди участников проводится анкетирование, чтобы выявить общие тенденции в эстетическом восприятии текста). Корпусная стилистика опирается на компьютерные программы, обрабатывающие большие массивы информации (главным образом, в лексикологическом плане).

Рассуждая о методике стилистического анализа, Р. Картер подчеркивает, что лингвистам такого рода анализ предъявляет особые требования: «Methodology is very important in any form

of text analysis, and analysts themselves also have a responsibility to say what they are doing and how they are doing it. This makes the analysis transparent to others and enables readers to retrieve how analysts have reached their interpretive decisions» [Carter, 2010. P. 55].

Настоящее исследование нацелено на достижение объективных результатов в ходе лингвистического рассмотрения биографического текста. Актуальность работы обусловлена необходимостью создания новых стилистических методик анализа биографических текстов, так как количество современных биографий растёт и подобные тексты оказывают существенное влияние на общественную оценку ключевых фигур и событий в истории как России, так и зарубежных стран.

В работе предпринимается попытка использовать первый в списке Р. Картера традиционный практический анализ – с учетом сопоставительной методики, разработанной А. Б. Нэйделем. Биографические тексты предоставляют лингвистам содержательную основу для сравнения того, как функционируют языковые и речевые единицы, т.е. *tertium comparationis*, так как существуют целые серии биографий, описывающих одного и того же человека (или одно и то же событие). Эта основа может быть обусловлена не только одной и той же личностью или событием, которому посвящено изложение событий и фактов, но и – при более детальном анализе – одним и тем же частным эпизодом из данного материала.

В статье рассматриваются англоязычные биографии сэра Уинстона Спенсера Черчилля (1874–1965). Интерес к личности знаменитого политика никогда не угасал. Как известно, вопреки сопротивлению могущественных коллег, в начале Второй мировой войны У. С. Черчилль занял пост премьер-министра Великобритании. Отмечается огромный успех У. С. Черчилля во время эвакуации британских и французских войск в районе Дюнкерка в 1940 г. (было спасено 338 000 военных, в том числе 123 000 французских солдат). Роль У.С. Черчилля как национального лидера в 1941–1945 гг. была невероятна велика. В первые годы войны премьер-министр выступал на радио двадцать один раз, и его популярность среди британцев была высока как никогда ранее.

Количество биографий У. С. Черчилля невероятно велико. Наиболее масштабным биографическим проектом в этом ряду считается «Уинстон Черчилль» – история его жизни в 8 томах, начатая сыном У. С. Черчилля, Рэндольфом, и продолженная Мартином Гилбертом. Тематически биографические книги о политике можно разделить на группы: описания его жизни до 1914 года (например, автобиография «Мои ранние годы»), во время Первой мировой войны («Мировой кризис» У. С. Черчилля), в межвоенное время («Черчилль и политика международных уступок» Р. Паркера), во время Второй мировой войны («Лучшие годы» М. Гастингса), о его отношениях с Рузвельтом, Сталиным и Ганди («Франклин и Уинстон» Дж. Мичема, «Черчилль, Рузвельт и Сталин» Г. Файса, «Ганди и Черчилль» А. Германа), его жизнь после Второй мировой войны («Черчилль. Конец славы» Дж. Чармли).

Множество книг, посвященных У.С. Черчиллю, было написано его коллегами, подчиненными и друзьями: «Уинстон Черчилль каким я его знала» В. Бонэм-Картер, «Секретарь мистера Черчилля» Э. Нэл, «Мои годы с Черчиллем» Н. Макгауэна, «Я был тенью Уинстона Черчилля» У. Томпсона. Число биографических изысканий о нем растет ежегодно: «Черчилль. Биография» Р. Дженкинса, «Уинстон Черчилль» Г. Пеллинга, «Черчилль» Кита Роббинса, «Черчилль» Р. Блейка. По оценкам известного британского политика Бориса Джонсона, каждый год публикуется около ста биографий У. С. Черчилля [Johnson, 2014].

Учитывая значительный объем материала, необходимо обозначить критерии, по которым возможен выбор текстов для практического анализа. Поскольку производится попытка сопоставления текстового материала, мы остановимся на нескольких современных англоязычных биографиях У. С. Черчилля (каждая из которых написана носителем языка), выбирая определенный тематический срез (а именно – Галлиполи). При этом общий текст каждой биографии не должен демонстрировать значительной внутренней стилистической неоднородности, т. е. быть выдержанным в одной стилистической тональности, что на начальном этапе устанавливается в ходе предварительной экспертной оценки.

Заранее необходимо установить, каковы параметры сопоставления. Общие содержательные характеристики рассматриваются с точки зрения типа содержания:

- специализированный vs. неспециализированный;
- эмоциональный vs. неэмоциональный.

Данные параметры отражают интенцию биографа – апелляции к эмоциональному или рациональному восприятию информации. Другими словами, функции биографического текста могут быть различными: образовательными, развлекательными, политическими и т.д. Как правило, они сочетаются в тексте в определенной пропорции. Объективным способом оценить общий тип содержания выступает анализ **коннотаций**, используемых в биографии.

В отличие от денотаций («the objective ('dictionary') relationship between a word and the reality to which it refers») [Crystal, 2010. С. 455], коннотации – это ассоциации, вызываемые словами. Термин *коннотация* используется для обозначения различий в значениях слов, не сводимым к различиям в денотативных значениях: «used variously to refer to differences in meaning that cannot be reduced to differences in denotation» [Matthews, 2005. С. 122].

Нейтральные слова лишены коннотаций и используются в прямом значении; в словарных статьях они не сопровождаются специальными стилистическими обозначениями. Ингерентно коннотативные слова – стилистически маркированы на уровне языка (не речи) и вызывают у читателя/слушателя определенную реакцию. Ингерентная коннотация является постоянным компонентом значения слова. Так, у нейтрального money есть ингерентно коннотативные синонимы dough, bucks, pelf, lucre, wampum, bread, jack, chips и т.д.

Простейший вид ингерентной коннотации – оценочная (также называемая «экспрессивно-эмоционально-оценочной»). Так, пейоративные коннотации (обозначаемые в англоязычных словарях как «pejorative», «derogatory», «disapproving») выражают негативную оценку: disgusting, abominable, horrible. Позитивные оценочные коннотации имеют обратное значение: triumphant, majestic, glorious, extraordinary, dazzling. Междометия обладают ингерентными эмоциональными коннотациями: gosh, man, oh really, way to go. Слова с усиливающим (intensifying) значением отмечены экспрессивными коннотациями: awesome, great, fantastic, cool.

Ингерентная коннотация может быть обусловлена экстралингвистически: например, с точки зрения социолингвистики (perestroika, glasnost, novichok) или культурно-исторических реалий в более широком смысле (holy grail, mermaid, King Lear). Словари предоставляют самые разные обозначения для типов ингерентных коннотаций: «formal», «historical», «terminological», «technical», «colloquial», «conversational», «slang», «jargon», etc.

У ингерентной коннотации может быть **морфологический** признак – на нее может указывать внутренняя форма слова (префиксация и суффиксация): unfeigned, unerring, accursed, annoying, bewitching; ashen, acidulous, poisonous, venomous, rotten. Просодически произношение ингерентно маркированных слов также отличается от нейтральной нормы: ниспадающий тон, расширение диапазона и ускорение темпа типичны для произношения таких единиц (poor, ghastly, preposterous, mean, vile, sordid).

Адгерентные коннотации приобретаются словами в контексте (в речи), в сочетании с другими единицами. Слово может становиться коннотативным за счет окружения, при переносном использовании, метафорическом переосмыслении (logic vs. feminine logic). Общенаучная лексика может приобретать более узкоспециализированные коннотации в составе сложных терминов (a method, a quantitative method, the Monte Carlo method). Сравните, например, слово moon в контекстах: «I looked at the sky and saw the moon» (нейтральное употребление); «Jupiter has 69 moons, Io, Europa, Ganymede, and Callisto being the largest» (научная, специальная коннотация); «She was a plain Jane. Her face seemed very moon-like – round and simple» (адгерентная коннотация). Способность слов реализовывать свой семантический потенциал в разной степени – в зависимости от функции или контекста – была подробно проанализировано учеными Пражского лингвистического кружка [Мукаржовский, 1967].

При преобладании в отрывке (тексте) слов с ингерентными оценочными, эмоциональными, экспрессивными и адгерентными коннотациями, служащими эмоциональному усилению основных положений, мы считаем содержание неспециализированным и эмоциональным. В случае превалирования формальных, специальных, книжных, технических, научных коннотаций, содержание относится ко второму типу – специализированному, неэмоциональному.

Не только лексика, но и синтаксис участвует в стилистическом построении текста, поэтому в ходе практического анализа необходимо учитывать нейтральность и маркированность на уровнях малого и большого синтаксиса.

При оценке объема фактической информации в текстах (отрывках) предлагается оперировать понятием (не-)подкрепленности аргументации. В данной связи целесообразно обратиться к терминам «экспликация» и «импликация». Их дефиниции из «The Oxford Concise Dictionary of Linguistics» сформулированы следующим образом: «Proposition explicitly expressed, as opposed to an implicature. E.g. *Mary is ill* will, when uttered, communicate the explicature 'Mary is ill'. It might also in a specific context implicate, say, 'Mary won't be in today'» [Matthews, 2005. С. 122].

Выбор данных терминов для практического анализа базируется на предположении, что автор-биограф способен предоставлять информацию эксплицитно, делая упор на силу аргументации и опираясь на признанные источники (работы историков, ученых, исследователей). Другой возможный подход к изложению событий – не делать ссылок на другие исследования, чтобы оставить пространство для собственной интерпретации, соответствующей политическим, культурным, социальным или иным целям написания текста. Во втором случае значительная часть информации, основанной на авторитетных источниках, остается за пределами биографии; будучи имплицитной, она не предоставляется читателям напрямую.

В основе разрабатываемой нами аналитической методики лежит сопоставительный анализ. Количество текстов (отрывков) в исследовательской выборке может быть неограниченным. Для объективности анализа количество печатных знаков в текстах (отрывках) должно быть примерно одинаковым. Сам анализ сводится к пяти этапам:

- анализ лексических единиц по частям речи (в связи с типом их коннотации);
- анализ синтаксических конструкций (нейтральные vs. маркированные);
- выведение количественных характеристик;
- определение типа содержания (специальный vs. эмоциональный);
- анализ репрезентации фактической информации (характер аргументации).

Практическое применение методики

Проиллюстрируем изложенные выше положения в ходе практического анализа материала. На основе двух современных англоязычных биографий У. С. Черчилля проанализируем материал, посвященный операции в Галлиполи. Первый отрывок взят из книги Алана Макдональда «Churchill and His Woeful Wars» (ок. 2000 печатных зн. без пробелов):

«If the Antwerp episode made Winston look a fool, then much worse was to come. By 1915 the war was at a stalemate with both sides dug in on the Western Front. The trenches stretched all the way from the English Channel to Switzerland. For the next four years both sides would be locked in a bitter, costly struggle over a few acres of mud.

Winston, who loved military strategy, suggested a different approach. They would attack the enemy in the east. It was simple. Knock Turkey out of the war and supply arms to the Russians through the Dardanelles and the Black Sea, bringing pressure on the German Army from the east. Winston was convinced it would work and managed to persuade all the other members of the War Cabinet. Big mistake.

In 1915 the attack began with a naval bombardment of Gallipoli on the west coast of Turkey. Winston believed it would win the day. Actually, it was a total failure. To make matters worse, a great land assault was launched – and failed. The story was one disaster after another. In the history of war, Gallipoli is right up there with almighty clangers like the Charge of the Light Brigade.

'Mad' Admiral Fisher, who Winston had unwisely brought back, resigned in the middle of the campaign, leaving Winston to take the blame. It wasn't really fair, but the public wanted a scapegoat. When the red-faced government invited the Conservatives to join them, Winston's old party saw their chance to put the boot in. They hadn't forgotten how the young upstart had once walked out on them, now it was their chance to get even.

Thanks to the Conservatives, Winston lost his job and his hat at the Admiralty. He was shunted into a new post as Chancellor of the Duchy of Lancaster – a job that involved long hours of thumb twiddling. At the age of 40 Winston's brilliant career looked washed up.

There was only one thing for it. Politics had relegated him to the sidelines, so he would return to the Army. Winston was rather like a cork in the sea, he was bound to bob up again eventually.

In November 1915 Winston, though still an MP, traveled to the Western Front to experience life in the trenches for himself. He didn't know how long he would stay but it was a bold decision when men in France were dying in their thousands. Death didn't worry Winston, he couldn't spend the rest of the war as a spectator, he had to do something active». [MacDonald, 2004. С. 70-71].

Отрывок содержит специальную лексику, относящуюся к военным действиям и правительственным решениям, образуя отдельную группу: the Western Front, the German Army, the War Cabinet, the Conservatives, party, military strategy, a naval bombardment, the war, enemy, admiral, in the middle of the campaign, to attack the enemy, to supply arms to somebody, to launch a land assault, to resign. Данная лексика обладает ингерентными коннотациями, причем специального, а не оценочного характера.

Существительные из отрывка можно классифицировать следующим образом.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально-экспрессивно-оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
Sides way years approach members middle public chance job hours age career sidelines life decision men the rest spectator	Antwerp episode war (Western) Front trenches the English Channel Switzerland strategy enemy Turkey arms the Russians the Dardanelles the (Black) Sea the (German) army the east the War Cabinet attack bombardment Gallipoli west coast land assault history of war Admiral (Fisher) campaign government the Conservatives France MP politics	(to look) a fool (to win) the day (to make) matters (worse) charge of the Light Brigade struggle pressure mistake failure disaster clangers blame a scapegoat an upstart death	—	at a stalemate a few acres of mud story hat thumb a cork in the sea

	Chancellor of the Duchy of Lancaster			
--	--------------------------------------	--	--	--

Поясним, что слова *day, matters, boot*, нейтральные в норме на уровне языка, отведены в колонку ингерентно коннотативных. Данные слова в составе устойчивых, в разной степени идиоматических выражений (*to win the day, to put the boot in, to make matters worse*), как правило, приводятся в словарях целиком в особом подразделе, и их можно рассматривать как элементы языка, потому что они используются в речи как готовые единицы; общее значение подобных выражений не равно значению каждого отдельного компонента (*to put the boot in = kick somebody*).

Данные идиоматические выражения употребляются в отрывке для 1) описания отношений У. С. Черчилля с коллегами (*to make somebody look a fool, a chance to get even, to take the blame, to put the boot in*), 2) тактики его действий во время кампании в Дарданеллах (*to win the day, to walk out on somebody, to knock somebody out of, to bring pressure on somebody*), 3) или же для передачи оценки, данной биографом описываемым событиям (*to make matters worse, much worse was to come, one disaster after another*).

Прилагательные имеют в отрывке различную функциональную нагрузку. Сравним функцию прилагательных в словосочетаниях *the next four years, naval bombardment, total failure, 'Mad' Admiral Fisher. Next* – нейтральная единица с функцией временной локализации; *naval* имеет классифицирующую описательную функцию (в английском выделяется несколько видов 'бомбардировки': *naval, aerial* и т. д.); *total* в этом контексте – усилительное значение наряду с оценочным, и, наконец, *Mad* – отмеченное автором кавычками – ингерентно коннотативно, означая, что адмирал Фишер вел себя не вполне адекватно (а не «гневно»).

Прилагательные группируются следующим образом.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально-экспрессивно-оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
Next different simple old young even new long active	Western English military Black German naval light	Bitter costly total great almighty 'mad' fair brilliant bold worse	—	Big red-faced

В отличие от предыдущих частей речи, **глаголы** включают также слова с формальными коннотациями.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально-экспрессивно-оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
Make stretch	attack supply	to come (much worse was to come)	involve relegate	lock (locked in a bitter, costly struggle)

suggest convince work manage persuade begin believe bring leave take want invite join forget lose travel know stay die worry spend	launch resign	love win (the day) fail walk out on (somebody) to get even twiddle bound to bob up washed up	experience	dug in
--	------------------	---	------------	--------

Наречия в отрывке немногочисленны и относятся к трем выделенным группам из пяти.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально- экспрессивно- оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
out (of the war) still long	—	Actually right up there unwisely really	eventually	—

Что касается **синтаксиса**, наибольшее количество предложений – простые по структуре (их четырнадцать в отрывке). Девять предложений – сложные по структуре (сложносочиненные и сложноподчиненные). Шесть предложений осложнены относительным придаточным (non-defining relative clause), эллипсисом, парентетическим внесением и анафорой. Вместе с использованием лишь имени Черчилля – Winston – синтаксис отрывка создает эффект неформальности и экспрессивности, чему особенно способствуют неполные предложения во втором абзаце («Knock Turkey out of the war... Big mistake») и повторы в последнем предложении («Death didn't worry Winston, he couldn't spend the rest of the war as spectator, he had to do something active»).

Второй отрывок для сопоставления – из биографии Р. Дженкинса «Churchill» (также около 2000 печатных знаков без пробелов):

«How much was Churchill to blame for the Dardanelles? Whether he over-estimated the impact a decisive victory in the Near East would have on the main two fronts is a question impossible to answer given the actual circumstances. The Dardanelles strategy was bold and imaginative, and its central premise, summed up in Churchill's famous phrase of seeking an alternative to 'chewing barbed

wire in Flanders', was undoubtedly legitimate – as half a million British graves in that flat and somber countryside bear eloquent testament.

The critical weakness was the failure to plan for an integrated naval and military operation from the outset. Much of the blame for this lies with Churchill. The planning in late December 1914 and early January 1915 assumed it would in fact be a joint operation. It was Churchill who argued for a solely naval attack to the War Councils of 13 and 28 January, despite Fisher's obvious misgivings. Fisher had to be restrained by Kitchener from walking out of a Defence Committee on 28 January, and did so only to maintain 'an obstinate and ominous silence', as Asquith noted afterwards. Only in mid-February, six days before the commencement of the naval bombardment, was a decision taken to send troops. The detachment was too little and too late, and one of the First World War's human catastrophes resulted.

Hankey, writing in his diary on 19 March, speculated that Churchill planned a solely naval operation in order to recoup the prestige he had lost at Antwerp. Yet Churchill was First Lord of the Admiralty, not Secretary of State for War, let alone Prime Minister. Kitchener and Asquith ought to have had continual regard to the wider military implications. Asquith in particular failed to elicit either Kitchener's full commitment or the nature of Fisher's misgivings.

Churchill's later summing up was that the concept was overwhelmingly right, that it was only a singularly unfortunate accumulation of narrowly missed chances which prevented it from working, but that it was nonetheless a 'bridge too far' for him to attempt without supreme power. Had he been Prime Minister, with the implication that he would have run a very much more taut decision-making line of command (as indeed he did a quarter-century later), he would have won a great victory, substantially shortened the war and saved many hundreds of thousands of lives. But it is difficult to find a serious military historian who agrees» [Jenkins, 2001. С. 261].

По сравнению с отрывком из книги А. Макдональда, Р. Дженкинс употребляет гораздо больше слов формального стиля различных частей речи (commencement, assume, recoup, legitimate, singularly, overwhelmingly, etc.). К отличиям также относится использование абстрактных существительных (weakness, blame, silence). Дополнительную формальность отрывку придает большое количество герундиальных форм глагола (seeking, chewing, planning, walking, summing up).

Существительные из отрывка обладают следующими коннотациями.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально- экспрессивно- оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
question phrase wire half countryside outset January day decision diary March chance line century life	the Dardanelles East front strategy operation attack War Council Defence Committee bombardment troops detachment First World War Antwerp First Lord of the Admiralty Secretary of State Prime Minister command historian	Victory grave weakness failure blame misgivings silence catastrophe (A) bridge (too far) power	Impact premise alternative commencement prestige regard implications nature concept commitment accumulation testament	_____

Прилагательные группируются следующим образом.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально- экспрессивно- оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
joint late actual early obvious little human main	supreme (power) naval military near	bold somber imaginative eloquent famous decisive impossible right difficult critical obstinate ominous unfortunate great	Continual Legitimate	Taut flat

Глаголы делятся на аналогичные группы.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально- экспрессивно- оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
plan for argue for answer sum up bear plan walk out of take (a decision) send write prevent work attempt shorten find agree	————	over-estimate	Assume be restrained maintain note result speculate recoup elicit	lie with (blame) lose miss save

И наконец, **наречия** демонстрируют следующие коннотации.

<i>Без коннотаций (нейтральные)</i>	<i>Обладающие специальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие эмоционально- экспрессивно- оценочными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие формальными ингерентными коннотациями</i>	<i>Обладающие адгерентными коннотациями</i>
afterwards late only	_____	undoubtedly indeed	solely overwhelmingly singularly narrowly (missed) in fact indeed substantially	_____

Синтаксически отрывок является намного более сложным, чем в предыдущем случае. Автор использует разнообразные приемы синтаксической риторики: риторический вопрос, эмфатические конструкции, инверсию, различные парентетические вставки, повторы. Из восемнадцати предложений восемь осложнены перечисленными конструкциями, семь – простые по структуре и три – сложносочиненные и сложноподчиненные.

Синтаксис в тексте Р. Дженкинса демонстрирует высокую сложность построения как на уровне предложения, так и абзаца. Например, если парентетические вставки у А. Макдональда ограничиваются 3-6 словами («though still an MP», «who loved military strategy»), то у Р. Дженкинса они более распространены и имеют собственную сложную структуру («with the implication that he would have run a very much more taut decision-making line of command (as indeed he did a quarter-century later)»). В первом отрывке – семь абзацев, состоящих из 2-3 коротких предложений. Во втором отрывке же всего четыре абзаца.

Нейтральных слов (сущ., прил., гл., нар.) в первом отрывке – 53, во втором – 42. В процентном соотношении в отрывке из книги А. Макдональда эмоционально окрашенная лексика составляет 50,5 % от общего количества коннотативных слов, специальная – 49,5 %. В отрывке из книги Р. Дженкинса эмоционально окрашенная лексика среди коннотативных единиц составляет 37 %, а специальная – 63 %. Таким образом, разумно утверждать, что в первом случае содержание наделяется скорее чертами эмоционального и неспециального, тогда как во втором оно специальное и неэмоциональное.

Еще одна заметная особенность в том, что, в отличие от аргументации А. Макдональда, рассуждение Р. Дженкинса опирается на исторические свидетельства, отсылающие к тем или иным источникам: «summed up in Churchill's famous phrase», «as Asquith noted afterwards», «Hankey, writing in his diary on 19 March, speculated that», «Churchill's later summing up», «it is difficult to find a serious military historian who agrees». Другими словами, аргументация Р. Дженкинса подкрепляется фактической информацией из других работ.

Выводы

В первую очередь, из исследования следует, что для специального, неэмоционального типа содержания характерно преобладание специальных, формальных коннотаций, с активным использованием формальной лексики и осложненного синтаксиса, способствующего подкреплению аргументации, предлагаемой автором с опорой на другие источники. Эмоциональный, неспециальный тип содержания реализуется при помощи эмоционально-экспрессивно-оценочных коннотаций, адгерентной лексики, идиоматических выражений, специфического набо-

ра экспрессивных синтаксических приемов, подчеркивающих точку зрения автора, не подкрепленную ссылками на другие источники.

Предпринятое исследование требует дальнейшего развития, и разрабатываемая методика может быть далее усовершенствована (например, при помощи компьютерных методов обработки текстовой информации). Тем не менее, основные пункты исследования подкреплены практическим анализом и могут быть применены в различных целях – как в преподавании стилистики, так и в ходе написания оригинальных биографических текстов.

Список литературы

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта, 2006. 234 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания. Исследование V. Об интенциональных переживаниях и их «содержаниях» // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига: Зинатне, 1988.

Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М.: Просвещение, 1991. 248 с.

Евсеева Ю. Н. Адресованность как определяющий фактор лексических и структурных особенностей текста биографии: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2011. 275 с.

Журди Н. В. Автобиографические тексты как предмет грамматики нарратива (на материале сравнительного анализа художественных произведений двадцатого века): Дисс. ... канд. филол. наук. Высшая школа перевода. М.: МГУ, 2010. 291 с.

Капица С. П. и др. Между очевидным и невероятным. М.: Искусство, 1985. 199 с.

Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок / Под ред. Н.А. Кондрашова. М.: Наука, 1967. С. 56–71.

Carter R. Methodologies for Stylistic Analysis: Practices and Pedagogies // Language and Style. Ed. by D. McIntyre and B. Busse. L.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 55–68.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 455.

Flekova L., Ferschke O., Gurevych I. What Makes a Good Biography? Multidimensional Quality Analysis Based on Wikipedia Article Feedback Data // Proceedings of the 23rd International Conference on World Wide Web. 2014. P. 855–866.

Jenkins R. Churchill. L.: Pan Books, 2001. P. 261.

Johnson B. The Churchill Factor. How One Man Changed History. London: Hodder & Stoughton. 2014. 416 p.

MacDonald A. Churchill and His Woeful Wars. L.: Scholastic, 2004. 190 p.

Matthews P.H. Oxford Concise Dictionary of Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2005. 464 p.

Nadel I.B. Biography: Fiction, Fact and Form. L.: Macmillan, 1985. 194 p.

Otterbacher J. Linguistic Bias in Collaboratively Produced Biographies: Crowdsourcing Social Stereotypes? Proceedings of the Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media. 2015. P. 379–392.

Marya A. Safonova

*National Research University «Higher School of Economics»
20 Myasntiskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000*

safonovamarya@yandex.ru

**LINGUISTIC PARAMETERS
OF STYLISTIC VARIATION IN BIOGRAPHICAL TEXTS
(BASED ON AN ANALYSIS OF ENGLISH BIOGRAPHIES OF
SIR WINSTON SPENCER CHURCHILL)**

Biographies are used in teaching a wide range of subjects, thus representing a universal type of material that can be valuable in a TESL classroom. The benefits of this study bear relevance to assessing writing strategies that may be used by experts in a variety of fields of inquiry. The article focuses on assessing stylistic variation in biographical texts in English, using the material of a number of highly acclaimed biographies of Sir Winston Spencer Churchill written by the authors for whom English is their first language.

The article contains an analysis of the conceptual and linguistic parameters of stylistic variation in these biographical texts. It considers a number of linguistic levels: morphology and vocabulary, in connection with the kinds of inherent and adherent connotations conveyed. Minor and major kinds of syntax are studied in relation to the stylistic neutrality and non-neutrality of the units under study. The functioning of nouns, adjectives, verbs and adverbs is analyzed in order to establish the type of general conceptual characteristics the texts demonstrate. A specialized and non-emotional type of content is based on the predominance of formal specialized connotations; an emotional and non-specialized type of content is, on the contrary, constituted by emotional, expressive and evaluative connotations. The analytic technique developed shows that there is correlation between the conceptual characteristics of a biographical text and the kind of argumentation it contains. The specialized and non-emotional type of content correlates with arguments supported by factual data; the emotional and non-specialized type corresponds to arguments eluding references to other sources. The results of the analysis undertaken can be applied to designing courses on stylistics of the English and other languages. Also, they can be used to outline a writing strategy for professional journalists, historians, writers, politicians, economists, etc.

Purpose: to consider different linguistic levels, analyzing the functioning of nouns, adjectives, verbs, adverbs, and syntactic constructions – in relation to the type of content they serve to convey (emotional / non-emotional, specialized / non-specialized).

Results: the analysis shows that the emotional and expressive qualities of biographical texts are inversely proportional to the amount of explicit facts they contain, i.e. the more informative and logically structured a biographical text is the less the author tends to be emotionally involved in the account of events, and vice versa. This analytic technique can be further developed with the methods of applied (computational) linguistics.

Conclusion: a connotation-centered approach to studying the quantitative and qualitative properties of biographical texts can be successfully applied to teaching and studying authentic biographies, and may be extended to analyzing texts of other genres and styles.

Keywords: stylistics, biography, assessing biographical writing, evaluative connotation, part of speech, syntactic construction, writing strategies and tactics, professional communicative competence.

References

- Arnold I. V. *Stylistika. Sovremenniy angliyskiy yazik. Uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. The Modern English Language. Textbook for university students]. Moscow: Izd-vo Flinta, 2006. 234 p. (in Russ)
- Carter R. Methodologies for Stylistic Analysis: Practices and Pedagogies // *Language and Style*. Ed. by D. McIntyre and B. Busse. London: Palgrave Macmillan, 2010. P.55-68.
- Flekova L., Ferschke O., Gurevykh I. What Makes a Good Biography? Multidimensional Quality Analysis Based on Wikipedia Article Feedback Data // *Proceedings of the 23rd International Conference on World Wide Web*. 2014. Pp. 855-866.
- G'ubbenet I.V. *Osnovi filologicheskoi interpretacii literaturno-khudozhestvennogo teksta* [Basics of the philological interpretation of fiction]. Moscow: Prosveshcheniye, 1991. 248 p. (in Russ)
- Husserl E. *Logicheskiye issledovaniya* [Logical studies]. V. 2. P. 1. *Issledovaniya po feomenologii y teorii poznaniya. Issledovaniye V. Ob intenzionalnikh perejivaniyakh y ikh «soderzhaniyakh»* [Studies of phenomenology and theory of cognition V. On intentions and «contents»] // *Problemi ontologii v sovremennoi burzhuaznoi filosofii* [Problems of ontology in modern bourgeois philosophy]. Riga: Zinatne, 1988. (in Russ)
- Jenkins R. Churchill. London: Pan Books, 2010. P. 261.
- Johnson B. *The Churchill Factor. How One Man Changed History*. London: Hodder & Stoughton. 2014. 416 p.
- Jourdi N.V. *Avtobiograficheskiye teksti kak predmet grammatiki narrativa (na materiale sravnitel'nogo analiza khudozhestvennikh proizvedeniy dvadtsatogo veka)* [Autobiographical texts as the subject of narrative grammar (a comparative analysis of 20th century fiction)]. Dissertation. Candidate of philology. Moscow: Moscow State University, 2010. 291 p. (in Russ)
- Kapitsa S.P. et al. *Mejdu ochevidnim y neveroyantnim* [Between the obvious and the impossible]. Moscow: Iskustvo, 1985. P.11. (in Russ)
- MacDonald A. Churchill and His Woeful Wars. London: Scholastic, 2004. Pp. 70-71.
- Matthews P.H. *Oxford Concise Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 69; p. 122.
- Mukarjovski J. *Literaturniy yazik y poeticheskiy yazik* [Literary language and poetical language] // *Prajski lingvisticheskiy kruzhok* [The Prague Linguistic Circle]. Ed. by N.A. Kondrashov. Moscow: Nauka, 1967. P. 56-71. (in Russ)
- Nadel I.B. *Biography: Fiction, Fact and Form*. London: Macmillan, 1985. 194 p.
- Otterbacher J. Linguistic Bias in Collaboratively Produced Biographies: Crowdsourcing Social Stereotypes? *Proceedings of the Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2015. Pp. 379-392.
- Yevseeva Yu. N. *Adressovannost' kak opredelyayushchiy factor leksicheskikh y strukturnikh osobennostey teksta biografii* [Addressing as a main factor causing lexical and structural peculiarities of a biographical text]. Dissertation. Candidate of Philology. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2011. 275 p. (In Russ)

УДК 81-139
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-84-91

С. А. Симатова

*Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ)
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, 129226, Россия*

sonyachita14@mail.ru

АЛГОРИТМ ГЛУБИННОГО АНАЛИЗА КИТАЙСКОГО ТЕКСТА В РАМКАХ ПРЕДИКАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА

В статье предлагается адаптация существующей модели глубинного анализа немецкоязычного текста Ю. В. Попова и Т. П. Трегубович для китайского языка на основе принципов предикационной концепции В. А. Курдюмова, которая на данный момент является единственной общелингвистической концепцией, разработанной на базе языка изолирующего строя. Модель позволяет раскрыть механизмы порождения китайского текста, увидеть функционирование феномена связности текста не только на микро-, но и на макроуровне. Алгоритм анализа обладает относительной универсальностью, поэтому с соответствующими модификациями может быть использован для исследования текстов на типологически отличных друг от друга языках. При дополнительных пояснениях для отдельных шагов алгоритма применение модели возможно как для монологических, так и для диалогических текстов.

Ключевые слова: глубинный анализ текста, предикационная концепция языка, пропозиция, идея, топик, комментарий.

Введение

Существующие модели глубинного анализа текста ([Kintsch, 1978], [Dijk, 1984], [Трегубович, 1978] и др.), в большинстве своем, создавались на базе европейских языков (английский, немецкий и т. д.). В конце XX в. в России В. А. Курдюмовым на материале китайского языка была разработана общелингвистическая предикационная концепция, которая подтвердила возможность создания универсальных лингвистических теорий на базе не только европейских, но и типологически отличных от них изолирующих языков. Мы солидарны с автором предикационной концепции в том, что лингвистические исследования, выполненные на базе китайского языка, могут помочь переосмыслить многие положения существующей лингвистической теории и дать ей стимул к дальнейшим более фундаментальным обобщениям [Курдюмов, 2005. С. 11]. Предикационная концепция уточняет основной тезис лингвистики текста, подчеркивая, что человек не просто говорит текстами, а говорит, формируя текст [Курдюмов, 1999. С. 19]. Тем самым подчеркивается необходимость изучения процессов порождения и восприятия текста, т. е. текста в динамике.

Поскольку на сегодняшний день еще не создано модели глубинного анализа на базе китайского языка, мы предлагаем модифицировать существующую модель для китайского текста с учетом принципов и терминологии предикационной концепции [Курдюмов, 1999]. В каче-

Симатова С. А. Алгоритм глубинного анализа китайского текста в рамках предикационной концепции языка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 84–91.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© С. А. Симатова, 2018

стве основы нами выбрана модель пропозиционального анализа Ю. В. Попова и Т. П. Трегубович [Трегубович, 1978; Попов, 1984]. Алгоритм рассматриваемого пропозиционального анализа был изначально создан Т. П. Трегубович на базе газетной публицистики ГДР [Трегубович, 1978], а затем успешно применен Ю. В. Поповым и Т. П. Трегубович при исследовании русскоязычных публицистических текстов [Попов, 1984]. Отдельные шаги алгоритма Ю. В. Попова и Т. П. Трегубович с некоторыми модификациями уже были использованы для анализа китайских публицистических текстов [Богомолова, 2011]. Однако в рамках исследования не описывались закономерности перехода от поверхностной структуры китайского текста к пропозициональной, не рассматривался вопрос о принципах выведения пропозиций на текстуальный уровень.

Основной целью настоящей статьи является описание алгоритма глубинного анализа китайского текста, созданного путем адаптации существующей модели пропозиционального анализа к китайскому языку с учетом специфики предикационной концепции. В качестве вспомогательной цели выступает практическая иллюстрация случаев перехода от поверхностной структуры к пропозициональной, характерных для китайскоязычного текста.

Для иллюстрации теоретических положений в статье использованы примеры из современного китайского сериала «Эпоха нищей свадьбы» (“裸婚时代”), а также предложения, составленные автором по базовым синтаксическим конструкциям китайского языка. Ввиду универсальности принципов пропозиционального анализа [Dijk, 1984] предлагаемая модель применима для исследования как монологических, так и диалогических текстов (о специфике диалогического текста будет упомянуто при описании отдельных этапов анализа).

Понятия «предложение», «пропозиция», «диктум», «идея» в рамках модели анализа

«Предложение», «пропозиция» и «диктум» – общераспространенные термины традиционной лингвистики. Понимание этих терминов в рамках предикационной концепции имеет свою специфику. Предложение трактуется как мертвый внепсихический материальный знак [Курдюмов, 1999. С. 20, С. 189]. Диктум и пропозиция суть одно и то же, в отличие от предложения они характеризуют глубинный, а не поверхностный уровень анализа языка. И диктум, и пропозиция представляют собой неприсвоенное (неавторизованное), абстрактное предложение, ассоциируются с объективным компонентом высказывания и обладают «бинарной пропозициональной семантикой» [Курдюмов, 1999. С. 197], которая в традиционном понимании есть единство субъекта и предиката. Единственное отличие связано с тем, что пропозиция может быть рассмотрена и как единица микроструктуры текста, и как единица его макроструктуры (макропропозиция), в то время как диктум связан, прежде всего, с уровнем предложения.

Центральной единицей анализа в предикационной концепции выступает идея, тесно соотносимая с пропозицией. С одной стороны, пропозиция может быть полностью отождествлена с идеей. Идея есть оппозиция характеризуемого и характеризующего [Курдюмов, 1999. С. 19], или оппозиция топик-комментарий (далее Т-К), где топик и комментарий – наиболее универсальные термины для обозначения предизируемого и предизирующего компонентов любой степени глубинности. Пропозиция определяется в предикационной концепции примерно таким же образом: как предикативная структура Т-К любой степени глубины, при этом термины субъект-топик и предикат-комментарий используются как синонимы [Курдюмов, 1999. С. 123]. С другой стороны, идея может пониматься как совокупность пропозиций, отражающих содержание сложного предложения или текста [Курдюмов, 1999. С. 120]. Поэтому идея все же представляется нам более широким понятием: иногда она соотносится с одной пропозицией (идея в узком смысле), а иногда – включает несколько пропозиций, т. е. несколько Т-К-структур (идея в широком смысле). Кроме того, традиционно пропозиция ассоциируется только с объективным содержанием высказывания, идея же не имеет подобного ограничения, например, оппозиция модус-диктум в рамках предикационной концепции тоже называется идеей с внешним топиком-модусом и комментарием-диктумом [Курдюмов, 1999].

Для удобства изложения по ходу статьи мы будем использовать термин «пропозиция» на уровне предложения-диктума (единство предиктируемого и предиктирующего компонентов, или Т-К, на уровне диктума), а термин «идея» – для пропозиций, выведенных на текстуальный уровень (единство топики и комментария на любых уровнях глубинности). Идея, включающая несколько Т-К-структур, определяется как сложная, или комплексная, идея.

Алгоритм анализа

Как уже было сказано, в качестве основы для глубинного анализа китайского текста мы предлагаем алгоритм, разработанный Т. П. Трегубович на базе газетной публицистики ГДР [Трегубович, 1978], а затем примененный Ю. В. Поповым и Т. П. Трегубович при анализе русскоязычных публицистических текстов [Попов, 1984]. Главное достоинство модели Ю. В. Попова и Т. П. Трегубович – возможность вывести выделенные пропозиции на текстуальный уровень, что позволяет определить главную идею (идеи) текста. Основные этапы анализа с учетом их интерпретации в терминах предикационной концепции выглядят следующим образом.

1. Представление текста в виде списка пропозиций.
2. Анализ денотативного аспекта текста: объединение топиков выделенных пропозиций в группы и их выведение на текстуальный уровень.
3. Элиминирование тех пропозиций, топики в составе которых характеризуются единичным употреблением (аналог макроправила опущения Т. А. ван Дейка).
4. Анализ сигнификативного аспекта текста: объединение комментариев в гнезда на основе их функционально-сигнификативной эквивалентности и выведение на текстуальный уровень.
5. Составление единой текстуальной пропозициональной структуры (ЕТПС), включающей все пропозиции, выведенные на текстуальный уровень (базовые идеи).
6. Определение главной идеи (главных идей) текста: выделение тех идей из ЕТПС, топики которых характеризуются наибольшей частотностью употребления (в списке пропозиций пункта 1).
7. Анализ связей между главными идеями текста.

Предложенный алгоритм, по сравнению с моделью Попова и Трегубович, содержит некоторые модификации, выполненные для удобства анализа. В частности, пункт 3 из нашего алгоритма в их модели следует после анализа сигнификативного компонента, но практическое применение алгоритма показало, что гораздо удобнее осуществлять элиминирование пропозиций с единичными топиками одновременно с анализом денотативного компонента. Также из общей схемы анализа нами был исключен пункт, где определялось категориальное содержание текстуальных предикатов-гиперонимов (комментариев текстуального уровня в нашей терминологии) и семантических функций текстуальных референторов (топиков текстуального уровня). Данный пункт, на наш взгляд, не является обязательным, поскольку цель состоит, прежде всего, в определении идеи (идей) текста, на основе которой (которых) происходит порождение, а это можно сделать и без детального содержательного анализа топиков и комментариев текстуального уровня, хотя, конечно, это может в определенной степени обогатить результаты анализа.

Представление текста в виде списка пропозиций есть переход от поверхностного уровня к пропозициональному (составление микроструктуры текста по Т. А. ван Дейку). Переход к пропозициональному уровню требует знания некоторого числа базовых закономерностей, которые, вероятно, будут иметь специфику для каждого конкретного языка. Далее мы предлагаем список закономерностей, разработанный изначально Поповым и Трегубович для русского языка и модифицированный нами для китайского языка в терминах предикационной концепции ¹.

1) Имя собственное, выступающее в качестве топики, часто поясняется через имя нарицательное, которое является комментарием к нему: 莫斯科 → 是我的爱 (Москва → любовь

¹ Далее по тексту знак → указывает на границу между топиком и комментарием, знак → – на частеречные переходы в рамках позиционной морфологии.

моя). Такие нарицательные существительные в предикатной функции часто сопровождаются характеризующими определителями типа “我的” (мой).

2) Предложения с несколькими субъектами, относящимися к одному предикату, представляются количеством пропозиций, равным количеству субъектов, т.е. одно такое предложение будет представлено несколькими пропозициями с разными топиками, но с одним и тем же комментарием: 玛莎和安德烈都喜欢画画儿 (Маша и Андрей оба любят рисовать) – поверхностная структура; 玛莎 → 喜欢画画儿 (Маша → любит рисовать), 安德烈 → 喜欢画画儿 (Андрей → любит рисовать) – пропозициональная структура. Следует отметить, что сочинительные союзы между субъектами в таких предложениях фактически представляют собой свернутые предикаты [Курдюмов, 1999. С. 151]. Это означает, что приведенный выше пример подразумевает еще одну пропозицию «Маша и Андрей связаны определенными отношениями», где предикат «быть связанными определенными отношениями» заключен в союзе «и». Однако для составления базовой пропозициональной структуры текста восстановление таких свернутых предикатов не является существенным.

В китайском диалогическом тексте на месте однородных подлежащих часто стоят местоимения, образующие словосочетания типа “我和他” (я и он), “我和你” (я и ты). В этом случае рассматриваемое правило может потерять свою актуальность, если далее по ходу текста такое словосочетание заменяется единым местоимением “我们” (мы), “咱们” (мы, для говорящего и собеседника), где предикативность еще более свернута и неочевидна. Тогда логично представить предложение в виде одной пропозиции для удобства выведения семантически эквивалентных топиков на текстуальный уровень.

3) Предложение, где в состав комментария входит предикат, обозначающий взаимонаправленные действия, характеризуется элементарной Т-К-структурой (т. е. одной пропозицией): 中国与俄罗斯 → 进行谈判 (Китай и Россия → проводят переговоры).

4) Предложения с несколькими предикатами, относящимися к одному субъекту, представляются количеством пропозиций, равным количеству предикатов, т. е. одно такое предложение будет представлено несколькими пропозициями с разными комментариями, но с одним и тем же топиком: 他努力学习并积极参加学校活动 (Он старательно учится и активно участвует в школьных/университетских мероприятиях) – поверхностная структура; 他 → 努力学习 (Он старательно учится), 他 → 积极参加学校活动 (Он активно участвует в школьных/университетских мероприятиях) – пропозициональная структура.

5) Номинализации имеют сложную пропозициональную структуру с собственным топиком и комментарием: 他的积极参与给我们带来了很大帮助 (Его активное участие довольно сильно нам помогло) – поверхностная структура; 他 → 积极参与 (Он активно участвует), 这 → 给我们带来了很大帮助 (Это нам сильно помогает) – пропозициональная структура. Как видно из примера, в составе номинализаций в китайском языке часто будут представлены лексические единицы, которые, согласно позиционной морфологии, относятся к диапазону глагол → существительное → «герундий» [Курдюмов, 2005. С. 187]: 策划 (планировать → план, проект), 发展 (развиваться → развитие), 建设 (строить → строительство) и т. д.

6) Атрибутивные сочетания, как правило, преобразуются в отдельную пропозицию. В русском языке такие случаи представлены разными способами: придаточными определительными, обособленными конструкциями предикативного определения, конструкциями предикативного приложения и т.п. В китайском языке это, как правило, всегда сочетание «определение + определяемое» со служебным словом “的” (de). Например: 积极参加活动的同学们很友好 (Ученики, активно участвующие в мероприятии, очень дружелюбные) – поверхностная структура; 同学们 → 积极参加活动 (Ученики → активно участвуют в мероприятии), 同学们 → 很友好 (Ученики → дружелюбные) – пропозициональная структура. К этому же правилу, вероятно, примыкают конструкции со словом “作为” (быть, являться): 作为医生我可以给您开药 (Как врач я могу выписать Вам рецепт) – поверхностная структура; 我 → 是医生 (Я → врач), 我 → 可以给您开药 (Я → могу выписать Вам рецепт) – пропозициональная структура.

7) Объект, относящийся к предикату, может быть включен в состав комментария. Это значительно облегчает процедуру анализа, поскольку не нужно думать, слит ли семантически

объект с предикатом или нет, является глагол, выражающий предикат, переходным или нет, как это делается при выделении пропозиций в книге Ю. В. Попова и Т. П. Трегубович. Так, согласно этому подходу в предложении «Он написал роман» [Попов, 1984. С. 114] глагольно-именная группа «написал роман» – единый предикат, в состав которого включается объект действия по причине того, что он специфицирует действие и семантически неотделим от глагола. Однако в большинстве случаев определение слитности объекта с предикатом имеет, по нашим наблюдениям, весьма субъективный характер.

8) Инфинитивные конструкции преобразуются в отдельную пропозицию. Для китайского языка это правило действует в отношении двух типов предложений: предложения с составным глагольным сказуемым (连动句) и последовательно-связные предложения (兼语句). Например, предложение “我去商店买东西” (Я иду в магазин за покупками, досл. «покупать вещи») следует представить в виде двух пропозиций с одинаковыми топики: 我 → 去商店 (Я → иду в магазин), 我 → 买东西 (Я → покупаю вещи). Аналогично, последовательно-связное предложение “我请他买东西” (Я прошу его сходить за покупками, досл. «купить вещи») включает две пропозиции, но уже с разными топики: 我 → 请他 (买东西) (Я → прошу его (купить вещи)) и 他 → 买东西 (Он → покупает вещи).

9) Предложения с фазовыми и модальными глаголами представляются одной пропозицией, где фазовый / модальный глагол включен в состав комментария вместе с основным глаголом, например: в предложении “我要去商店” (Мне нужно пойти в магазин) комментарий включает и глагол “要” (нужно), и глагол “去” (идти). Это соответствует положению предикационной концепции о включении объективной модальности в состав диктума [Курдюмов, 1999. С. 197].

Предложенный список типовых случаев ни в коем разе не является исчерпывающим, а отображает только самые общие закономерности перехода от поверхностной структуры к пропозициональной в тексте на китайском языке. В процессе анализа текстов можно столкнуться с самыми разными типами предложений, в том числе специфичными для китайского языка, поэтому список может корректироваться и дополняться. По возможности имплицитные топики и части комментария восстанавливаются, исходя из контекста, и заключаются в квадратные скобки. При составлении списка пропозиций текста можно встретить предложения с так называемыми «включенными предикатами» [Попов, 1981], или с неосновными топики и комментарием. Например, предложение “您再管我不合适吧” (Ведь неправильно, что ты снова вмешиваешься в мою жизнь) имеет следующую структуру Т-К: 您再管我 → 不合适 (Ты вмешиваешься в мою жизнь → неправильно). В составе основного топики предложения можно выделить собственные топики и комментарий: 您 → 管我 (Ты → вмешиваешься). Для полноты анализа мы рекомендуем выделять и основные Т-К-структуры, и включенные.

Шаги 2-5 алгоритма анализа направлены на выведение некоторых пропозиций, стоящих за предложениями текста, на текстуальный уровень. При анализе денотативного компонента в одну группу объединяются топики, характеризующиеся отношениями тождества или отношениями включения. В случае отношений тождества на текстуальный уровень выводится наиболее типичный, употребительный и стилистически нейтральный топики. Например, в одном из анализируемых диалогов в одну группу нами были объединены топики “你” (ты) “您” (Вы), относящиеся к одному и тому же лицу. На текстуальный уровень целесообразнее вывести местоимение “你” как более нейтральное, по сравнению с подчеркнуто вежливым “您”. В случае отношений включения роль текстуального топики выполняет обобщающий элемент. В концепции Ю. В. Попова и Т. П. Трегубович это демонстрируется на примере группы субъектов (топики в нашей терминологии), куда включаются наименования разных американских компаний и обобщающий элемент «американский монополистический капитал», который и выводится на текстуальный уровень [Попов, 1984. С. 125]. При отсутствии обобщающего элемента в составе группы он может быть восстановлен.

Объединение топики в группы происходит в составе соответствующих пропозиций, т. е. в результате анализа денотативного аспекта текста мы получаем несколько групп пропозиций с семантически тождественными или близкими топики. Анализ сигнификативного аспекта текста предполагает работу с комментариями пропозиций каждой группы. Как справедливо

отмечают Попов и Трегубович, в тексте практически не существует сигнификативного тождества [Попов, 1984. С. 126], поэтому объединение комментариев в гнезда осуществляется по принципу функционально-сигнификативной эквивалентности, т.е. отнесенности к одной группе обозначаемых признаков или действий. Аналогично топику текстуального уровня, комментарием текстуального уровня становится либо наиболее типичный или нейтральный элемент (он определяется опять же с опорой на весь текст), либо обобщающий, либо восстановленный обобщающий. Например, в группу с топиком “我”(я) входят пропозиции “我不是你爸”(я не твой отец) и “我是你妈”(я твоя мать). Исходя из содержания анализируемого текста, говорящий больше подчеркивает свой статус матери, поэтому целесообразнее вывести на текстуальный уровень комментариев второй пропозиции.

В результате анализа денотативного и сигнификативного компонентов текста мы получаем ЕТПС, т.е. совокупность всех идей на текстуальном уровне. Для диалогического текста целесообразно обозначить эти идеи отдельно для каждого из коммуникантов. Далее мы определяем те идеи из ЕТПС, топики которых характеризуются наибольшей частотностью в составе общего списка пропозиций (пункт 1 схемы анализа). У Попова и Трегубович этот этап назван выделением тематической текстуальной пропозиции (ТПП), при этом говорится, что на этот уровень выводятся пропозиции, «характеризуемые наибольшей частотой употребления своих конstituентов» [Попов, 1984. С. 144], т.е. учитывается частота употребления и субъектов, и предикатов. На наш взгляд, отслеживание частоты употребления предиката (комментария в нашей терминологии) зачастую бессмысленно после выделения текстуальных пропозиций, ведь для перехода на этот уровень некоторые предикаты были сведены в один благодаря приему обобщения (см. выше). Поэтому на последнем этапе логичнее обратиться только к частоте употребления топиков идей из ЕТПС в общей пропозициональной структуре, или, иными словами, посмотреть, в какой группе топиков, выделенных на втором этапе анализа, больше всего элементов. Идеи ЕТПС именно с этими топиками будут представлять собой главные идеи текста.

На последнем этапе устанавливаются связи между главными идеями текста: копулятивная (сочинительная), адверсативная (противительная), каузальная (причинная), финальная (указывает на исход, результат). Специфика анализа диалогического текста, вероятно, заключается в том, что необходимо установить такие связи не только внутри группы идей каждого из коммуникантов (идеи текстуального уровня определяются для каждого коммуниканта в отдельности), но также между идеями одного коммуниканта и идеями другого.

Заключение

Существующая модель глубинного анализа текста модифицирована в статье для китайского языка с опорой на принципы и терминологию общелингвистической предикационной концепции. В общий алгоритм анализа внесены соответствующие корректировки и дополнения, в частности: 1) указано на возможность осуществлять элиминирование единичных пропозиций одновременно с анализом денотативного аспекта текста; 2) обозначена факультативность пункта определения категориального содержания топиков и комментариев текстуального уровня; 3) описан иной вариант перехода от ЕТПС к ТПП; 4) отмечено, что для диалогического текста связи должны определяться не только между идеями каждого из коммуникантов в отдельности, но также между идеями одного коммуниканта с идеями другого. Кроме того, в статье подробно проиллюстрированы на конкретных примерах закономерности перехода от поверхностной структуры китайского текста к пропозициональной. Данный материал может быть использован как практическое руководство при выделении пропозиций, соответствующих различным типам предложений на китайском языке.

Предлагаемая модель помогает раскрыть психолингвистические механизмы текстопо-рождения, а также наблюдать связность текста не только на микро- (все пропозиции текста), но и на макроуровне (идеи текстуального уровня). Показано, что первоначально разработанная для анализа монологических текстов на немецком и русском языках модель может

быть успешно адаптирована для анализа китайского текста, а также с соответствующими модификациями использована при исследовании не только монологов, но и диалогов. Это позволяет сделать вывод об универсальности общего алгоритма анализа и возможности его применения для работы с текстами на типологически отличных друг от друга языках.

Список литературы

Богомолова Е. Н. Способы обеспечения связности текста в структурно-динамическом рассмотрении (на материале китайских публицистических текстов): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 275 с.

Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. 576 с.

Курдюмов В. А. Предикация и природа коммуникации: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 263 с.

Попов Ю. В., Т. П. Трегубович. О предикации в тексте // Семантика и прагматика синтаксических единств: межвузовский тематический сборник. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. С. 40–51.

Попов Ю. В., Трегубович Т. П. Текст: структура и семантика. Минск: Вышэйш. шк., 1984. 188 с.

Трегубович Т. П. Опыт анализа семантико-синтаксической структуры текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1978. 78 с.

Dijk van T. A. Dialogue and Cognition // J. Hintikka, L. Vaina (eds.) Cognitive Constraints on Communication. Representations and Processes. Dordrecht; Boston: D. Reidel Publishing Company, 1984. 1–17 p.

Kintsch W., Dijk T. A. Toward a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review. 1978. Vol. 85. № 5. 363–394 p.

Материал поступил в редколлегию 14.07.2018

Sofya A. Simatova

*Moscow City University (MCU)
2nd Selskhozajstvenny proezd, Bld.4, Moscow, 129226, Russia*

sonyachita14@mail.ru

THE ALGORITHM OF DEEP ANALYSIS FOR CHINESE TEXT IN THE FRAMEWORK OF PREDICATIONAL CONCEPTION OF LANGUAGE

The paper presents an adaptation of the model of deep text analysis elaborated earlier by Yu. V. Popov and T. P. Tregubovich for German. The development of the model for Chinese is based on principles of the general linguistic predicational conception of V.A. Kurdyumov, which nowadays is the only one taking into account the specificity of isolating languages.

The advantage of the model, presented in the article, consists in revealing the mechanism of Chinese text production and presenting the functioning of cohesion phenomenon not only in the micro-, but also in the macrostructure of text. The algorithm of analysis, proposed in the article, has a certain degree of universality, and, with some modifications, it can be implemented in text analysis of different types of languages. It is concluded that with additional elucidations for several steps of the algorithm it is possible to use the proposed model of deep text analysis both for monologic and dialogic texts.

Keywords: deep text analysis, predicational conception of language, proposition, idea, topic, comment

References

- Bogomolova E.N. Sposoby obespecheniya svyaznosti teksta v strukturno-dinamicheskom rassmotrenii (na materiale kitayskikh publitsisticheskikh tekstov): dis. ...kand. filol. nauk [The Means of Text Cohesion in the Framework of Structural and Dynamic Approach (Based on the Language Material of Chinese Publicistic Texts): thesis ... candidate of linguistics]. M., 2011. 275 p. (In Russ.)
- Kurdyumov V.A. Kurs kitayskogo yazyka. Teoreticheskaya grammatika [A Course in Theoretical Chinese Grammar]. M.: TSITADEL'-TREYD; LADA, 2005. 576 p. (In Russ.)
- Kurdyumov V.A. Predikatsiya i priroda kommunikatsii: dis. ... dokt. filol. nauk [Predication and Nature of Communication: thesis ... doctor of linguistics]. M., 1999. 263 p. (In Russ.)
- Popov YU.V., T.P. Tregubovich. O predikatsii v tekste [About Predication in a Text] // Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv: mezhvuzovskiy tematicheskii sbornik [Semantics and Pragmatics of Syntactical Unities: interuniversity thematic collected volume], Kalinin: Kalininskiy gosudarstvennyy universitet, 1981. pp. 40–51. (In Russ.)
- Popov YU.V., Tregubovich T.P. Tekst: struktura i semantika [Text: Structure and Semantics]. Minsk: «Vysheyshaya shkola», 1984. 188 p. (In Russ.)
- Tregubovich T.P. Opyt analiza semantiko-sintaksicheskoy struktury teksta: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk [The Experience of the Analysis of Text's Semantic and Syntactic Structures: synopsis of the thesis ... doctor of linguistics]. Minsk, 1978. 78 s. (In Russ.)
- Dijk van T. A. Dialogue and Cognition // J. Hintikka, L. Vaina (eds.) Cognitive Constraints on Communication. Representations and Processes. Dordrecht; Boston: D. Reidel Publishing Company, 1984. 1–17 p.
- Kintsch W., Dijk T.A. Toward a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review. 1978. Vol. 85. No. 5. 363–394 p.

УДК 81+811.581.11+811.161.1
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-92-102

К. В. Волков

*ФГКВОУ ВО «Военный университет», Москва
ул. Большая Садовая, 14, Москва, 123001, Россия*

kvolkov@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ В. М. СОЛНЦЕВА И СИНТАКСИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В данной статье анализируются типологические характеристики китайского и русского языков с точки зрения теории В. М. Солнцева. Автором предлагаются параметры сопоставительного анализа разноструктурных языков. Главный акцент делается на сравнении двух языков на уровне синтаксиса. Делается вывод о том, что с учетом асимметрии различных синтаксических структур в паре языков изолирующего и флективного типа во избежание возникновения переводческих проблем требуется разработка особого подхода к обучению переводу.

Ключевые слова: классификации языков, морфологическая классификация языков, параметры сравнения языков различной типологии, синтаксические структуры китайского и русского языков.

Введение

В современном языкознании существует несколько видов классификаций языков, основанных на разных принципах. Среди самых распространенных можно выделить генеалогическую классификацию (по принципу языкового родства), типологическую (по принципу сходства и различия грамматического строя), географическую, или ареальную (по месту распространения языка).

В рамках данного исследования мы подробно остановимся на типологической классификации и на наиболее ярких типологических особенностях китайского и русского языков.

Типологическая классификация языков

«Типологическая классификация языков – это классификация, устанавливающая сходства и различия языков в их наиболее важных свойствах грамматического строя (не зависящих от их генетического родства) с целью определения типа языка, его места среди других языков мира» [Вендина, 2001. С. 262].

Решением проблем классификации языков согласно типологическим характеристикам в свое время занимались такие ученые, как основоположники типологической классификации в целом – братья Шлегели, позднее данную проблему решали В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер,

Волков К. В. Типология В. М. Солнцева и синтаксическая асимметрия китайского и русского языков в аспекте перевода // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 92–102.

Г. Штейнталь, Ф. Мистелли. В XX в. в мировом языкознании появились типологические классификации, предложенные Дж. Гринбергом, Б. А. Успенским, Г. П. Мельниковым, В. Скаличкой, А. Мартине. Классификации, разработанные на материалах восточных языков, впервые предложили наш соотечественник В. М. Солнцев, а также Ч. Ли и С. Томпсон.

Основной типологической классификацией является морфологическая, сложившаяся в европейском языкознании в XIX в. Согласно ей, характеристики языку даются в соответствии с доминирующим типом словоизменения. В данной классификации выделяется четыре типа языков: изолирующие, агглютинирующие, флективные и инкорпорирующие [Курдюмов, 2005. С. 100].

В. М. Солнцев в свою очередь предлагает делить языки не по морфологическим особенностям, а по синтаксическим. В этой связи он выделяет два макротипа языков – «изолирующие» и «неизолирующие», или «формосвязывающие» и «формоизолирующие» [Солнцев, 1995. С. 18], а внутри каждого макротипа в соответствии с морфологическими особенностями выделяются различные типы.

Структурно классификацию В. М. Солнцева можно представить так.

I макротип – неизолирующие (формосвязывающие) языки.

1. Флективные.
2. Агглютинативные.
3. Инкорпорирующие.

II макротип – изолирующие (формоизолирующие) языки.

1. Агглютинативные.
2. Агглютинативные с элементами флексии.
3. Языки «почти» без морфологии [Солнцев, 1995. С. 12].

Китайский язык в классификации В. М. Солнцева находит свое место среди изолирующих языков агглютинативного типа, в то время как русский язык относится к неизолирующим флективным языкам.

Для того чтобы разобраться в специфике китайского и русского языков необходимо провести сопоставительный анализ их типологических характеристик. С этой целью, опираясь на теорию изолирующих языков В. М. Солнцева, мы выделили следующие параметры сопоставления языков различной типологии: уровни языка и соответствующие им языковые единицы, части речи, грамматические категории. К этому перечню мы считаем необходимым добавить письменность, поскольку типологические характеристики сопоставляемых языков связаны с типом их письменности и являются взаимообусловленными, что не относится к бесписьменным языкам. Однако бывают и случаи, когда устно-разговорный и письменно-книжный варианты одного языка типологически отличаются друг от друга [Фефелов, 1978]. В таблице представлен кросс-уровневый сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков [Волков, Гурулева, 2018].

Синтаксические особенности китайского и русского языков

Далее в нашем исследовании более подробно рассмотрим типологические особенности китайского языка на уровне синтаксиса.

На данном уровне китайский язык, как представитель формоизолирующих языков, проявляет яркую особенность всех языков данного типа, а именно – грамматически значимый твердый порядок слов, тогда как в русском языке порядок слов носит функциональный характер. О порядке слов в языках изолирующей типологии В. М. Солнцев писал: «...порядок расположения слов... есть основное средство формирования синтаксических связей между словами» [Солнцев, 1995. С. 295]. Учитывая этот факт при беглом сравнении с русским языком, можно отметить, что в китайском языке перестановки слов в предложении все же допустимы, но крайне редки и ограничены. В большинстве случаев изменение порядка слов в китайском языке приводит к изменению и даже потере смысла. В русском языке изменение порядка слов не каузирует изменение смысла, но приводит к изменению коммуникативной цели, например:

Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков

<i>Параметры сравнения</i>	<i>Особенности кит. яз.</i>	<i>Особенности рус. яз.</i>
Фонема	смыслоразличительная функция, отдельный звук не выступает носителем смысла	смыслоразличительная/смысловыразительная функция
Слог (слогоморфема)	обязательно имеет значение	не обязательно связаны с неким смыслом
	фиксированная структура	свободный, нефиксированный состав
	ограниченное количество	большое количество
	совпадает в границах с морфемой	слог не обязательно совпадает в границах с морфемой
	наличие тона	
		различные способы деления на слоги одного и того же слова
Морфема (слогоморфема)	совпадает в границах с слогом	
	синтаксически несамостоятельны	синтаксически несамостоятельны
	смысловыразительная функция (сохраняют понятийный характер)	теряют понятийный характер
	граница между морфемами и простыми словами размыта	легко отличить от простого слова
	наличие тона	
	наличие полусамостоятельных единиц между морфемами и словами	
Слово (простое/сложное)	простое слово совпадает в границах с морфемой	
	фактическое отсутствие изменяемости слов	развитая изменяемость
	ограниченное количество изменяемых слов	

	изменение за счет внешних аффиксов (агглютинативное)	изменение за счет внутренних флексий (флексивное)
	основа сложного слова может функционировать как самостоятельное слово	основа не может употребляться самостоятельно
	сложные слова часто неотличимы от словосочетаний	сложные слова просто отличить от словосочетаний
Словосочетание	сложно отделить от сложного слова	легко отделить от сложного слова
	классификация по характеру отношений между компонентами	классификация по центральному компоненту
	порядок слов грамматически важен	порядок слов играет незначительную роль
	необходимо употребление служебных слов для связи компонентов словосочетания	
Предложение	грамматически значимый твердый порядок слов	порядок слов не имеет грамматической значимости
	для связи слов используются различные служебные слова	связь слов достигается с помощью формообразовательных аффиксов
		роль служебных слов невелика
Части речи	отнесенность слов к частям речи определяется по синтаксической позиции	отнесенность слов к частям речи закреплена морфологически и определяется изначально
	возможность одних и тех же слов выступать в функции разных частей речи	

Грамматические категории (род, число, падеж)	существительные и прилагательные не изменяются по родам, числам, падежам	словоизменение проявляется во всех словах по всем категориям, рода, числа, падежа, у глаголов есть спряжение
	глаголы не имеют спряжений	
	принцип «избыточности» множественного числа	
Письменность	словеснослоговой (иероглифический) тип письменности	буквеннозвуковой (алфавитный) тип письменности
	знак – иероглиф – имеет план выражения и план содержания, соотносится с морфемой, словом	знак – буква/графема – имеет только план выражения, соотносится с фонемой
	количество знаков не ограничено открытый список общеупотребительных знаков	количество знаков ограничено (алфавит – закрытый список)
	вневременной характер письменности	употребление письменности ограничено эпохой
	не выдерживается расстояние между знаками	с помощью пробела на письме выдерживается расстояние между словами

«Я читаю книгу» и «Книгу читаю я»

Изменение порядка слов привело к изменению тема-рематического наполнения русского предложения и его коммуникативной цели.

Простое изменение порядка слов в китайском предложении невозможно без соответствующего грамматического оформления с помощью служебных слов.

我看书 «Я читаю книгу»

* 书看我 «Книга читает меня» - 书是我看的 «Книгу читаю я» (В данном предложении употребление конструкции 是...的 грамматически необходимо).

А в предложениях с переходными глаголами, типа 爱 «любить», порядок слов приводит к изменению первичного смысла:

我爱你 «Я люблю тебя»

你爱我 «Ты любишь меня»

Похожие примеры можем найти и в русском языке:

Мать любит дочь

Дочь любит мать

В данных предложениях, исключая возможность передачи смысла с помощью интонации, синтаксические связи между словами определяются, подобно китайскому языку, только с помощью порядка слов.

Интересной с точки зрения сопоставительного анализа являются также конструкции нерасчлененных предложений в русском языке, которые обозначают начало, конец действия. В русском языке нормативным является обратный порядок слов:

Пришла весна.

Закончились соревнования.

В книжном китайском языке такой порядок слов невозможен, он обязательно должен быть прямым:

春天来了 «Весна пришла».

比赛结束了 «Соревнования закончились».

Однако в разговорном китайском языке допускается порядок слов, подобный русскому языку, т.е. инверсированный по отношению к норме:

来了, 他哥哥 «Пришел, его брат» [Го Шуфень, 2011. С. 96]

Кроме того, похожую конструкцию мы можем наблюдать в так называемых предложениях «наличия, появления»:

我们学院来了一个代表团 (букв. «Наш институт + приходить + одна делегация») «В наш институт приехала одна делегация»

教室出去了一个同学 (букв. «Аудитория + уходить + один студент») «Из аудитории вышел один студент»

В данных примерах видно, что рематические подлежащие *делегация* и *студент* (代表团 и 同学) в русском языке занимают то же место и в структуре китайского предложения. Однако в синтаксической конструкции китайского предложения слова 代表团 и 同学 («делегация» и «студент») можно расценивать как прямые дополнения к сказуемым 来 «приходить» и 出去 «выходить» соответственно. «Формальными» подлежащими для данных сказуемых являются обстоятельства русского предложения «институт» 学院 и «аудитория» 教室.

Далее разберемся, в чем именно заключается «строгий порядок слов» в предложениях китайского языка. Фиксированная структура дает возможность составлять предложение на китайском языке по исходным «формулам», соответствующим трем видам предложений, традиционно выделяемым по типу сказуемого:

1) качественные предложения: П – 很 – С_{кач}

2) глагольные предложения: П – С_{гл} – Д

3) именные предложения: П – 是 – С_{им}

В схемах-формулах представлены только главные члены предложения. Позиции второстепенных членов тоже фиксированы. Так, определение может стоять только перед подлежащим, дополнением и именной частью сказуемого, обстоятельство только перед сказуемым. При наличии нескольких слов в одной позиции их порядок тоже строго регламентирован. К примеру, два сказуемых располагаются в следующем порядке: сначала глагол действия, потом глагол-цель действия (в этом плане в китайском языке наблюдается сходство с русским): 我去宿舍看朋友, где 去 «идти», а 看 «проводать» – «Я иду в общежитие проводить друга».

Модальный глагол всегда предшествует смысловому, что также соответствует правилам построения простого немаркированного предложения в русском языке.

Определения последовательно связываются между собой следующим образом: на первом месте всегда стоит притяжательное определение, затем указательное местоимение, числительное со счетным словом, переменный признак, постоянный признак. Например: 我的那两本新中文杂志 (букв. «мои те два новых китайского языка журнала») [Кондрашевский, 2009. С. 459].

Обстоятельства также имеют строгое расположение относительно друг друга. Сразу заметим, что обстоятельство времени в китайском языке ставится отдельно от всех остальных в двух возможных позициях: в начале предложения, когда время совершения действия является темой высказывания, и после подлежащего, когда обстоятельство времени сдвигается в позицию ремы и попадает под фразовое ударение. Однако при соответствующей интонации и выделении обстоятельства времени в позиции после подлежащего оно также может расцениваться как дополнительная тема предложения:

Сравним: 星期三 / 我要去中国 – В среду (Т) - я поеду в Китай (Р)

我 / 星期三去中国 – Я (Т) - поеду в Китай *в среду* (Р).

我 / 星期三 / 去中国 – Я (Т1) в среду (Т2)- *поеду в Китай* (Р).

Во втором примере, когда рематическое ударение падает на обстоятельство времени, и именно оно подчеркивается говорящим, модальный глагол может ставиться не перед смысловым глаголом, а перед обстоятельством времени.

我 / 想星期三去中国 – Я (Т) – хочу поехать в Китай *в среду*.

Что касается других типов обстоятельств, то порядок их следования в предложении перед сказуемым будет таким: сначала наречия (也、很、都、不 и др., причем *也* всегда перед другими наречиями), затем предложная конструкция (обстоятельство места, косвенное дополнение и др.). При наличии модального глагола он ставится перед предложной конструкцией.

Сами предложные конструкции тоже ставятся в определенном порядке: сначала всегда предложная конструкция обстоятельства места *где? откуда?*, затем конструкции косвенных дополнений *кому? с кем?* и т. д.

Общая итоговая «формула» полного китайского предложения хорошо представлена у И. В. Кочергина: *Кто, когда, где, с кем, для чего, как долго (сколько раз), с каким качеством (результатом) совершает какое действие, с каким объектом* [Кочергин, 2006. С. 30].

В более широком смысле можно рассматривать конструкцию китайских предложений относительно актуального членения, то есть выделения темы и ремы. Такая конструкция не берет во внимание члены предложения, она находится как бы «над ними», то есть является «надчленной» структурой. В данном пункте структура китайского предложения полностью совпадает со структурой русского. Сначала всегда идет тема высказывания, затем рема. Собственно подлежащее может как совпадать с темой, так и не совпадать. Сравним два предложения в русском и китайском языке:

Яблоко лежит на столе – 苹果放在桌子上 – в обоих случаях подлежащее яблоко/苹果 совпадает с темой, то есть является тематическим подлежащим, причем мы наблюдаем полную аналогию позиций членов предложений и их частеречных форм, за исключением наличия послелога 上, необходимого для придания слову 桌子 «стол» локативного значения.

В то же время в предложениях: *На столе лежит яблоко* 桌子上放着苹果 на уровне тема-рематического построения и порядка слов сходство предложений сохраняется, тогда как в частеречной форме сказуемого в китайском языке добавился необходимый в этом случае суффикс 着. Если в первом случае после глагола тоже идет служебное слово 在, которое, кажется, можно трактовать и как предлог к слову 桌子 (относительно русского языка), и, применительно к китайскому языку, как результативную морфему 在 глагольного комплекса 放在, которая указывает на то, что в результате действия объект стал находиться в определенном месте. Глаголы данного типа, называемые результативными, можно легко оформить чисто глагольным суффиксом 了, указывающим на заверченный характер действия: 苹果我放在了桌子上 – «Яблоко я положил на стол». Во втором случае таких двояких трактовок быть не может, 着 это глагольный суффикс, а значит, для такого построения в китайском языке форма глагола непременно меняется. Общим для этих двух китайских предложений является то, что и суффикс 着, выполняющий видовременную функцию состояния предмета в настоящий момент, и результативная морфема 在 не позволяют «формально» переходному глаголу 放 в полном смысле управлять рематическими подлежащими 桌子 в первом случае и 苹果 во втором, превратив их при этом в прямые дополнения. Глагол 放 можно считать «формально» переходным с той оговоркой, что в современном языке он не имеет полной синтаксической самостоятельности, а свойства переходного глагола просматриваются в таком слове, как 放心, (букв. «отпустить/положить сердце»), т. е. «успокоиться».

Однако, не приуменьшая значимости параметра «построение китайского предложения», исходя из актуального членения, следует заметить, что синтаксис китайского языка можно совершенно адекватно анализировать и с помощью параметра «члены предложения». «Грамматический анализ предложения, выявление его грамматической структуры, функций слов и их функциональных значений не должны подменяться актуальным членением, с помощью кото-

рого выделяется данное и новое, или, если угодно, топик и комент... Понятия «подлежащее» и «топик» не подменяют и не исключают друг друга» [Солнцев, 1995. С. 341]. Топик и подлежащее могут совпадать в границах одного слова, а могут выражаться и разными словами.

Одна из специфических особенностей синтаксиса китайского предложения, в отличие от русского, заключается в том, что если сложные предложения в русском языке (это касается и сложносочинённых, и сложноподчинённых) состоят из отдельных самостоятельных предложений (которые не являются, однако, независимыми), то сложные предложения в китайском языке (по крайней мере, один из их типов) представляют собой одно целое предложение с общей грамматической структурой, являющееся главным предложением, в котором какой-нибудь член предложения тоже может быть выражен полноценным предложением со своей грамматической структурой, и оно рассматривается как придаточное предложение. Предложения такого специфического типа В. М. Солнцев предлагает называть «членными» [Солнцев, 1995. С. 312]. Они вводятся без каких-либо союзов, главным признаком здесь является то, что сами эти предложения-члены строятся точно по таким же правилам, что и общее-главное предложение.

Вот формулы таких предложений:

П1 (П2-С2) – С1 – 他们念书很用心 «Они учатся усердно», где подлежащее главного предложения выражено предикативной конструкцией 他们念书, где 他们 – подлежащее, 念 – сказуемое, а 书 – прямое дополнение.

П1 – С1 (П2-С2) – 他头疼 «У него болит голова», где качественное сказуемое 头疼 главного предложения выражено предикативной конструкцией с подлежащим 头 «голова» и сказуемым 疼 «болеть»

П1 – С1 – Д1 (П2-С2) – 我不知道你今天来 «Я не знал, что ты приедешь сегодня», где прямое дополнение выражено полноценным предложением 你今天来 «ты приедешь сегодня».

П1 – 是 – С_{им} (П2 – С2) – 这不是老师说的书 «Это не та книга, о которой говорил учитель», где именная часть сказуемого представлена комплексом из определения, выраженного предикативной конструкцией 老师说 «учитель+говорить», и определяемого – собственно именного сказуемого – 书 «книга».

Уникальность такого типа предложений формоизолирующих языков заключается в том, что в системе критериев русского синтаксиса их можно интерпретировать и как простые, и как сложные. Простыми они могут называться постольку, поскольку каждый распространенный до предложения член главного предложения может быть заменен на простое слово без изменения общей формулы-схемы, а значит и типа предложения. А сложными они могут считаться потому, что в них присутствуют два предикативных центра, две основы.

Еще одним специфическим типом сложных предложений, который мы не можем оставить без внимания, являются так называемые, последовательно связанные предложения, в которых дополнение первой части является подлежащим второй. Схематично данное предложение можно изобразить в следующем виде:

П1 – С1 – Д1/П2 – С2 – Д2

Классическим примером данного типа является предложение 我有一个朋友会说汉语 «У меня есть друг, который умеет говорить по-китайски», где слово 朋友 является дополнением в предложении 我有一个朋友 «У меня есть друг» и подлежащим в предложении 朋友会说汉语 «Друг умеет говорить по-китайски».

К этому же типу можно также отнести императивные предложения с повелительными глаголами 让 «велеть» и 请 «просить». 他让我写汉字 «Он велел мне писать иероглифы» (他让我 – «Он велел мне» + 我写汉字 «Я пишу иероглифы»), 妈妈请我买土豆 «Мама попросила меня купить картошки» (妈妈请我 – «Мама попросила меня» + 我买土豆 – «Я куплю картошки»).

Заключение

Выявленные сходства в синтаксических построениях китайского и русского языков свидетельствуют об универсальности человеческого языка вообще: что является специфичным для высокофлективного формосвязывающего русского языка, можно найти и в формоизоли-

рующем китайском, и наоборот. Типологическая уникальность того или иного языка, справедливо настаивал В. М. Солнцев, заключается не столько в наличии в нем своих особенных черт, сколько в степени представленности в нем черт общих [Солнцев, 1995. С. 17]. Ценность синтаксического подхода В. М. Солнцева состоит еще и в том, что синтаксис более, чем любой другой языковой уровень, связан с дискурсом, т.е. с уровнем текста.

Но, конечно, отличий между синтаксическими структурами таких типологически разных языков, как китайский и русский, очень много. Эти отличия и обуславливают чрезвычайно специфические проблемы при переводе в паре языков китайский — русский, вызывая многочисленные ошибки. Более глубокое понимание типологических отличий разноструктурных языков, в частности, отличий на уровне синтаксиса и более ясное их описание, позволят разработать полную классификацию базовых трудностей перевода. Это, в свою очередь, даст возможность создать специальную дидактическую систему обучения китайско-русскому переводу, позволяющую минимизировать число ошибок, вызываемых описанными в статье типологическими отличиями и совершаемых, в том числе, в результате нежелательной интерференции родного языка.

Список литературы

Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. М., Высш. шк., 2001. 288 с.

Волков К. В., Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 8 (131). С. 148–154

Го Шуфень. Типологическое сопоставление особенностей русского и китайского языков // Грамматика разноструктурных языков: сб. науч. ст. к юбилею проф. В. Ю. Копрова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. С. 90–100

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 60–94

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 307–323/

Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка: в 2 т. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Вост. кн., 2009. Т. 1. 768 с.

Кочергин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка / И. В. Кочергин. – 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 192 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).

Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. 576 с.

Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 193–235.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. 568 с.

Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы. Методы. Модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

Скаличка В. К вопросу о типологии // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 22–30.

Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. 352 с.

Успенский Б. А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969. С. 5–19.

Фефелов А. Ф. К типологической характеристике разговорного и книжного вариантов современного французского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978. 194 с.

Шлейхер А. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индо-германских языков // Зап. императорской Академии наук. Т. 8, кн. 1. СПб., 1865. 66 с.

Kirill V. Volkov

*FGKVOU VO "Military University", Moscow
14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow, 123001, Russian Federation*

kvolkov@mail.ru

TYPOLOGY OF V. M. SOLNTSEV AND SYNTACTIC ASYMMETRY OF THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES WITH REGARD TO TRANSLATION

This article discusses typological characteristics of the Chinese and Russian languages from the standpoint of the theory of V. M. Solntsev. The author offers the criteria for the comparative analysis of languages of different typologies. The main focus is on comparing the two languages at the syntactic level. It is concluded that, taking into account the asymmetry of different syntactic structures in this pair of isolating and inflectional languages, it is necessary to develop a special contrastive methodology of teaching translation, in order to solve successfully many translation puzzles related to their syntactic and text levels.

Keywords: classifications of languages, morphological classification of languages, parameters of typological comparison, syntactic structures of Chinese and Russian languages, syntax and translation.

References

- Vendina T. I.* Vvedeniye v yazykoznaniye: Ucheb. posobiye dlya pedagogicheskikh vuzov. – Moscow, Vyssh. shk., 2001, 288 p. (In Russ.)
- Volkov K. V., Guruleva T. L.* Sopostavitel'nyy analiz tipologicheskikh kharakteristik kitayskogo i russkogo yazykov // *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo universiteta.* – 2018. – № 8 (131). – pp. 148-154 (In Russ.)
- Guo Shufen* Tipologicheskoye sopostavleniye osobennostey russkogo i kitayskogo yazykov // *Grammatika raznostrukturnykh yazykov: sbornik nauchnykh statey k yubileyu professora Viktora Yur'yevicha Koprova.* – Voronezh: Izd-vo «NAUKA-YUNIPRESS», 2011, pp. 90-100. (In Russ.)
- Greenberg J.* Kvantitativnyy podkhod k morfologicheskoy tipologii yazykov. – *Novoye v lingvistike*, vyp. III. Moscow, 1963. – pp. 60-94. (In Russ.)
- Humboldt W.* O razlichii stroyeniya chelovecheskikh yazykov i yego vliyaniye na dukhovnoye razvitiye chelovechestva // *Gumbol'dt V. Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu.* Moscow, 1984. — pp. 307-323. (In Russ.)
- Kondrashevskiy A. F.* Prakticheskiy kurs kitayskogo yazyka: v 2 t. T. 1. – 10-ye izd., perer. i dop. – Moscow, Vostochnaya kniga, 2009, 768 p. (In Russ.)
- Kochergin I. V.* Ocherki lingvodidaktiki kitayskogo yazyka / I. V. Kochergin. – 2-ye izd., ispr. i dop. – Moscow, AST: Vostok – Zapad, 2006, 192 p. – (Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: zolotaya seriya). (In Russ.)
- Kurdyumov V. A.* Kurs kitayskogo yazyka. Teoreticheskaya grammatika. – Moscow, TSITA-DEL'-TREYD; LADA, 2005. – 576 p. (In Russ.)
- Li Ch. N., Thompson S. A.* Podlezhashcheye i topik: novaya tipologiya yazykov // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XI: Sovremennyye sintaksicheskiye teorii v amerikanskoj lingvistike.* Moscow. Progress, 1982. – pp. 193-235. (In Russ.)
- Martinet A.* Osnovy obshchey lingvistiki // *Novoye v lingvistike. Vyp. 3.* – Moscow, 1963. – 568 p. (In Russ.)
- Mel'nikov G. P.* Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy. Metody. Modeli. Moscow, Nauka, 2003. – 395 p. (In Russ.)

Skalička V. K voprosu o tipologii // Voprosy yazykoznaniya. – Moscow, NAUKA, 1966, № 4. – pp. 22-30. (In Russ.)

Solntsev V. M. Vvedeniye v teoriyu izoliruyushchikh yazykov. – Moscow, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995, 352 p. (In Russ.)

Uspenskiy B. A. Yazykovyye universalii i aktual'nyye problemy tipologicheskogo opisaniya yazyka // YAzykovyye universalii i lingvisticheskaya tipologiya. Moscow, 1969. – pp. 5-19. (In Russ.)

Fefelov A. F. K tipologicheskoy kharakteristike razgovornogo i knizhnogo variantov sovremenno-go frantsuzskogo yazyka. Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1978, 194 p. (In Russ.)

Schleicher A. Kratkiy ocherk doistoricheskoy zhizni severo-vostochnogo otdela indo-germanski-kh yazykov // Zapiski imperatorskoy Akademii nauk. T.8. kn. 1. Saint-Petersburg, 1865. – 66 p. (In Russ.)

УДК 811.134.1

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-103-115

Т. В. Репнина

*Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
Тучков переулок, 9, Санкт-Петербург, 199053, Россия*

lumenna@yandex.ru

КВАЗИУСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КАТАЛАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются квазиусловные конструкции каталанского языка. Целью исследования является выявление и описание их основных типов.

Квазиусловные конструкции обладают формальным сходством с условными конструкциями, но отличаются от них отсутствием условной семантики, а именно в них отсутствует один или несколько признаков УК: протазис конструкции не содержит гипотетическое условие, аподозис не содержит следствие, также часто отсутствуют отношения условия и следствия. При этом, в отличие от собственно условных конструкций, квазиусловные конструкции позволяют преобразовать предложение в обычное повествовательное, не содержащее никаких формальных признаков условной конструкции, полностью сохранив при этом основной смысл предложения.

Было выявлено пять основных групп квазиусловных конструкций: презумптивные конструкции, конструкции с протазисом в функции вводного предложения, условно-оценочные конструкции, условно-причинные конструкции, конструкции с логическим выводом.

Ключевые слова: квазиусловные конструкции, условные конструкции, условие, следствие, протазис, аподозис, каталанский язык.

Квазиусловные конструкции – это конструкции, по формальным признакам похожие на условные конструкции (бипредикативные конструкции с союзом «*si*» (если)), но отличающиеся по семантике (условие не является гипотетическим, следствие может быть заменено на причину, логический вывод и др., отсутствуют отношения условия и следствия). Вследствие этого они способны включать в себя специфические маркеры, не все из которых применимы в прототипических УК (например, «*si ... perquè*» (если... потому что), «*si ... és que*» (если ... это значит, что)).

Исследуемый материал, а также анализ литературы по условным конструкциям других языков позволяют сказать, что построение квазиусловных конструкций в каталанском языке сходно с описанными конструкциями других языков [Типология условных конструкций, 1998].

В литературе подобные конструкции описываются под различными названиями: квазиусловные [Акимова, Козинцева, 1998. С. 321], псевдоусловные [Романовская, 1987. С. 56–60], мнимоусловные [Гавришина, 1986. С. 179–186], формально-условные [Корди, 1998. С. 295–296], несобственно условные конструкции [Козинцева, 1998. С. 181], УК с квазиусловием

Репнина Т. В. Квазиусловные конструкции в каталанском языке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 103–115.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© Т. В. Репнина, 2018

[Островский, 1998. С. 196] и др. Для удобства мы будем использовать один термин – «квазиусловные конструкции», при этом признавая другие вышеперечисленные термины.

Работ, непосредственно касающихся квазиусловных конструкций, немного: [Гавришина, 1986. С. 179–186; Романовская, 1987. С. 56–60; Дротвина, 1958. С. 15–16]. Квазиусловные конструкции упоминаются также в большинстве глав монографии [Типология условных конструкций, 1998].

Следует также упомянуть статьи, посвященные условным конструкциям каталанского языка, написанные на этом же языке. Однако в статье, посвященной семантико-прагматическим аспектам условных конструкций в каталанских пословицах [Salvador, 1993], квазиусловные конструкции все-таки не являются объектом исследования, равно как и в статье, посвященной конструкциям с невыполнимым условием в средневековом каталанском [Russell-Gebbett, 1976]. То же самое можно сказать о статье, посвященной условным конструкциям каталанского языка 13-14 веков [Martí i Castell, 2008]. Несмотря на то, что во всех трех вышеперечисленных каталанских статьях встречается несколько примеров квазиусловных конструкций, они анализируются с других точек зрения: наибольшее внимание уделяется употреблению времен и наклонений глаголов.

Работ, посвященных квазиусловным конструкциям каталанского языка, нам обнаружить не удалось. Этим обуславливается новизна настоящего исследования. Кроме того, в большинстве работ, в которых рассматриваются квазиусловные конструкции, они подразделяются на две или три группы, состав которых в разных работах разный, мы же предлагаем выделить пять.

Наша классификация квазиусловных конструкций основана на семантических и синтаксических критериях: позиции квазиусловного придаточного и возможности ее изменения – трансформации конструкции в безусловную с сохранением семантики.

Цель данной статьи – выявить и описать основные типы квазиусловных конструкций в каталанском языке. Задачи статьи – рассмотреть подробно различные типы квазиусловных конструкций, классифицировать их, описать их свойства.

Объектом исследования являются квазиусловные конструкции в каталанском языке, предметом исследования – их свойства.

В исследовании используются различные методы: дескриптивный, индуктивный, дедуктивный, метод классификации, метод выборки из генеральной совокупности (при работе с корпусом – отобранными нами примерами условных конструкций из текстов каталанских авторов и др.) и другие.

Мы делим квазиусловные конструкции на две большие группы. К первой группе относятся конструкции, в которых придаточное предложение выражает мнимое условие, ко второй – конструкции, в которых главное предложение не содержит следствия, либо же следствие опущено. Внутри каждой группы мы выделяем подгруппы, основания и аргументы в пользу специфичности которых рассмотрим последовательно.

Конструкции с протазисом, содержащим мнимое условие

Презумптивные конструкции

В презумптивных конструкциях условие истинно (т.е. реально), а не гипотетично. Поэтому такие предложения являются условными только по формальным признакам, представляя собой сложноподчиненное предложение с условным союзом «si» (если). Внутри этой группы квазиусловных конструкций можно выделить две подгруппы: сопоставительные конструкции и конструкции с бытийными глаголами.

Презумптивные сопоставительные конструкции

Наиболее крупной подгруппой презумптивных конструкций являются сопоставительные конструкции. Анализируя маргинальные значения прототипических условных союзов, В. С. Храковский приходит к выводу, что «во многих языках, в том числе и в русском, основной условный союз может употребляться в презумптивных предложениях и тем самым имеет со-

поставительное значение» [Храковский, 1998. С. 69]. Это наблюдение применимо и к условному союзу «*si*» (если) каталанского языка. В примере 1 противопоставлены два человека – Балдомер и Массот. При этом протазис условной конструкции, вводимый союзом «*si*», истинный, то есть Балдомер был уважаемым.

(1) *Segons ella, si don Baldoмер era respectable, Massot en canvi era un bon home, sensible a la justícia*¹. Josep Pla. *El quadern gris*. Barcelona, 2014. P. 165.

По ее словам, если дон Балдомер был уважаемым, то пожилой Массот был хорошим человеком, влюбленным в справедливость.

И. А. Перельмутер отмечает, что по сравнению с другими квазиусловными конструкциями сопоставительная конструкция в наибольшей мере удалена от прототипической УК, поскольку в ней отсутствуют два ее признака: условное придаточное предложение не выражает предположение, а действие в главном предложении не обусловлено действием в придаточном [Перельмутер, 1998. С. 250-253].

В примере 2 условие также истинно: говорящий действительно был огорчен. В этом примере сопоставляются говорящий и Маркус:

(2) *I si jo estava afectat, imaginem-nos el pobre Marcus*. Albert Sánchez Piñol. *Pandora al Congo*. Barcelona, 2005. p. 516.

Уж если я был огорчен, (то) представьте себе несчастного Маркуса.

Как в примере 1, так и в примере 2 акцент поставлен на аподозисе, который расположен после протазиса.

Для презумптивных сопоставительных конструкций характерна препозиция протазиса, поскольку поставить протазис в конец конструкции невозможно. Не можем мы и опустить протазис без потери смысла в обоих приведенных примерах. Кроме того сопоставительные квазиусловные конструкции можно трансформировать в конструкции без условного союза, не меняя их семантики: «По словам этой дамы Дон Балдомер был уважаемым человеком, а пожилой Массот просто хорошим». «Я был очень огорчен. Представим себе, насколько же был огорчен Маркус».

Презумптивные конструкции с бытийными глаголами

Вторая подгруппа презумптивных квазиусловных конструкций – это конструкции с бытийными глаголами (примеры 3 и 4), в которых за счет условной семантики акцентируется вторая часть конструкции.

(3) *Si realment admiro alguna cosa dels homes és l'ànima de llibertat que tenen*. Josep Pla. *El quadern gris*. Barcelona, 2014. P. 81.

Если я действительно восхищаюсь чем-то в людях, то это их жаждой свободы.

(4) *Però si alguna vegada Thomas Thomson ha fet alguna cosa que es pugi considerar valenta va ser aquella nit...* Albert Sánchez Piñol. *Pandora al Congo*. Barcelona, 2005. P. 572.

Но если Томас Томсон однажды и сделал нечто, что может считаться мужественным поступком, то это было той ночью.

В главном предложении в таких конструкциях употребляется бытийный глагол.

В конструкциях 3 и 4 условие также истинно. В первом примере употреблена конструкция «если..., то это (есть)». Во втором примере «если ..., то это было ...». Такие конструкции можно выявить по наличию глагола «быть». Они имеют выделительное значение, как в приведенных примерах.

В данных конструкциях протазис находится в препозиции, и мы не можем ни опустить его, ни переставить в конец конструкции. Конструкции с бытийными глаголами можно трансформировать в конструкции без условного союза. «Я восхищаюсь в людях жаждой свободы»,

¹ В этой статье приводятся примеры из книг каталанских авторов на каталанском языке. Общий корпус условных конструкций из текстов каталанских авторов составил около 1000 примеров. В процессе подготовки статьи были также использованы переводные примеры из текстов некаталанских авторов (около 2 000 примеров условных конструкций https://kontext.korpus.cz/first_form). Примеры были отобраны методом выборки из генеральной совокупности.

Здесь и далее перевод примеров наш (Т. Р.), за исключением примера 9, 12, 15, 16, 22.

«Томас Томсон совершил той ночью очень мужественный поступок». По трем рассмотренным трансформациям конструкции с бытийными глаголами и сопоставительные конструкции совпадают и поэтому мы относим указанные конструкции к одной группе – презумптивных конструкций.

Конструкции с протазисом в функции вводного предложения

В квазиусловных конструкциях с протазисом в функции вводного предложения отсутствуют отношения условия и следствия. Придаточные предложения в этих конструкциях содержат мнимое условие и могут занимать любую позицию в высказывании, в частности, могут прерывать главное. Кроме того, такое придаточное можно убрать без искажения смысла, поэтому в ряде случаев оно может помещаться в скобках.

Т. И. Оранская, анализируя УК в формулах социального этикета, указывает на то, что условные придаточные предложения, представляющие собой этикетные клише или иные высказывания формульного типа, близкие к клише, оформляются союзом несколько чаще, чем прочие, и приводит несколько примеров таких клише: «если внимательно посмотреть», «если вы хотите», «если возможно» [Оранская, 1998. С. 222-223].

Анализ нашего материала позволяет выделить несколько семантических подгрупп внутри квазиусловных конструкций-аналогов вводных предложений.

Центральное место занимают конструкции, выражающие сомнение и конструкции с формулами вежливости, к ним примыкают более редкие конструкции с отсылкой к Богу, а также конструкции иллюкутивного обоснования.

Конструкции с протазисом, выражающим сомнение

Конструкции, выражающие сомнение, могут вводиться различными маркерами, расположенными в протазисе условной конструкции («если мои вычисления верны», «если я правильно помню», «если все будет хорошо» и др.)

(5) *Si tot va bé*— hauré fet la carrera en poc més de cinc anys. Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. p. 561.

Если все будет хорошо, я закончу учебу чуть больше, чем за пять лет.

(6) *Així tu voldries ampliar-te*, entrar en una cosa més vasta. Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. p. 668.

Если я правильно понимаю, ты хотел бы развиваться, заниматься чем-то более серьезным (значимым).

Конструкции с протазисом, содержащим формулы вежливости

В квазиусловных конструкциях, содержащих формулы вежливости, протазис обычно включает местоимение и глагол второго лица (как правило, множественного числа), и представляет собой обращение к собеседнику. Он не является условием, а выражает смягченную просьбу.

(7) *Però, si em permetéssiu*, us faria una pregunta. Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. P. 82.

Но, *если Вы позволите*, я все же задам Вам вопрос.

(8) *Un altre moment, si vol vostè*, discutirem aquestes coses. Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. P. 124.

В другой раз, если Вы хотите, мы обсудим это.

Конструкции с протазисом, отсылающим к Богу

В конструкциях этой группы формулируется мысль о зависимости судьбы говорящего от воли Бога. Маркером этой конструкции является слово «Бог» в протазисе конструкции в сочетании с глаголом «желать». Такие конструкции имеют дополнительный оттенок значения – сомнение.

(9) *Tots ens trobarem al cel, és clar, si Déu vol...* Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. P. 185.

Мы все встретимся на небе, *если Богу будет угодно*, конечно...

(10) No estic sol ni — *si Déu ho vol* — en podré estar mai. Ramon Folch I Camarasa. Sala de miralls. Barcelona, 1982. P. 186. Я не одинок и — если *Богу будет (так) угодно* — никогда не стану одиноким.

Конструкции с протазисом, выражающим иллюкутивное обоснование

В конструкциях иллюкутивного обоснования содержится мнимое условие. Протазис связан с формулированием говорящим своего высказывания и отражает его отношение к содержанию аподозиса: говорящий поясняет свою точку зрения. В конструкциях этого типа отсутствуют отношения условия и следствия.

Маркерами данной группы являются глаголы, имеющие значение говорения и мышления, и обороты, связанные с формулированием мыслей.

(11) He enforquillat el seient posterior — *si se'n pot dir seient*. Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. P. 321.

Я сел на заднее сиденье, *если можно назвать это сиденьем*.

В этих конструкциях можно опустить протазис, и высказывание не только не перестанет быть грамматически верным, но и не потеряет смысл.

(12) *Si ho pensem bé*, les tortugues són uns animals ben estranys, amb les seves potetes d'elefant en miniatura! bec de lloro i una cua risible. Albert Sánchez Piñol. Pandora al Congo. Barcelona, 2005. P. 44.

Если хорошо подумать, черепахи уже сами по себе странные существа со своими маленькими лапками как у миниатюрного слона, с клювом попугая и коническим хвостом!

(13) Des de la meva enraonada quarta planta — ben honrosa *si pensem que Finances ocupa la segona* — es veu el mateix paisatge. Ramon Folch I Camarasa. Sala de miralls. Barcelona, 1982. P. 23. С высоты моего пятого этажа — достаточно почетного, *если учесть, что ее величество Бухгалтерия расположена на третьем*, — виден тот же пейзаж, что и с верхнего.

Квазиусловные конструкции с аподозисом, не имеющим значения следствия, или с опущенным аподозисом

Условно-оценочные конструкции

В квазиусловных конструкциях оценки следствие заменено на оценку. Выражается оно, соответственно, в аподозисе.

Как показал анализ нашего материала, оценка в конструкциях этой группы может быть положительной, отрицательной или нейтральной. Л. С. Дротвинас обнаруживает условно-оценочные конструкции с положительной, отрицательной, а также неопределенной оценкой в УК литовского языка [Дротвинас, 1958. С. 15-16]. Для конструкций этой группы характерны наречия оценки (хорошо, плохо и др.), а также прилагательные в сравнительной степени.

Как отмечает Е. М. Вольф, высказывания, содержащие оценочный компонент, весьма разнообразны. Оценочными являются не только собственно оценочные наречия «хорошо»/«плохо», но и слова с оценочной семой, в частности, глаголы (напр., «нравится»/«не нравится») [Вольф, 2002. С. 163].

Квазиусловные конструкции с положительной оценкой

(14) Si hagués concentrat la memòria en alguna altra cosa, potser *n'hauria tret més profit*. Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. P. 660-661.

Если бы я использовал мою память для чего-нибудь другого, *это, без сомнений, было бы полезнее для меня*.

(15 CAT) Si es pot acabar en cinc minuts en comptes de deu, **millor**. Mercè Rodoreda. La plaça del Diamant. Editor digital, 1962.

Если можно завершить это за пять минут вместо десяти — **то еще лучше**.

Квазиусловные конструкции с отрицательной оценкой

(16) Si tota la vida és com això que s'anomena la joventut, *és una trista vida*. Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. P. 342.

Если вся жизнь похожа на то, что называют молодостью, *(то) печальна наша жизнь*.

(17) Si el pare no volia passar el Nadal a Vallnova, *la cosa era greu*. Ramon Folch I Camarasa. Sala de miralls. Barcelona, 1982. P. 170.

Если папа не хочет ехать на Рождество в Вальнову, (то) *дело плохо*.

Следующий пример интересен тем, что в нем присутствуют сразу две квазиусловные конструкции со взаимоисключающими условиями. Истинность первого условия («если ты не лжешь») вызывает положительную оценку («ты достойный человек»), а истинность второго условия («если ты не сказал правды») – отрицательную (ты заслуживаешь проклятия):

(18) Si no dius mentides *ets una persona honorable*, però si no has dit la veritat, si realment tens un pi tan prodigiós i no has ajudat al teu rei, *mereixes la maledicció i aquell pi meravellós se't farà malbé i mai més et farà pinyes d'or*. Занимательные истории на каталанском языке. М., 2016. С. 25.

Если ты не лжешь, *ты достойный человек*, но если ты не сказал правды, если у тебя действительно есть такая чудесная сосна и ты не помог своему королю, *ты заслуживаешь проклятия*, а та удивительная сосна принесёт тебе несчастье и никогда больше не вырастит для тебя золотых шишек.

Квазиусловные конструкции с нейтральной оценкой

В следующем примере оценка не является ни положительной, ни отрицательной («это его дело»):

(19) Si algú és més feliç obeint ordres que fent amics *ja s'ho farà*. Albert Sánchez Piñol. Pandora al Congo. Barcelona, 2005. P. 449.

Если кто-то более счастлив, выслушивая приказы, а не беседуя с друзьями, то *это его дело*.

Для условно-оценочных конструкций характерна препозиция протазиса. Маркеры восклицательных конструкций – союз «Si» и восклицательный знак. В конструкциях этого типа мы не можем опустить ни протазис, ни аподозис без потери смысла. Условно-оценочные конструкции можно трансформировать в высказывания без условного союза с сохранением изначальной семантики, например: «Ты не лжешь, ты достойный человек» (см. пример 18).

Условно-причинные конструкции

Повествовательные условно-причинные конструкции

В повествовательных квазиусловных конструкциях со значением причины следствие заменено на причину – и, как и в предыдущем случае, содержится в аподозисе. Для конструкций этой группы характерен маркер «perquè» («потому что»).

(20) Si recordo aquest diàleg en particular és *perquè* va tenir uns efectes molts constructius. Albert Sánchez Piñol. Pandora al Congo. Barcelona, 2005. P. 52.

Если я особенно помню этот разговор, это *потому что* у него были очень положительные последствия.

(21) I si els coloms van sortir del colomar i si els vam deixar volar, va ser *per culpa* d'en Cintet. Mercè Rodoreda. La plaça del Diamant. Editor digital, 1962.

И если голуби вылетали из голубятни и если мы разрешали им вылетать, то это было *из-за* Синто.

Вопросительные условно-причинные конструкции

Помимо утвердительных квазиусловных конструкций с причинным значением встречаются и вопросительные. Для таких конструкций характерен маркер «per què» («почему»).

(22) Si les tortugues són més lleugeres i felices sense closca, *per què* n'haurien de dur? Albert Sánchez Piñol. Pandora al Congo. Barcelona, 2005. P. 463.

Если черепахам намного легче и счастливее без панциря, *почему* же они должны таскать его на себе?

(23) Si li és tan fàcil corregir els errors d'una obra mestra *per què* no n'escrivi una de similar? Albert Sánchez Piñol. Pandora al Congo. Barcelona, 2005. P. 497.

Если для Вас так просто исправлять ошибки в шедевре, то *почему* бы Вам не написать что-то подобное?

В примерах 20 и 21 невозможно поставить протазис в постпозицию, что характерно для утвердительных условно-причинных конструкций с союзом «**perquè**» (потому что). Однако в вопросительных конструкциях мы можем перенести главное предложение в начало, возьмем пример 22: «Почему же черепахи должны носить панцирь, если они намного легче и счастливее без него?».

Семантика вопросительных квазиусловных конструкций иная: в примере 22 условие истинно, как и в презумптивных конструкциях (черепахам действительно легче без панциря), но противоречит следствию (вопрос мог бы звучать так: «Зачем черепахам нужен панцирь, ведь легче и радостней без него?»). Такое «квазиусловие» используется для усиления, заострения вопроса, это своеобразный стилистический прием.

Если повествовательные условно-причинные конструкции можно трансформировать в причинные, убрав условный союз («Я особенно помню этот диалог, /это/ потому что у него были очень положительные последствия», ср. пример 20), то в вопросительные без потери смысла – нельзя (см. пример 22).

Конструкции с логическим выводом

В квазиусловных конструкциях логического вывода, как пишет Н. А. Козинцева, наблюдается условная связь между положением дел, выражаемых в зависимой части конструкции, и речевым актом логического вывода, составляющим главную часть условной конструкции [Козинцева, 1998. С. 180].

Маркером таких конструкций в каталанском языке служит оборот «és [que]» («[это] значит, [что]»).

(24) Si el Doctor Flag diu que a la selva hi ha lleons *és que* n'hi ha! Albert Sánchez Piñol. Pandora al Congo. Barcelona, 2005. P. 19.

Если доктор Флаг утверждает, что в джунглях есть львы, *значит* так оно и есть.

(25) Si el diable fa la bromera i ella crea la sardina, aquest peix *és fill del dimoni*. Занимательные истории на каталанском языке. М., 2016. С. 41.

Если дьявол создаёт пену, и из неё рождается сардина, то эта рыба — дитя демона.

Для конструкций этого типа характерна препозиция придаточного предложения с союзом «**si**» и постпозиция главного предложения. В конструкциях с логическим выводом невозможно поменять местами протазис и аподозис, невозможно опустить протазис без потери смысла. Условные конструкции с логическим выводом можно трансформировать в безусловные конструкции с логическим выводом, например: «Доктор Флаг утверждает, что в джунглях водятся львы, значит так и есть».

Обобщающие схемы и таблицы

Итоги настоящего исследования мы обобщили на схеме и в табл. 1 и 2. На схеме представлена классификация квазиусловных конструкций в каталанском языке, в табл. 1 перечисляются маркеры, соответствующие различным типам квазиусловных конструкций каталанского языка с переводом. В табл. 2 показано, какие трансформации возможны для рассматриваемых типов квазиусловных конструкций: изменение позиции протазиса, его опущение, трансформация конструкции с опущением условного союза при сохранении семантики. Табл. 2 указывает на общность показателей в рамках выделенных групп. Так, для презумптивных (как сопоставительных конструкций, так и для конструкций с бытийными глаголами) характерны одни и те же показатели в таблице, для конструкций с протазисом в функции вводного предложения (для всех подгрупп) также характерны одинаковые показатели. При этом наблюдается расхождение показателей у повествовательных и вопросительных условно-причинных конструкций, обусловленное различиями повествовательных и вопросительных предложений. Данные в табл. 2 отражают общую тенденцию, однако мы допускаем, что возможны и исключения.

Классификация квазиусловных конструкций в каталанском языке

Квазиусловные конструкции	
Отсутствуют отношения условия и следствия	
1. Квазиусловные конструкции с протазисом, содержащим мнимое условие	2. Квазиусловные конструкции с аподозисом, не имеющим значения следствия или с опущенным аподозисом
1.1. Презумптивные конструкции 1.1.1. Презумптивные сопоставительные конструкции 1.1.2. Презумптивные конструкции с бытийными глаголами	2.1. Условно-оценочные конструкции 2.1.1. Квазиусловные конструкции с положительной оценкой 2.1.2. Квазиусловные конструкции с отрицательной оценкой
1.2. Конструкции с протазисом в функции вводного предложения. 1.2.1. Конструкции с протазисом, выражающим сомнение 1.2.2. Конструкции с протазисом, выражающим вежливое обращение 1.2.3. Конструкции с протазисом, отсылающим к религии 1.2.4. Конструкции с протазисом, выражающим иллюкативное обоснование	2.2. Условно-причинные конструкции 2.2.1. Повествовательные условно-причинные конструкции 2.2.2. Вопросительные условно-причинные конструкции 2.3. Конструкции с логическим выводом

Таблица 1

Маркеры для различных типов квазиусловных конструкций

		Маркеры (каталанский язык)
1. Конструкции с протазисом, содержащим мнимое условие		
1.1. Презумптивные конструкции	1.1.1. Сопоставительные	«если ..., то» в переводе. слово-коррелят «то» в каталанском отсутствует.
	1.1.2. Конструкции с бытийными глаголами	«si... és» (если... это есть...) «si... va ser» (если ... это было)
1.2. Конструкции с протазисом в функции вводного предложения	1.2.1. Сомнение	si tot va bé (если все будет хорошо)
	1.2.2. Вежливое обращение	si em permetéssiu (если вы позволите),

	1.2.3. Отсылка к религии	si déu vol (если богу будет угодно), si déu ho vol (если богу это будет угодно)
	1.2.4. Иллокутивное обоснование	«si se'n pot dir» (если это можно назвать...), si ho pensem bé (если хорошо подумать)
2. Квазиусловные конструкции с аподозисом, не имеющим значения следствия, или с опущением аподозиса		
2.1. Условно-оценочные конструкции	2.1.1. Положительная оценка	n'hauria tret més profit (это было бы полезнее для меня), ets una persona honorable (ты достойный человек)
	2.1.2. Отрицательная оценка	és una trista vida (печальна наша жизнь), la cosa era greu (дело плохо), mereixes la maledicció (ты заслуживаешь проклятия)
1.2. Условно-причинные конструкции	2.2.1. Повествовательные	perquè (потому что), per (из-за/по вине)
	2.2.2. Вопросительные	per què (почему)
1.3. Конструкции логического вывода		és que («это значит, что», «это значит»)

Таблица 2

Трансформации квазиусловных конструкций

		Возможность пре-позиции протазиса	Возможность интерпозиции протазиса	Возможность постпозиции протазиса	Возможность опущения протазиса	Возможность переделать конструкцию, убрав условный союз, но сохранив его семантику
1.1. Презумптивные конструкции	1.1.1. Сопоставительные	да	нет	нет	нет	да
	1.1.2. Конструкции с бытийными глаголами	да	нет	нет	нет	да

1.2. Конструкции с протазисом в функции вводного предложения	1.2.1. Сомнение	да	да	да	да	нет
	1.2.2. Вежливое обращение	да	да	да	да	нет
	1.2.3. Отсылка к религии	да	да	да	да	нет
	1.2.4. Иллокутивное обоснование	да	да	да	да	нет
2.1. Условно-оценочные конструкции	2.1.1. Положительная оценка	да	нет	да	нет	нет
	2.1.2. Отрицательная оценка	да	нет	да	нет	нет
2.2. Условно-причинные конструкции	2.2.1. Повествовательные	да	нет	нет	нет	да
	2.2.2. Вопросительные	да	нет	да	нет	нет
2.3. Конструкции логического вывода		да	нет	нет	нет	да

Заключение

Квазиусловные конструкции обладают формальным сходством с условными конструкциями, но отличаются от них отсутствием условной семантики, а именно в них отсутствует один или несколько признаков УК: протазис конструкции не содержит гипотетическое условие, аподозис не содержит следствие, также часто отсутствуют отношения условия и следствия. При этом, в отличие от условных конструкций, квазиусловные конструкции (кроме вопросительных) позволяют преобразовать предложение в обычное повествовательное, не содержащее никаких формальных признаков условной конструкции, полностью сохранив при этом основной смысл предложения.

В настоящем исследовании, посвященном каталанскому языку, мы выявили пять основных групп квазиусловных конструкций, деление на которые осуществляется по следующим признакам:

1. Семантические различия (сопоставительные, бытийные, оценочные, причинные и др. конструкции.)

2. Наличие или отсутствие возможности перестановки придаточного и главного.

3. Наличие определенных маркеров (см. табл. 1).

Были также выявлены следующие типы конструкций:

1. *Презумптивные конструкции.* Мы выделили презумптивные сопоставительные конструкции и презумптивные конструкции с бытийными глаголами. В презумптивных конструкциях условие истинно, а не гипотетично.

В презумптивных конструкциях с бытийными глаголами условие истинно.

В сопоставительных конструкциях отношения условия и следствия заменяются на отношения сопоставления.

2. *Конструкции с протазисом в функции вводного предложения.* В квазиусловных конструкциях с протазисом со значением вводного предложения отсутствуют отношения условия и следствия. Протазис содержит мнимое условие. Такое придаточное предложение можно убрать без потери смысла. Оно может иметь значение сомнения, вежливого обращения, отсылать к Богу или содержать иллюкутивное обоснование. Для этой группы характерно большое разнообразие маркеров.

3. *Условно-оценочные конструкции.* В конструкциях со значением оценки следствие заменено на оценку, которая может быть положительной, отрицательной, нейтральной. Оценка обычно выражается наречиями и прилагательными в сравнительной степени, а также другими способами, например, глаголами с оценочной семой.

4. *Условно-причинные конструкции.* В условно-причинных квазиусловных конструкциях следствие заменено на причину. Встречаются утвердительные и вопросительные конструкции со значением причины.

5. *Конструкции с логическим выводом.* В квазиусловных конструкциях логического вывода следствие заменено на логический вывод.

Выводы статьи могут быть использованы в практике преподавания и в исследованиях по каталанскому языку, другим романским языкам, по типологии и синтаксису.

Список литературы

Акимова Т. Г., Козинцева Н. А. Условные конструкции в английском языке // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 306–324.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Гавришина К. С. Использование сложных мнимоусловных предложений, выражающих сопоставительно-противительные отношения в научной прозе (на материале французского языка) // Иностранный язык в сфере научного общения. Лингвометодические проблемы. М.: Наука, 1986. С. 179–186.

Дротвинас Л. С. Условные предложения в русском и литовском языках (видо-временные соотношения сказуемых форм): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1958. 20 с.

Козинцева Н. А. Условные конструкции в армянском языке // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 161–182.

Корди Е. Е. Условные конструкции во французском языке // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 275–296.

Оранская Т. И. Условные конструкции в языке хинди // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 202–225.

Островский Б. Я. Условные конструкции в языке дари // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 183–201.

Перельмутер И. А. Условные конструкции в древнегреческом языке (язык Гомера) // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 226–256.

Романовская Л. В. Семантические особенности псевдоусловных предложений // Структура и семантика предложения и текста в германских языках. Межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1987. С. 56–60.

Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. 583 с.

Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.

Martí i Castell J. Una aproximació a la llengua de Ramon Llull l'ús de les oracions condicionals amb "si" // El rei Jaume I: fets, actes i paraules / coord. por Germà Colón i Domènech. Tomás Martínez Romero, 2008, págs. 459–486.

Russell-Gebbett P. L'estructura de les oracions condicionals de realització impossible en el català medieval // Actes del Tercer Col·loqui Internacional de Llengua i Literatura catalanes celebrat a Cambridge del 9 al 14 d'abril de 1973 / coord. por Robert Brian Tate, Alan Yates, 1976. págs. 207–218.

Salvador V. Aspectes semántico-pragmàtics de les condicionals: aplicació a un corpus de proverbis Catalans // Actes du XX Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes: Université de Zurich (6-11 avril 1992) / publiés per Gerold Hilty, Vol. 1, 1993. págs. 669–682.

Материал поступил в редколлегию 12.05.2018

Tatiana V. Repnina

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov per., Saint-Petersburg, 199053, Russian Federation*

lumenna@yandex.ru

QUASI-CONDITIONAL CONSTRUCTIONS IN CATALAN

This article aims to single out quasi-conditional constructions in Catalan and describe their main types. The author proceeds from the hypothesis that Catalan quasi-conditional constructions must show considerable similarity with quasi-conditional constructions in Russian, English, French, and other languages. The number of the constructions addressed is about 1 000 examples from Catalan texts by native Catalan authors and about 2 000 examples from Catalan texts by non-Catalan authors, selected by total sampling.

The paper shows that quasi-conditional constructions, although formally similar to conditional constructions, differ on certain points from them. Their protasis does not express hypothetical condition, apodosis doesn't imply consequence, the condition-consequence meaning is often missing from them altogether. In contrast to conditional constructions, transformation of quasi-conditionals ones into formally narrative constructions doesn't change their meaning.

Quasi-conditional constructions can be split into five major groups: presumptive constructions, constructions with protasis in the function of parenthesis, conditional-evaluative constructions, conditional-causal constructions, and logical conclusion constructions.

The observables selected as criteria for this classification include:

Construction meaning (comparative, existential, evaluative, causative constructions etc.);

Changeability of the main dependent clause order;

Use of markers.

Both my analysis and literature on conditional constructions in other languages confirm that the structure of Catalan quasi-conditional constructions is similar to their counterparts in other languages.

The findings can be used for teaching purposes as well as for research in Catalan, other Romance languages, or in typology/syntax.

Keywords: quasi-conditional constructions, conditional constructions, condition, consequence, protasis, apodosis, Catalan language.

References

- Akimova T.G., Kozinceva N.A. Uslovnye konstrukcii v anglijskom yazyke [Conditional constructions in English] // Tipologiya uslovyh konstrukcij [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. S. 306-324.
- Drotvinas L.S. Uslovnye predlozheniya v russkom i litovskom yazykah (vido-vremennye sootnosheniya skazuemostnyh form) [Conditional constructions in Russian and Lithuanian (aspect-tense relations in predicate forms)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vilnyus, 1958. 20 s.
- Gavrishina K.S. Ispolzovanie slozhnyh mnimouslovyh predlozhenij, vyrazhayushih sopostavitelno-protivitelnye otnosheniya v nauchnoj proze (na materiale francuzskogo yazyka) [Compound quasi-conditional sentences with comparative-contrastive meanings in scientific texts (based on French material)] // Inostrannyj yazyk v sfere nauchnogo obsheniya. Lingvometodicheskie problemy [Foreign language in scientific communication. Linguistic and tutorial issues]. M.: Nauka, 1986. S. 179-186.
- Hrakovskij V.S. Teoreticheskij analiz uslovyh konstrukcij (semantika, ischislenie, tipologiya) [Conditional constructions: a theoretical description (meaning, calculus, typology)] // Tipologiya uslovyh konstrukcij. [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. S. 7-96.
- Kordi E.E. Uslovnye konstrukcii vo francuzskom yazyke [Conditional constructions in French] // Tipologiya uslovyh konstrukcij [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. S. 275-296.
- Kozinceva N.A. Uslovnye konstrukcii v armyanskom yazyke [Conditional constructions in Armenian] // Tipologiya uslovyh konstrukcij [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. S. 161-182.
- Martí i Castell J. Una aproximació a la llengua de Ramon Llull l'ús de les oracions condicionals amb "si" / El rei Jaume I: fets, actes i paraules / coord. por Germà Colón i Domènech. Tomás Martínez Romero, 2008, págs. 459-486.
- Oranskaya T.I. Uslovnye konstrukcii v yazyke hindi [Conditional constructions in Hindi] // Tipologiya uslovyh konstrukcij [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. S. 202-225.
- Ostrovskij B. Ya. Uslovnye konstrukcii v yazyke dari [Conditional constructions in Dari]. // Tipologiya uslovyh konstrukcij [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. S. 183-201.
- Perelmuter I.A. Uslovnye konstrukcii v drevnegrecheskom yazyke (yazyk Gomera) [Conditional constructions in Ancient (Homer) Greek] // Tipologiya uslovyh konstrukcij [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. S. 226-256.
- Romanovskaya L.V. Semanticheskie osobennosti psevdouslovyh predlozhenij [Semantic features of quasi-conditional constructions] // Struktura i semantika predlozheniya i teksta v germanskih yazykah. Mezhevuzovskij sb. nauchn. tr. [Structure and meaning of sentence and text in Germanic languages]. L.: LGPI, 1987. S. 56-60.
- Russell-Gebbett P. L'estructura de les oracions condicionals de realització impossible en el català medieval // Actes del Tercer Col·loqui Internacional de Llengua i Literatura catalanes celebrat a Cambridge del 9 al 14 d'abril de 1973 / coord. por Robert Brian Tate, Alan Yates, 1976. págs. 207-218.
- Salvador V. Aspectes semántico-pragmàtics de les condicionals: aplicació a un corpus de proverbis Catalans // Actes du XX Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes: Université de Zurich (6-11 avril 1992) / publiés per Gerold Hilty, Vol. 1, 1993. págs. 669-682.
- Tipologiya uslovyh konstrukcij [Typology of Conditional Constructions]. SPb: Nauka, 1998. 583 s.
- Volf E.M. Funkcionalnaya semantika ocenki [The Functional Semantics of Evaluation]. M.: Editorial URSS, 2002. 280 s.

УДК 81 + 81'13

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-116-129

Т. А. Чубур

*Воронежский государственный педагогический университет
394036, ул. Ленина, 86, Воронеж, Россия*

chuburtanya@gmail.com

**МЕТОДИКА ЛЕКСИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ЯЗЫКОВОЙ И ВНЕЯЗЫКОВОЙ СФЕР РАЗНЫХ КУЛЬТУР В РАМКАХ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ**

В статье рассматриваются проблемы дальнейшей разработки методологической базы сопоставительной лингвоконцептологии, контрастивной лингвистики и лексикографии, заключающейся в предложенной комплексной методике лексико-концептуально-семантического анализа культурно значимых фрагментов семантического пространства сопоставляемых языков. Данный анализ представлен в виде полного алгоритма исследования языковой и внеязыковой сфер сопоставляемых национальных концептосфер и лексических единиц, номинирующих изучаемые концепты.

Ключевые слова: методология, лексико-концептуально-семантический анализ, национальная специфика, лексикографическая фиксация.

Лингвоконцептология использует целый ряд методов исследования языкового материала, дополняющих друг друга. Ученые-лингвоконцептологи [Кубрякова, 2004; Попова, 2007; Слышкин, 2004; Телия, 1996 и др.] отмечают, что на сегодняшний день остается нерешенной задача исследования состава самих средств, вербализующих концепт, поскольку средства вербализации концепта – это, преимущественно, слова, а слова как полноценные знаки имеют свою собственную концептуальную часть – план содержания, семантику. По мнению С. Г. Воркачева, разработка «исследовательской методики для описания базовых экзистенциальных смыслов, представленных в лексическом фонде естественного языка» является актуальной [Воркачев, 2005. С. 80]. Поэтому необходимо разработать методы и методологию исследования, позволяющие выявить концептуальную составляющую не только ключевого слова-репрезентанта концепта, но и всех языковых знаков, входящих в его номинативное поле с целью представления содержания концепта в виде полевой структуры с учетом концептуальных признаков в составе каждой лексемы, вербализующей данный концепт.

Исходя из теории полевой организации концепта (наличие ядра, ближней, дальней и крайней периферии) [Бондарко, 1972. С. 20-32; Долгих, 1973. С. 89-96; Попова, 1989. С. 78-92], можно предположить, что каждая лексическая единица в составе номинативного поля концепта может быть рассмотрена как репрезентант самостоятельного микроконцепта в составе ма-

Чубур Т. А. Методика лексико-концептуально-семантического анализа языковой и внеязыковой сфер разных культур в рамках сопоставительной лингвоконцептологии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 116–129.

кроконцепта со своей собственной полевой организацией. Выявив максимально полный набор компонентов структуры значения *каждой* лексической единицы в составе номинативного поля концепта (не только ядерные, но и дополнительные, периферийные компоненты), можно наиболее полно и адекватно смоделировать макроконцепт с учетом всех ядерных и периферийных компонентов в структуре значения *каждой* лексической единицы, входящей в номинативное поле концепта.

На сегодняшний день основными методами выявления дополнительных, периферийных компонентов в структуре значения исследуемых языковых знаков, то есть значений, реально присутствующих в сознании носителей языка в их возможно максимальной полноте, являются психолингвистические методы (различные варианты ассоциативного эксперимента, интервьюирование носителей языка). Однако подобные методы позволяют, как правило, лишь глубже раскрыть содержание значения ключевой лексики, репрезентирующей концепт, и далее интерпретировать полученные результаты с целью моделирования концепта.

Для выявления дополнительных, периферийных компонентов в структуре значения лексической единицы в дополнение к его лексикографическому варианту необходимо разработать такую методику описания концептов сопоставляемых концептосфер, которая позволила бы выявить максимально полный набор структурных компонентов значений *каждой* лексической единицы, входящей в номинативное поле концепта, и интерпретировать полученные результаты с целью моделирования изученных концептов как единиц концептосферы носителей данных языков. Такое исследование позволит выявить значения, реально присутствующие в языковом сознании народа, всех репрезентирующих исследуемый концепт языковых знаков, глубже понять принципы структурирования концептов в сознании носителей языка, выявить категории для описания базовых экзистенциальных смыслов, представленных в лексическом фонде естественного языка, а также выявить особенности национальной специфики как на семантико-когнитивном, так и на лексико-семантическом уровне.

Нами разработана **методика лексико-концептуально-семантического анализа языковой и внеязыковой сфер сопоставляемых национальных концептосфер** на материале лексем, вербализующих значимые фрагменты языковой сферы русского и английского языков КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК (CULTURED MAN ¹).

В рамках данной методики исследование имеет *спиралевидный характер* – от языкового материала к фрагменту концептосферы, затем снова к языковому материалу на новом уровне с целью лексикографической фиксации всех выявленных национально-специфических характеристик языковых знаков сопоставляемых языков. Поэтому в самом общем виде наш алгоритм исследования концептосфер можно представить следующим образом.

1. Установление ключевой лексики.

Для рассмотрения выбирается какой-либо наиболее значимый фрагмент концептосферы (в нашем случае – это человек, приобщенный к материальным и духовным культурным ценностям современного общества), номинируемый ключевой лексемой, этимологически содержащей в своей структуре ядерные компоненты данного культурного смысла и объективирующей исследуемый концепт в сознании носителей исходного языка, в нашем случае – русского.

2. Определение компонентного состава значения исследуемой лексической единицы на основе толкований данного слова в словарях.

В нашем исследовании на примере концепта КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, описание семантики языковых средств, входящих в его номинативное поле, осуществлялось комплексным методом анализа словарных дефиниций, представляющего собой выявление структуры значения слова (его компонентный состав) на основании приведенных в толковых словарях определений

¹ Нахождение в английском языке «самого точного» и, тем более, единственно правильного соответствия – задача архитрудная. Результаты поиска в онлайн-овом Reverso Context дают для понятия "культурный человек" следующий ряд английских контекстуальных эквивалентов: man with culture, man of culture, cultural human, cultural man, cultured man, cultured person, well-cultured man, a (more) civilized man, a cultured elitist, a dignified man, cultured (в «I'm deeply cultured»). Наш выбор сделан, поскольку русская культура однозначно подсказывает номинацию «культурный человек», тогда как в английской наблюдается номинативный «разброд и шатания».

(дефиниций) данного слова. На сегодняшний день этот метод является одним из универсальных способов лингвистического исследования.

3. *Контекстно-компонентный анализ* ключевой лексемы с целью выявления дополнительных компонентов в ее структурном составе.

Фиксируемое в словарях значение не может включить все компоненты, реализуемые в процессе коммуникации. Для выявления коммуникативно-релевантного значения слова (т.е. значения, присутствующего в коммуникативно-когнитивном сознании носителей языка, в дополнение к его лексикографическому варианту) мы анализировали контексты употребления всех лексических единиц, входящих в номинативное поле русского концепта КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК и аналогичного английского концепта.

Для наибольшей объективности данных в качестве материала исследования целесообразно использовать максимально большой объем текстового материала. Анализ нашего концепта построен на материале корпусов текстов русского и английского языков [Национальный корпус русского языка, British National Corpus, Corpus of contemporary American English], поскольку данные массивы текстов являются наиболее репрезентативными на сегодняшний день и позволяют с достаточно высокой степенью вероятности считать представленные в них контексты употреблений исследуемых единиц исчерпывающими для выявления основных структурных компонентов коммуникативно-релевантных значений данных единиц.

3.1. *Установление набора контекстов из корпусов современного русского и английского языков, отражающих употребление исследуемого слова.*

Поскольку большинство прилагательных (исследуемое нами на этом этапе в том числе), являются полисемными, необходимо из многочисленных примеров употребления данной единицы выделить набор контекстов, в которых исследуемое слово употребляется в интересующем нас значении – *характеристика человека*. Данный этап является достаточно трудоемким, поскольку исследователь должен анализировать все значения, представленные в Корпусах текстов (иногда несколько тысяч на каждую изучаемую лексему), но необходимым этапом исследования.

3.2. *Выявление семного состава исследуемых слов методом дискурсивной интеграции.*

Для выявления максимально полного состава компонентов коммуникативно-релевантных значений исследуемых лексем в дополнение к лексикографическому варианту в нашем исследовании был разработан и апробирован **метод дискурсивной интеграции**, предполагающий установление компонентного состава изучаемого слова на основе анализа лексического состава его однородных и уточняющих членов в обширном корпусе типовых высказываний. Данный метод позволяет выявить компонентный состав значений исследуемых лексем в том объеме, в котором он реально представлен в коммуникативном сознании носителей языка.

Теоретическая и практическая необходимость такого этапа подчеркивалась лингвистами и психолингвистами уже давно. Так, по мнению А. А. Залевской, «актуализация отдельного наиболее рельефного признака объекта неизбежно сопровождается подсознательным учетом и других характеристик этого объекта, одновременно включенного в некоторую ситуацию, в свою очередь, находящуюся в составе более полного фрагмента индивидуальной картины мира» [Залевская, 1998. С. 122].

Ю. Д. Апресян еще ранее высказывал мысль о том, что в тексте проявляется, акцентируется только «часть сложного значения, а не это значение целиком, каждое из сложных значений ... предстает в виде комбинации более простых значений» [Апресян, 1974. С. 15].

Выделив два типа нестандартных соединений смыслов (трансформаций) – добавление (приращение) и зачеркивание семантического компонента в толковании одной или двух соединяемых лексем, ученый высказывал предположение, что «повторение какого-либо семантического компонента слова А в синтаксически связанном с ним слове В необходимо для усиления (выделения, подчеркивания) этого компонента» [Там же. С. 88].

Р. Г. Гинзбург связала приращение с фактором сочетаемости слов: она выделяла в значении слова скрытые компоненты, которые выявляются через сочетаемостные возможности слова:

ограничение на сочетаемость дает основание предположить наличие сем, препятствующих соединению [Гинзбург, 1979. С. 39-45].

В ходе нашего исследования было выявлено, что в процессе коммуникации реализуется, как правило, только один компонент значения слова, актуальный для интенции говорящего, путем *интеграции однородных и уточняющих членов*. То есть из всего объема знаний о значении лексической единицы в ситуации речевого акта происходит актуализация отдельного компонента (иногда нескольких компонентов). Данная актуализация может быть реализована в законченном в смысловом отношении отрезке речи (обычно в предложении) различными способами в зависимости от частеречной принадлежности единицы.

Как показало наше исследование, наиболее продуктивным способом актуализации какого-либо компонента значения прилагательного является его уточнение, конкретизация с помощью другого прилагательного, указывающего на тот или иной признак, релевантный для интенции говорящего. В условиях речевого функционирования при каждом новом употреблении семная структура прилагательного настраивается заново для соединения с соответствующими потенциальными семами другого прилагательного, конкретизирующего актуализируемую в речи сему исходного прилагательного.

Так, если в интенцию говорящего входит актуализировать какой-либо аспект значения лексической единицы, например, *наличие образования* в прилагательном *культурный*, то он, чаще всего, употребит другое прилагательное для конкретизации своей интенции, в данном случае прилагательное *образованный* и т.п. Например:

«Серьезная пьеса. — Вы человек *культурный, образованный*. Мы решили привлечь вас к этому делу» [Сергей Довлатов. Зона (1965-1982)]².

С помощью метода дискурсивной интеграции мы получаем возможность выявить дополнительные компоненты значений всех анализируемых слов.

3.3. Выявление семного состава исследуемых слов методом ассоциативной интеграции.

Кроме описанного выше метода дискурсивной интеграции в нашем исследовании был также предложен **метод ассоциативной интеграции**, предполагающий установление семного состава изучаемого слова на основе анализа *ассоциативных высказываний, иллюстрирующих, поясняющих какой-либо компонент в структурном составе семемы*. В данном случае говорящий выражает свою интенцию актуализировать какой-либо конкретный компонент в структурном составе значения слова с помощью развернутого высказывания. Например:

«Он закончил все нужные для культурного человека университеты (в том числе Пражский), защитил все нужные диссертации и на этом своем культурном поприще достиг успехов максимальных — по гуманитарной части стал одним из самых молодых в нашей стране академиков» [Андрей Арьев. Если вспомнить забытое старое].

Таким образом, изучив максимально большой объем контекстов употребления какой-либо лексической единицы, исследователь может с помощью данных методов выявить компонентный состав значений исследуемых лексем в том объеме, в котором он реально представлен в языковом сознании носителей языка.

3.4. Выявление семного состава исследуемых слов методом прагматической дезинтеграции.

Для верификации семного состава значений исследуемых лексических единиц, а также выявления и уточнения их эмоционально-оценочных характеристик нами был предложен **метод прагматической дезинтеграции**, представляющий собой установление реального коммуникативно-релевантного значения изучаемого слова посредством анализа прагматических импликаций в нетиповых эмоционально окрашенных высказываниях. Данный метод предполагает прагматический анализ авторского замысла, который скрывается за словами и преследует какую-либо коммуникативную цель. Эта цель не всегда может реально совпадать со значениями слов в тексте (т. е. эксплицитно передаваться ими).

² Здесь и далее все примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

В ходе исследования корпуса текстов были выявлены *типы прагматико-антиномических контекстов*, с учетом набора факторов, влияющих на интерпретацию смыслов высказываний, в которых содержится антиномия – противоречие между двумя взаимоисключающими друг друга положениями, сущностями, явлениями, каждое из которых доказуемое логическим путём, существует в отдельности.

В этом случае происходит не интеграция компонентов значений однородных или уточняющих членов, как в двух предыдущих случаях, а их *дезинтеграция*, и тогда в выявленных типах контекстов отражаются значения признаков, подтверждающие наличие или отсутствие того или иного компонента методом от противного. Анализ подобных контекстов позволяет выявить некоторые прагматико-антиномические значения, показывающие, как в различных коммуникативных условиях, в тех или иных языковых формах в зависимости от целей, которые стоят перед говорящим, передаются его интенции. Основные типичные случаи таковы:

– в контексте описано поведение человека, как правило, обычно *противоречащее ожидаемому*, которое вербализовано в семеме ключевого слова. Например: *вежливый* человек, но хамит; *успешный*, но вечно бедствует и т. п.;

– контекст *исключает семы, невозможные в семеме ключевого слова*. Например: *образованный* человек не станет публично нецензурно выражаться; *добрый* человек не может издеваться и мучить окружающих и т. п.;

– в контексте описано поведение человека, в конкретном случае *противоречащее ожидаемому*, которое вербализовано в семеме ключевого слова. **Например: обычно, как правило, этот человек сдержан и учтив, но в данной конкретной ситуации он не проявил выдержки и вспылал и т. п.**

Ранее нами был уже выявлен более полный ряд подобных контекстов, позволяющих верифицировать наличие или отсутствие тех или иных компонентов значений исследуемых единиц, а также уточнить их эмоционально-оценочные характеристики [Чубур, 2011. С. 65–73].

В результате этапа контекстуально-компонентного анализа предложенными нами методами могут быть выявлены все основные структурные компоненты коммуникативно-релевантного значения каждой исследуемой лексической единицы, входящей в номинативное поле концепта.

3.5. Распределение структурных компонентов по степени вероятности.

Значение слова является неоднородным по своему составу, оно организовано по полемому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. В словарных дефинициях, как правило, фиксируются основные ядерные компоненты, будем называть их обязательными. Рассмотренные выше методы анализа семантики лексических единиц позволяют выделить также структурные компоненты, относящиеся к периферии поля и являющиеся вероятностными компонентами. Вероятностный характер семы, однако, не означает, что она является менее яркой по сравнению с ядерными семами. Зачастую в коммуникации реализуются именно вероятностные компоненты, несущие дополнительную смысловую нагрузку в структуре коммуникативно-релевантного значения слова.

С помощью описанных выше методов выявляются основные (обязательные) и вероятностные семы, составляющие денотативный макрокомпонент значения лексических единиц. Данные методы позволяют также выявить эмоциональные и оценочные семы, составляющие коннотативный макрокомпонент значения, и семы, относящиеся к функциональному макрокомпоненту значения лексических единиц.

В нашем исследовании в структуре денотативного макрокомпонента релевантными являются основные (обязательные) и вероятностные компоненты, которые эксплицируются с использованием следующих помет, дифференцируемых по степени вероятности:

как правило – компонент входит в структуру семемы с очень высокой степенью вероятности, например, ‘знающий’: *как правило*, наличие образования;

вероятно – компонент входит в структуру семемы с высокой степенью вероятности, например, ‘грамотный’: *вероятно* умение устно и письменно излагать свои мысли;

возможно – компонент имеется в структуре семемы с меньшей степенью вероятности, например, ‘ученый’: *возможно* владение навыками поведения;

не исключено – компонент имеется в структуре семемы с незначительной степенью вероятности, например, 'вежливый': *не исключено* наличие интеллектуальных способностей.

Степень вероятности определяется по количеству зафиксированных примеров, отражающих наличие той или иной семы в структуре семемы. Большее количество примеров, фиксирующих определенный структурный компонент, указывает на большую степень вероятности наличия той или иной семы в структурном составе семемы.

3.6. Уточнение структурного состава компонентов значений исследуемых лексических единиц.

По своей структуре сема сама членима, предел членения того или иного значения на семы задается поставленными в исследовании задачами [Стернин, Чубур и др., 2006. С. 30]. В нашем исследовании были выявлены *семные конкретизаторы* для некоторых сем, то есть компоненты, уточняющие, конкретизирующие значение семы, например, сема *владение навыками поведения* может иметь следующие семные конкретизаторы: *умение проявлять внимательное отношение, умение проявлять доброжелательность, умение владеть эмоциями* и т. д.; сема *обладание знаниями* может иметь следующие семные конкретизаторы: *разносторонними, в какой-л. сфере, в профессиональной сфере, в сфере искусства, в сфере науки* и т. д.

3.7. Унификация семных описаний

Поскольку наше исследование носит сопоставительный характер, важно использовать прием *унификации семных описаний*, который заключается в том, что сходные толкования сем в каждом языке и в двух сопоставляемых языках приравниваются друг к другу, и выбирается или конструируется одно метаязыковое толкование, дающее наиболее обобщенное и полное описание соответствующего семантического компонента.

4. Установление ядра лексико-семантического поля (ЛСП) исследуемого концепта.

В ядро ЛСП войдут лексические единицы, архисемы которых соответствуют ядерным структурным компонентам значения ключевого слова.

5. Определение состава ЛСП концепта. В состав ЛС поля концепта будут входить все лексемы, имеющие общие с ядерными лексемами интегральные семы.

По результатам исследования в номинативных полях и русского и английского концептов выделились две парцеллы (в русском ЛС поле большую значимость имеет парцелла «образованный», в английском – парцелла «воспитанный»).

Так, в русское номинативное поле парцеллы *образованный* вошли следующие лексемы:

культурный, интеллигентный, образованный, высокообразованный, грамотный, учёный, знающий, просвещённый, цивилизованный, эрудированный, сведущий, начитанный, компетентный, обученный, осведомлённый, информированный.

Номинативное поле парцеллы *воспитанный* включает следующие лексемы:

культурный, интеллигентный, воспитанный, вежливый, деликатный, благовоспитанный, светский-1, светский-2, любезный, корректный, тактичный, учтивый, обходительный, предупредительный, дисциплинированный, дипломатичный, галантный.

В номинативное поле английской парцеллы *polite* вошли следующие лексемы:

cultured, polite, refined, gracious, courteous, suave, well-mannered, urbane, well-bred, well-behaved, genteel, courtly, gentlemanly, mild-mannered, disciplined, debonair, tactful, correct, chivalrous, gallant-1, lady-like, diplomatic, well-brought-up, obliging, gallant-2.

Номинативное поле парцеллы *educated* включает следующие лексемы:

cultured, educated, well-educated, knowledgeable, literate, informed, well-informed, well-read, civilized, enlightened, erudite, competent, conversant, well-versed, versed, bookish, cognizant, schooled, cultivated, scholarly, lettered, numerate.

6. Выявление максимально полного семного состава значений *всех* слов, номинирующих исследуемое ЛСП на основании комплексного анализа словарных дефиниций, а также на основании изучения языкового материала предложенными нами методами анализа контекстов употребления данных лексем.

7. Моделирование концепта.

Полученное семное описание позволяет интерпретировать его с целью выявления когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу. Определенные признаки концепта отражены в значении (семеме), передающем своими семами эти признаки как часть содержания концепта, поэтому результат лингвистического исследования, подвергнутый когнитивной интерпретации, то есть реконструкции (моделированию) концепта как мыслительной единицы по данным языка, позволяет моделировать концепт как единицу сознания с опорой на полученные лингвистические данные.

Для выявления когнитивных признаков концепта мы предложили и реализовали **метод когнитивной интеграции**, предполагающий посемное сопоставление значений всех лексических единиц, входящих в номинативное поле исследуемого концепта, со значением ключевого слова концепта. При этом выявляются когнитивные признаки исследуемого концепта как явные, то есть зафиксированные в структуре значений ядерных лексем, так и скрытые, то есть не эксплицированные в структуре значения ядерных лексем, однако имеющиеся в структуре значений слов, составляющих номинативное поле данного концепта.

Метод когнитивной интеграции является достаточно универсальным, поскольку, исходя из теории полевой организации концепта, каждая лексическая единица в составе номинативного поля концепта может быть рассмотрена как репрезентант самостоятельного микроконцепта в составе макроконцепта со своей собственной полевой организацией. Выявив максимально полный набор компонентов структуры значения *каждой* лексической единицы в составе номинативного поля концепта, можно наиболее полно и адекватно смоделировать как микро-, так и макроконцепт с учетом всех ядерных и периферийных компонентов в структуре значения каждой лексической единицы, входящей в номинативное поле концепта [см. подробнее Чубур, 2012. С. 66-77].

8. *Описание содержания концепта исходного языка (в нашем случае – русского) как иерархического набора его когнитивных признаков.* Итогом моделирования концепта в рамках сопоставительного лингвоконцептологического исследования является словесное представление содержания лингвоконцепта в виде полевой структуры, что дает сведения об особенностях национальной концептосферы, а также о национальных особенностях семантического пространства языка.

9. *Выбор ключевого слова*, этимологически содержащего в своей структуре ядерные компоненты данного культурного смысла и объективирующего исследуемый концепт в сознании носителей языка сопоставления, в нашем случае – английского (*cultured man*).

10. *Определение компонентного состава* значения исследуемой лексической единицы на основе толкований данного слова в словарях.

11. *Контекстно-компонентный анализ* ключевой лексемы языка сопоставления с целью выявления дополнительных компонентов в ее структурном составе. Данный этап проводится в соответствии с алгоритмом, представленном выше при анализе русской ключевой леммы (пункты 3.1 – 3.7).

12. *Установление ядра лексико-семантического поля (ЛСП) исследуемого (в нашем случае английского) концепта.*

В ядро ЛСП войдут лексические единицы, архисемы которых соответствуют ядерным структурным компонентам значения ключевого слова.

13. *Определение состава ЛСП* английского концепта. В состав ЛС поля концепта будут входить все леммы, имеющие общие с ядерными лексемами интегральные семы.

14. *Выявление максимально полного семного состава значений всех слов, номинирующих исследуемое ЛСП* на основании комплексного анализа словарных дефиниций, а также на основании изучения языкового материала предложенными нами методами анализа контекстов употребления данных лексем.

15. *Моделирование концепта языка сопоставления (в нашем случае – английского) с помощью метода когнитивной интеграции.*

16. *Описание содержания английского концепта как иерархического набора его когнитивных признаков.*

Следующие этапы являются заключительной и важной составляющей исследования.

17. Выявление национально-культурной специфики исследуемых концептов.

Так, наше исследование показало, что основными когнитивными признаками в содержании русского концепта являются: *наличие интеллектуальных способностей* и *наличие образования*, то есть, в русском языковом сознании качества культурного человека в первую очередь ассоциируются с качествами *образованного* человека, наряду с качествами *воспитанного* человека.

В ходе исследования русского концепта КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК был выявлен признак *наличие внутренней культуры/интеллигентность*, что позволило сделать вывод о наличии в содержании концепта признаков как *внешней*, так и *внутренней* культуры человека [Чубур, 2010. С. 76-81].

В результате было выявлено что признак *наличие внутренней культуры / интеллигентность* характерно именно для русской этнокультурной среды, русского языкового сознания, то есть является безэквивалентным на фоне английского языкового сознания.

Анализ когнитивных признаков английского концепта показал, что основным признаком в содержании концепта является *владение навыками поведения*, что свидетельствует о преобладании важности признаков воспитанности человека в английском языковом сознании над признаками образованности человека в содержании концепта CULTURED MAN.

В ходе исследования английского концепта были также выявлены признаки, не вошедшие непосредственно в его структуру, однако зафиксированные в структуре значений лексем, входящих в номинативное поле концепта. В английском языковом сознании интерес представляет дифференциация качеств *воспитанного/вежливого* человека по таким параметрам, как гендерная, возрастная, социальная отнесенность, оказавшимися для него. Такие лексемы, как *gentlemanly, suave, gallant, debonair, chivalrous, courtly* описывают качества, типичные для мужчин; лексема *lady-like* представляет качества, типичные для культурной/благородной женщины; лексемы *well-behaved, well-brought-up* описывают качества, которыми, по мнению взрослых, должен обладать воспитанный ребенок; в лексеме *urbane* акцентируются качества, в большей степени присущие общественным деятелям и обычно проявляющиеся в ситуациях публичного общения. В русском же языковом сознании выявлена дифференциация только по гендерному признаку – лексемы *галантный* и *учтивый* описывают качества, в большей степени присущие мужчинам.

18. Выявление национальной специфики семантики сопоставляемых лексических единиц на уровне лексем.

Как уже отмечалось, наше исследование носит спиралевидный характер, то есть от языкового материала через анализ компонентного (семного) состава *всех* лексем, входящих в номинативные поля исследуемых концептов, к фрагменту концептосферы с целью моделирования концептов, затем снова к языковому материалу на новом иерархическом уровне, с целью выявления безэквивалентных лексических единиц сравниваемых языковых фрагментов, а также с целью лексикографической фиксации всех выявленных национально-специфических характеристик языковых знаков сопоставляемых языков, как на семном, так и на семемном уровнях.

Так, в проведенном нами исследовании ЛСП *культурный человек* была выявлена одна безэквивалентная русская лексема: *интеллигентный*. Были также зафиксированы лакунарные лексические единицы, входящие в английское ЛСП *cultured man*: в парцелле *образованный* выявлена одна лакунарная лексическая единица – *numerate* (умеющий считать), в парцелле *воспитанный* выявлены две лакунарные лексические единицы – *gentlemanly* (приличествующий джентльмену, воспитанный) и *lady-like* (имеющий вид, манеры леди, женственный).

В исследованном русском и английском ЛСП *культурный человек* полных эквивалентов – переводных соответствий, совпадающих по всем денотативным, коннотативным и функциональным компонентам, выявлено не было. Следовательно, все русские лексемы данного номинативного поля обладают некоторой национальной спецификой семантики на фоне английских лексем.

19. Выявление национальной специфики семантики сопоставляемых лексических единиц на уровне сем.

Для выявления сходств и различий двух сравниваемых лексических единиц на семном уровне в лингвокультурологии может быть использована *методика контрастивного анализа лексики* как эффективный способ описания отличительных признаков конкретных пар языковых знаков, описанная в [Стернин, Чубур и др., 2006].

Контрастивное описание ЛСП *культурный человек* в русском и английском языках показало, что национальная специфика ярче всего проявляется в структуре денотативного компонента. Практически все проанализированные переводные соответствия имеют денотативные различия, которые проявляются как в безэквивалентности сем, так и в неполном совпадении структурных компонентов по содержанию.

Коннотативные различия в большей степени проявляются в парцелле *воспитанный*, где зафиксированы лексемы с неодобрительной оценочной и отрицательной эмоциональной характеристикой. В целом же большинство лексем ЛСП *культурный человек* характеризуются одобрительной оценкой и положительной эмоцией, откуда следует, что в языковом сознании носителей как русского, так и английского языков качества культурного человека, безусловно, оцениваются как положительные, хотя контекстуально некоторые русские лексемы (*обходительный, вежливый, предупредительный, цивилизованный, интеллигентный*), а также английские лексемы *suave* и *bookish* могут иногда иметь отрицательную коннотацию.

В парцелле *образованный* русского ЛСП *культурный человек* выявлены лексемы *грамотный, ученый* с вероятностной *иронической* эмоциональной окраской.

В сфере функциональных компонентов выявлены несовпадения в стилистическом, темпоральном, частотном компонентах. В обеих парцеллах (*образованный* и *воспитанный*) английского языка зафиксированы лексемы, относящиеся к книжному стилю речи. В русском же языке в исследуемой группировке не выявлено стилистически маркированных лексем.

Как в русском (*благовоспитанный, галантный, обходительный, учтивый*), так и в английском (*well-bred, gallant, obliging*) языках зафиксированы лексемы, являющиеся устаревшими или устаревающими, что может быть показателем понижения уровня этикетности, связанного с сокращением общественного внимания к светским формам жизни как в русской, так и в английской современной культурах.

20. *Лексикографическая фиксация национально-специфических различий исследованных слов.*

Необходима, например, лексикографическая фиксация ключевых слов сопоставляемых концептов в одном из видов контрастивных (межкультурных, лингвокультурных) словарей.

Словарь представляет собой посемное описание значений слов, выступающих близкими соответствиями или эквивалентами (в нашем исследовании полных эквивалентов выявлено не было), а также безэквивалентные единицы обоих языков. Каждое слово исходного (русского языка) представлено последовательным набором денотативных и коннотативных сем. Функциональные семы фиксируются, если слово не является стилистически, темпорально, частотно и т. п. нейтральным. Параллельно представлен семный набор переводного соответствия, где каждой семе русского слова ставится в соответствие сема иноязычного слова.

Вероятностные семы предлагаем эксплицировать с использованием помет *как правило, вероятно, возможно, не исключено* и т.д.; отсутствие помет говорит о постоянном характере семы. При безэквивалентности сем в одном из языков ставится знак «0», что означает, что сема безэквивалентна.

Несовпадающие семы следует выделять, например, **жирным шрифтом**, чтобы пользователь словаря сразу зафиксировал в сознании имеющиеся семные несоответствия. Если слово исходного языка (в нашем случае русского) имеет несколько переводных соответствий, то приводятся все эти соответствия.

Приведем пример подобной словарной статьи на основе исследованного нами концепта.

КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК – CULTURED PERSON ³

владение общекультурными ценностями	владение общекультурными ценностями
наличие образования	наличие образования
наличие воспитания	<i>как правило</i> наличие воспитания
наличие нравственных принципов/ убеждений	0
владение навыками культуры речи	владение навыками культуры речи
владение навыками культуры внешнего вида	0
владение навыками культуры общения	владение навыками культуры общения
начитанность	0
владение навыками поведения	владение навыками поведения
умение строго соблюдать установленные правила	0
<i>вероятно</i> умение проявлять толерантность	0
<i>вероятно</i> умение проявлять приветливое отношение	0
0	умение соблюдать чувство меры
<i>вероятно</i> умение вызывать расположение к себе/производить приятное впечатление	<i>вероятно</i> умение вызывать расположение к себе/производить хорошее впечатление
<i>вероятно</i> наличие внутренней культуры/ интеллигентность	0
<i>вероятно</i> обладание знаниями/сведениями	обладание знаниями/сведениями
<i>вероятно</i> разносторонними	разносторонними
<i>вероятно</i> в какой-л. сфере	0
<i>вероятно</i> в сфере искусства	в сфере искусства
<i>вероятно</i> в профессиональной сфере	0
0	<i>вероятно</i> результат путешествий
<i>возможно</i> наличие интеллектуальных способностей	<i>вероятно</i> наличие интеллектуальных способностей
<i>возможно</i> наличие опыта	0
<i>возможно</i> стремление к самосовершенствованию	0
<i>не исключено</i> принадлежность к элитарному слою общества	<i>возможно</i> принадлежность к элитарному слою общества
одобрительное	одобрительное
положительно-эмоциональное	положительно-эмоциональное

³ Такой политкорректный компромисс вполне допустим, хотя и слово *man* здесь тоже имело бы семантику общего рода, что убедительно доказывается существованием выражения *Man is mortal*, относящегося без дискриминации как к мужчинам, так и женщинам.

Таким образом, комплексное исследование лингвоконцептов сопоставляемых концептосфер по предложенной нами методике позволяет наиболее полно раскрыть их содержание и выявить их национальную специфику, например, по сравнению с петербургской лингвоантропологической школой под руководством И. В. Толочина [см. ее иллюстрацию на примере словарной статьи в: Смирнова, 2015. С. 36-48].

Кроме того, такая методика сопоставительного описания лингвоконцептов способствует решению многих задач междисциплинарного характера, поскольку она прямо связана с межкультурной коммуникацией, а также с культуро-ориентированным и культуральным переводом, о проблемах и дилеммах которого подробно сказано в [Гришаева, 2012] и [Фефелов, 2018]⁴. Наша комплексная методика позволяет формализовать процедуры выявления межкультурной специфики, придать им гораздо более объективный характер. Она помогает переводчику-идеологу стать переводчиком-технологом, а специалисту по межкультурной коммуникации – производить и распространять точные дифференцированные знания о культурах, избегая массы рисков, с которыми сталкивается современный мультикультурализм.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
- Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопр. языкознания. 1972. № 3. С. 20–32.
- Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филол. науки. М., 2005. № 4. С. 76–83.
- Гинзбург Р. С. Сочетаемость и референтная соотнесенность слова // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1979. Вып. 145. С. 39–45.
- Долгих Н. Т. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филол. науки. 1973. № 1. С. 89–96.
- Залевская А. А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 1998. С. 95-155.
- Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
- Попова З. Д. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 196 с.
- Попова З. Д. Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Научное издание. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г. Г. Слышкин; Моск. гос. лингв. ун-т, Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- Смирнова А. Ю. FOREST FIRE vs COOKING FIRE: применение достижений лингво-антропологического подхода к решению проблем лексикографического описания слова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 36–48.

⁴ Гришаева Л. И. Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 10. Воронеж, 2012. С. 46-68. Доступно по адресу: <http://litset.ru/stuff/33-1-0-528> а также на <http://philology.ru/linguistics1/grishaeva-12.htm>; Фефелов А. Ф. Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): монография. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 390 с. Электронное издание. ISBN 978-5-4437-0736-5. Режим доступа: <http://elibr.nsu.ru/dsweb/View/ResourceCollection-116> и http://elibr.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGnZTAwMDAw&q=#simple_query?collectionHandle=Site (дата обращения).

Стернин И. А., Чубур Т. А., Зленко И. П., Черепкова Н. М., Поталуй В. В., Маклакова Е. А., Зимина Л. И. Контрастивная лексикология и лексикография: Монография. Воронеж, 2006. 341 с.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Яз. русс. культуры, 1996. 284 с.

Чубур Т. А. Проблемы переводческой лексикографии // Вестн. Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н. А. Добролюбова. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Вып. 1: Проблемы теории, практики и дидактики перевода. С. 173–181.

Чубур Т. А. Внутренняя и внешняя культура человека // Вестник ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010. № 4. С. 76–81.

Чубур Т. А. Прагматические значения лексем, репрезентирующих концепт «культурный человек» // Русский язык за рубежом: Учеб.-метод. иллюстр. журн. 2011. № 3. С. 65–73.

Чубур Т. А. Метод когнитивной интеграции как эффективный способ выявления когнитивных признаков концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 66–77.

Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru

British National Corpus: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

Corpus of contemporary American English: <http://www.americancorpus.org/>

Материал поступил в редколлегию 15.06.2018

Tatyana A. Chubur

*Voronezh State Pedagogical University
86 Lenin St., Voronezh, 394036, Russian Federation*

chuburtanya@gmail.com

METHODOLOGY OF LEXICAL-CONCEPTUAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE LINGUISTIC AND EXTRA LINGUISTIC SPHERES OF DIFFERENT CULTURES IN THE FRAMEWORK OF LINGUISTIC-CONCEPTUAL AND COMPARATIVE STUDIES

The article considers the issues of further development of the methodological base of comparative linguistic-conceptual studies, contrastive linguistics and lexicography. It describes and illustrates an integrated, comprehensive and holistic methodology of the lexical-conceptual-semantic analysis of one culturally significant fragment of the semantic space of English and Russian represented in this study by the cultural concept КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК / CULTURED PERSON.

This analysis is presented in the form of a complete algorithm for the comparative study of the chosen national conceptual spheres (known in Russian Cultural Linguistics as conceptospheres). The algorithm includes a sequence of about 25 “steps” aimed to reveal step by step all the convergent and divergent characteristics of the lexical units that name the cultural concepts under study.

Keywords: linguistic methodology, lexical-conceptual-semantic analysis, national specificity, lexicographical fixation.

References

- Apresyan Yu. D.* Lexicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. [Lexical semantics. Synonymous language resources]. Moscow, Nauka [Science], 1974. 367 p. (In Russ.)
- Bondarko A.V.* K teorii poly v grammatike – zalog i zalogovost' [To field theory in grammar – voice]. // Questions of linguistics. 1972. №3. P. 20-32. (In Russ.)
- Vorkachev S.G.* Lingvocontseptologiya I mezhekul'turnaya kommunikatsiya: istoki i tseli. [Linguoconceptology and Intercultural Communication: Sources and Goals] Philological Sciences. Moscow, 2005. № 4. P. 76-83. (In Russ.)
- Ginsburg R.C.* Sochetaniye slova i referentnaya sootnesennost' slova [The combination and reference correlation of a word]. // Collection of scientific papers MGPIYA them. M. Thorez. M., 1979. Issue 145. P.39-45. (In Russ.)
- Grishaeva L. I.* Intrtekstual'nost' kak faktor riska v perevodcheskoi deyatel'nosti [Intertextuality as a risk factor in translation activities] // Language, communication and social environment. Vol. 10. Voronezh, 2012. P. 46-68. Available at <http://litset.ru/stuff/33-1-0-528> as well as at <http://philology.ru/linguistics1/grishaeva-12.htm> (In Russ.)
- Dolgih N. T.* Teoriya semanticheskogo polya na sovremennom etape razvitiya semasiologii [The theory of semantic field at the present stage of development of semasiology] // Philological sciences. 1973. № 1. P. 89-96.
- Zalevskaya A.A.* Znachenie slova I vozmozhnosti ego opisaniya [Word meaning and its description capabilities]. Yazykovoe soznanie: formirovaniye i funktsionirovaniye [Language consciousness: forming and functioning]. Moscow, Institute of Linguistics RAN, 1998. P. 95-155. (In Russ.)
- Kubryakova E.S.* Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiky [On the installations of cognitive science and actual problems of cognitive linguistics]. // Questions of cognitive linguistics. 2004. № 1. P. 6-17. (In Russ.)
- Popova Z.D.* Polevye struktury v sisteme yazyka. [Field structures in the language system]. Voronezh: Publishing house «Voronezh. University», 1989. 196 p. (In Russ.)
- Popova Z.D. Sternin I.A.* Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Nauchnoye izdaniye. [Semantic-cognitive analysis of the language. Scientific publication]. Voronezh: "Istoki", 2007. 250 p. (In Russ.)
- Slyshkin G.G.* Lingvokul'turnye kontsepty i megakontsepty [Linguocultural concepts and metaconcepts]: monograph. Moscow state linguist. University, Volgograd state ped. university. Volgograd: Peremena, 2004. 339 p. (In Russ.)
- Smirnova A. Yu.* FOREST FIRE vs COOKING FIRE: primeneniye dostizhenii lingvo-antropologicheskogo podhoda k resheniyu problem leksikograficheskogo opisaniya slova [FOREST FIRE vs COOKING FIRE: Applying the achievements of the linguistic-anthropological approach to solving the problems of the lexicographical description of a word] // Vestn. Novosib. state university. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2015. V. 13, issue. 2. P. 36-48. (In Russ.)
- Sternin I.A., Chubur T.A., Zlenko I.P., Cherepkova N.M., Potalui V.V., Maklakova E.A., Zimina L.I.* Kontrastivnaya lexicologiya. Monografiya [Contrastive lexicology and lexicography. Monograph]. Voronezh, 2006. 341 p. (In Russ.)
- Telia V.N.* Russkaya frazeologiya: semanticheskie, pragmaticyeskie i lingvokul'turologicheskie aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and cultural linguistic aspects]. M.: Languages of Russian culture, 1996. 284 p.
- Fefelov A.F.* Etnokul'turnye problemy I dilemmy perevoda (kritika metaforicheskogo razuma) [Ethnocultural dilemmas and puzzles of translation: critique of the metaphorical reason]: monograph / A. F. Fefelov; Novosib. state un-t. Novosibirsk: CPI NSU, 2018. 390 p. Electronic edition. ISBN 978-5-4437-0736-5 Access mode: <http://elib.nsu.ru/dsweb/View/ResourceCollection-116> and http://elib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGnZTAwMDAw & q = # {simple_query}? collectionHandle = Site (In Russ.)
- Chubur T.A.* Problemy perevodcheskoi leksikografii [Problems of translation lexicography] // Vestn. Nizhny Novgorod State Linguistic University after O.N. Dobrolyubova. Series: Linguistics and In-

tercultural Communication. 2007. Issue. 1: Problems of theory, practice and didactics of translation. Pp. 173 - 181. (In Russ.)

Chubur T.A Vnutrennyaya i vneshnyaya kul'tura cheloveka [Internal and External Culture of Man] // Vestnik TSMO MSU im. M.V. Lomonosov Moscow State University. 2010. № 4. P. 76-81. (In Russ.)

Chubur T.A Pragmaticheskie znacheniya lexem reprezentiruushchih kontsept "kul'turnyi chelovek" [Pragmatic meanings of lexemes representing the concept of "cultural man"] // Russian language abroad. Educational-methodical illustrated magazine. 2011. № 3. P. 65-73. (In Russ.)

Chubur T.A Metod kognitivnoi integratsii kak effektivnyi sposob vyyavleniya kognitivnyh priznakov kontsepta [Method of cognitive integration as an effective way to identify the cognitive features of the concept] // Questions of cognitive linguistics. 2012. № 4. P. 66-77. (In Russ.)

National Corpus of the Russian language: www.ruscorpora.ru

British National Corpus: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

Corpus of contemporary American English: <http://www.americancorpus.org/>

А. В. Соснин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Печерская, д.25/12, 603155, Нижний Новгород, Россия*

alexsosnin@mail.ru

ИМЯ *LONDON* КАК ОСНОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье проводится лингвистический анализ лексемы *London*, синтагматические построения с участием которой следует рассматривать как основные реализации лондонского (сверх)текста. Выявляется этимология лексемы *London* и рассматриваются производные от нее лексемы, а также корпус устойчивых словосочетаний и устойчивых речений с ее участием. Сверхтекст понимается как языковая единица – эмический текст, являющий собой семантический инвариант для группы текстов сходной тематики, реальных или вербализованных и потенциальных. На уровне ментальных представлений лондонскому тексту поставлена в соответствие этноспецифичная культурная константа. Помимо набора семантических признаков, лондонский текст инкорпорирует четкие алгоритмы их предикации и реализации в синтаксических последовательностях, развертываемых из общей парадигмы.

Ключевые слова: лондонский текст, реализации сверхтекста, этимология, производные слова, сочетаемость, устойчивые речения.

Этимология имени *London*

Необходимость выявления этимологии слова, являющегося именем сверхтекста, объясняется тем, что в сверхтексте синхронное, относительно стабильное содержание невозможно отделить от его «памяти», то есть динамического процесса возникновения словесной формы, которая служит его именем и основной реализацией и в которой заключается изначально данный в сверхтексте смысл. Речь здесь идет о «внутренней форме» слова. Ее теорию развивали В. фон Гумбольдт и А. А. Потебня [Гумбольдт, 2000; Потебня, 1997], затем она получила дальнейшее развитие в 30-х годах XX века в работах Г. О. Винокура, исследовавшего проблемы поэтической речи [Винокур, 1959]. Согласно Потебне, внутренняя форма слова или его ближайшее этимологическое значение – это буквальный смысл, который образуется из содержаний морфем, образующих слово [Потебня, 1997. С. 25].

Н. Ф. Алефиренко указывает на то, что источником языковой номинации обыкновенно служит тот признак, который наиболее ярок, очевиден и который глубже, чем другие, волнует наши «чувства и воображение» [Алефиренко, 2004. С. 77]. Внутренняя форма определяется исследователем как «синхронная эпидигматическая составляющая семантической структуры языкового знака, которая служит идиоэтническим основанием косвенно-производного наиме-

*Соснин А. В. Имя *London* как основная реализация лондонского текста английской лингвокультуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 130–142.*

нования, т. е. отражает тот денотативный компонент, по которому был назван некоторый фрагмент реальности» [Op. cit. С. 79].

Дальнейшее этимологическое значение – это мотивация корня слова при его разбивке на морфемы, которая будет самой ранней из доступных для реконструкции. По образному замечанию Н. Б. Мечковской, ближайшее и дальнейшее этимологические значения – «это как бы историческая память языка, которая доступна творящим его субъектам, след прошлого видения предмета, которое как бы оттеняет его понимание сегодня» [Мечковская, 1996. С. 54]. Согласно В. А. Масловой, ближайшее и дальнейшее этимологические значения, соотносясь со значением лексическим, создают «исключительную стереоскопичность вербального представления реальности» [Маслова, 2001. С. 46].

В широком понимании внутренняя форма слова может включать в себя как его ближайшее, так и дальнейшее этимологические значения, определяясь как смысловая и структурная несенность морфем, из которых составлено слово, с другими морфемами языка.

Говоря о культурно значимом концепте, стоящем за сверхтекстом, отметим вслед за В. Г. Зусманом, что он моделируется на базе взаимодействия внутренней формы слова, слова его вербализующего, и контекстуальных значений; смысл же рождается в ходе «борьбы этих начал» [Зусман, 2001. С. 51]. Исследователь также указывает на то, что, когда слово включается в коммуникативную цепь, в сознание из области бессознательного могут проникать и элементы внутренней формы данного слова» [Op. cit. С. 52], т. е. семантический состав ближайшего или дальнейшего этимологического значения слова может актуализоваться в контексте.

Британская столица сохраняет в своем имени след кельтского происхождения. Как известно, Лондон существовал уже в первые века нашей эры и назывался кельтами в то время *Llyn-dūn* ‘крепость у реки’; римляне трансформировали это название в *Londinium* [Аракин, 1955. С. 276]. По другим источникам, первый компонент этого слова обозначает ‘дикое место’ [Merrifield, 1969, с. 24]. В исландских сагах фигурирует название *Lundunaborg* [Marsden, 1980. С. 34].

В последнее время исследователи склонны полагать, что слово *London* происходит от докельтского корня с добавлением кельтского суффикса, указывающего на расположение города в низовье Темзы (ниже места последнего брода в Вестминстере) и означающего ‘место на судоходной реке’ или ‘место на реке, которую нельзя перейти вброд’ [London / DBPN].

Согласно красивой легенде, Лондон был заложен как «Новая Троя». В «Истории бриттов» (*The History of the Kings of Britain*, 1148) Гальфрид Монмутский утверждает, что Бруту, сыну троянского воина Энея, явилась богиня Диана и вещала: «Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов, / Средь Океана лежит остров, водой окружен. / Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем, / Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его / Люди твои; поспеши – и незыблемой станет твердыней, / Трою вторую в нем дети твои обретут» [Монмутский, 1984. С. 14].

Брут последовал указанию богини и привел своих людей на остров Альбион, который по его имени стал называться Британией. На Темзе Брут заложил город и назвал его Новою Троей (*Troia Nova*). По причине искажения этого наименования город стал именоваться Триновантом (*Trinovantum*) [Op. cit. С. 19].

В дальнейшем мифический король древних британцев Луд обнес город стенами и переименовал его в честь себя самого в *Kaerlud*; впоследствии название трансформировалось в *Kaerlondon* [Merrifield, 1969. С. 36–38].

Легенду о Новой Трое популяризировали средневековые английские поэты, в частности, последователь Чосера Джон Лидгейт в оде по случаю торжественного въезда Генриха VI в Лондон (1432), а также выдающийся шотландский поэт Уильям Данбар в поэме *London, Thou Art of Townes A Per Se* (1501): «Be gladde, O London! be gladde and make grete joye, / Citee of Citees of noblesse precellyng, / In thy bygynnyng called Newe Troye; / For worthynesse thanke God of alle thing» [Lydgate, 2012. С. 48]; «Gladdith anon, thou lusty Troy Novaunt, / Citie that some tyme

cleped was New Troy, / In all the erth, imperiall as thou stant, / Pryncesse of townes, of pleasure, and of joy¹.

Указанием на славную историю Лондона открывается и трактат английского историка XVI в. Джона Стоу *A Survey of London. Conteyning the Originall, Antiquity, Increase, Moderne estate and description of that City* (1598). В нем британская столица сравнивается с Римом, «первым городом на земле», и утверждается, что она была заложена потомками великих троянцев: «As Rome, the chiefe citie of the world, to glorifie it selfe, drew her originall from the gods, goddesses, and demie gods, by the Trojan progeny, so this famous citie of London for greater glorie, and in emulation of Rome, deriveth it selfe from the very same originall» [Stow, 1908. С. 1]. Для Стоу, однако, исключительность Лондона заключается не в его древности, а в новейшей истории. Историк основывает свое повествование о становлении современного ему города на сведениях из государственных архивов и на воспоминаниях простых людей.

Серьезной наукой легенда о Бруте и Новой Трое отвергается, тем не менее, метафора «Лондон – Троя» закрепились в английской литературной традиции. Британская столица может уподобляться Трое на основе семы ‘величие’: «Gladdith anon, thou lusty Troy Novaunt, / Citie that some tyme cleped was New Troy»; «Strong Troy in vigour and in strenuytie / Of royall cities rose and geraflour»². Этот образ широко эксплуатировался в идеологических целях во времена Британской империи.

Уподобление может также осуществляться на основе семы ‘разрушение’ – ср. контекст из романа Р. Олдингтона «Смерть героя» (*Death of a Hero*, 1929) «... the inevitable ‘fruit Ilium’³ resounds mournfully over London» [Aldington, 1985. С. 136].

Производные слова от имени **London**

Подобно слоям концепта, находящимся в отношениях взаимной производности [Попова, Стернин, 1999. С. 17], уровни сверхтекста как его «глобальной» вербализации производны друг от друга. Соответственно, чтобы обеспечить более полный анализ всех структурных составляющих сверхтекста, необходимо рассмотреть производные слова от слова, являющегося его именем. При этом, поскольку сверхтекст – это построение преимущественно семантическое, важно установить, какая часть семантики мотивирующего слова используется в акте создания производного слова и продолжает «жить в нем», ощущаться говорящим при его использовании, т.е. при реализации сверхтекста. Действительно, роль формальной операции словообразования тесно связана со смысловым заданием номинативного акта, подчиняясь необходимости выразить в новой единице новый смысл, в результате чего, очевидно, произойдет «приращение» семантики сверхтекста. Рассмотрение производных слов также позволяет осуществить анализ способов реализации сверхтекста на морфемном уровне.

Заметим, что производные и сложные слова, обобщая стоящие за ними знания и соответствуя их структуре, играют важнейшую роль при осуществлении категоризации в заданной области нашей реальности.

Е. С. Кубрякова в сводной форме выделяет ряд отличительных признаков, характеризующих процессы словообразования в лексике. Во-первых, создание производного слова как нового наименования с новым семантическим содержанием осуществляется на основе существующих единиц языка, т. е. при этом используются готовые знаки. Во-вторых, в структуре производного слова рекуррируют знаки или их части, которые содержатся в единице исходной, мотивирующей. Наконец, производная единица являет собой новое слово, следовательно, его формальные характеристики не воспроизводят в своей совокупности те черты, которые присущи исходному наименованию [Кубрякова, 1988]. Соответственно, исследовательница разграничивает словообразовательное, формульное значение производного слова и его реальный смысл со всеми «приращенными» значениями и указывает на неприемлемость упрощенного представления семантики комплексных знаков в виде простой суммы семантических компо-

¹ Dunbar W. To the City of London. Ca. 1501. URL: <http://eir.library.utoronto.ca/rpo/display/poet109.html> (дата обращения: 25.01.2018).

² Ibid.

³ Была Троя (Илион).

нентов знаков, его составляющих [Кубрякова, 2002. С. 14–15]. Это объясняется следующими причинами: (а) определенная степень «идиоматичности» производной единицы номинации; (б) значение производной единицы складывается из двух семем⁴ – основы и аффикса. Действительно, по В. Г. Гаку, семантический компонент зачастую обозначается отдельной лексической морфемой [Гак, 1977. С. 13]. При этом нужно учитывать как ингерентные семы (которые могут виртуализироваться⁵ в контексте), так и афферентные семы, актуализуемые в контексте. Таким образом, семантика производных слов в существенной мере определяется контекстом. С одной стороны, согласно Е. С. Кубряковой, на внутренний контекст производного наименования влияет сама его деривационно-морфологическая структура: основа служит семантическим контекстом для аффикса и наоборот. С другой стороны, когда производное слово попадает в различные синтагматические последовательности, оно, безусловно, испытывает влияние единиц, его окружающих [Кубрякова, 2002. С. 21].

Производные слова от имени *London* были выделены методом сплошной выборки из Оксфордского словаря английского языка на исторических принципах [OEDHP]. Всего было рассмотрено восемь (в плане выражения) производных единиц от слова *London*, прилагательное *Londinensian*, являющееся производным от основы латинского прилагательного *Londinensis*, которое соответствует названию Лондона на латыни, а также существительное *Londonization*, образованное от производного глагола *Londonize*). В ходе анализа был сделан ряд выводов.

1. Из выделенных единиц шесть относятся или могут относиться к существительным (*Londoner*, *Londonese* в значении ‘the Londonese dialect’, *Londonian*, *Londonism*, *Londonologist* и *Londonization*), три – к прилагательным (*Londonese* в значении ‘peculiar to or characteristic of London’, *Londonesque* и *Londony*), и одна единица является глаголом (*Londonize*).

2. Все производные слова полностью мотивированны (семантически прозрачны), кроме слова *Londoner* в значении ‘a ship belonging to London’, которое является частично мотивированным или частично лексикализированным.

3. Значение слова *Londoner* ‘a ship belonging to London’ развилось из значения ‘a native (or inhabitant) of London’ за счет виртуализации семы ‘одушевленный’ при сохранении семы ‘pertaining to London’ и ее уточнения с помощью афферентной семы ‘ship’.

4. Слово *Londoner* в значении ‘a ship belonging to London’ является устаревшим.

5. Существительное *Londonese* – это результат субстантивации соответствующего прилагательного.

6. Существительное *Londonism* может обозначать как все особенности речи лондонцев собирательно, так и ее конкретные особенности.

5. Четыре производных слова (*Londonian*, *Londonesque*, *Londonize* и *Londonization*) имеют статус редких или окказиональных.

6. В большинстве контекстов афферентными для семем *Londonese* и *Londonesque* являются семы ‘derisive’ и ‘jocular’ соответственно.

7. В большинстве контекстов афферентной для семемы *Londony* является сема ‘derogatory’.

Сочетаемость имени *London*

Рассмотрение сочетаемости лексемы «Лондон», являющейся именем исследуемого сверхтекста, представляется необходимым в рамках настоящего исследования, поскольку именно

⁴ Семема понимается как семантическое содержание морфемы.

⁵ Виртуализация, или погашение семантического компонента, понимается как его нейтрализация в составе семемы в силу синтагматического соположения последней с другими семемами. Другими словами, при виртуализации семы она перестает быть релевантной, поскольку в противном случае не обеспечится связность интерпретации. Например, чтобы истолковать метафорическое выражение «London mourns», где интенционально предикат приписывается объекту, входящему в иной семантический класс («одушевленный» vs. «неодушевленный», «человек» vs. «город»), необходимо виртуализировать несовместимые семы и актуализировать какую-либо общую сему. Виртуализованные семантические компоненты, тем не менее, продолжают осознаваться говорящими: так, в приведенном контексте Лондон метафорически представлен как одушевленный организм, но в том, что это, прежде всего, город, ни у кого не остается сомнений.

в комбинаторике обнаруживаются алгоритмы реализации сверхтекстовых единств, т.е. его развертывания в реальные тексты. Другими словами, в сочетаемости лексем мы находим стандартные структурные составляющие сверхтекста больше лексемы (или, в семантическом отношении, ее семемы), которые рекуррируют в бесконечном множестве текстов. Согласно И. А. Стернину, сочетаемость позволяет выявить многообразие способов категоризации концептуализуемого явления [Стернин, 2001. С. 62] и, соответственно, более полно реконструировать его языковой сверхтекст. По М. В. Пименовой, за счет наблюдения за комбинаторикой соответствующих языковых знаков представляется возможным выявить структуру концепта [Пименова, 2004. С. 82]; то же верно и для сверхтекстовых единств. Е. С. Кубрякова указывает на то, что вхождение слова в комбинации с другими словами предопределено как его лексическим значением, так и той сверхструктурой, которую оно реализует, а согласование слов имеет место на этих двух различных уровнях [Кубрякова, 2002. С. 18]. Приведем закон семантической сочетаемости слов в определении В. Г. Гака: два слова будут образовывать правильное сочетание лишь при условии, что, кроме специфических признаков, они будут содержать общий признак или не иметь несовместимых признаков [Гак, 1977. С. 23]. Как указывается исследователем, согласование противоречащих семантических признаков возможно лишь при условии погашения или нейтрализации в одном из членов словосочетания контрарных семантических компонентов другого члена [Ор. cit. С. 28].

Наконец, как отмечалось выше, анализ отношения слова-имени сверхтекста к другим словам, устойчиво связанным с ним синтагматически, позволяет выделить частный набор признаков сверхтексту признаков. Суммируя частные наборы, можно осуществить достаточно полную семантическую реконструкцию исследуемого сверхтекстового единства. Наконец, подобно тому, как сочетаемостью слова описывается включенность концепта, именем которого служит данное слово, в когнитивные парадигмы, в ней также обнаруживается связь сверхтекстов в рамках дискурса.

В результате сплошной выборки из словарей OEDHP, ODPF, ODEP, «Webster» и «Мульти-тран» было выделено 114 устойчивых словосочетаний со словом *London*, являющихся реализациями различных признаков исследуемого сверхтекста. В ходе анализа словосочетаний был сделан ряд выводов.

1. Из общего корпуса устойчивых словосочетаний 75 относятся к традиционным словосочетаниям или составным неидиоматическим номинациям (например, *London Stock Exchange*, *Recorder of London*, *London stone*), 25 относятся к классу связных неидиоматических терминов (например, *London black*, *London Clause*, *London landed terms*), и 14 относятся к фразеологическим единицам различной степени идиоматичности (например, *London ivy*, *London lickpenny*, *London news*, *London particular*). Под термином вслед за И. В. Арнольд понималось «слово или устойчивое сочетание слов, которое служит уточненным наименованием понятия, являющегося специфичным для некоторой области знания» [Арнольд, 1966. С. 40]. Уточнение термина обеспечивается благодаря его нахождению в специальной литературе или включению в списки, разработанные комиссиями по стандартизации терминологии и дефиниций или, другими словами, определений, которыми точно описываются содержание и границы термина. Значение термина, указывает И. В. Арнольд, не изменяется в зависимости от дистрибутивной формулы и не включает в себя эмоциональный компонент, однако логический компонентный анализ указывает на его многоэлементный характер [Ibid.].

Традиционные словосочетания и связные термины занимают промежуточную позицию между свободными и фразеологическими словосочетаниями. Согласно Э. М. Медниковой, они отличаются от фразеологических словосочетаний отсутствием цельности номинации, но, с другой стороны, «вследствие регулярного употребления, многократного воспроизведения они стали устойчивыми формулами, не создаваемыми в речи, а вносящимися в нее» [Медникова, 1974. С. 74].

2. В проанализированных словосочетаниях существительное *London* может выступать в роли главного слова (*Greater London*), а в качестве адъюнкта выполнять атрибутивную функцию (*London University*), выступать в роли прямого дополнения (*bet London to a brick*), косвен-

ного дополнения (Geological Society of London, *Allied Tanker Coordinating Committee in London*) или быть частью составного определения (*City of London Court*). Позиция имени «London» в составных номинациях представлялась существенной в соответствии с принципом строгой композиционности из формальной семантики: значение составного выражения определяется (а) значениями его компонентов; (б) способом их соединения [Cann, 1993. С. 31].

3. Среди традиционных словосочетаний (составных неидиоматических номинаций) значительное место занимают словосочетания, описывающие различные лондонские учреждения, институты и структуры (например, *Committee of London Clearing Bankers*, *Greater London Authority*, *London Natural History Society*).

4. Словосочетания *Greater London Council*, *London Debt Agreement*, *London Group* и *London County Council* являются историзмами.

5. Среди связных неидиоматических терминов значительное место занимают словосочетания, относящиеся к экономической или коммерческой тематике, что связано с тем, что Лондон прочно занимает позицию одной из финансовых столиц мира. Поскольку многие финансовые показатели и котировки мирового значения рассчитываются в Лондоне (например, *London A.M. fix price*, *London interbank bid rate*), а важнейшие мировые финансовые институты и рынки располагаются в этом городе, их названия включают в себя слово *London*. Употребление этого слова также может указывать на то, что соответствующее понятие впервые появилось в Лондоне, или, в случае с экономическими терминами, указывать на отличие обозначаемых коммерческих условий от условий других городов или стран (например, *London Clause*, *London landed terms*).

6. Термины *London black*, *London blue*, *London red*, *London russet* являются архаизмами, а *London bushel* – историзмом.

7. Из четырнадцати выделенных фразеологических единиц одиннадцать относятся к фразеологическим сращениям, т.е., согласно В. В. Виноградову, наиболее монолитным единицам вследствие их семантической и синтаксической немотивированности [Виноградов, 1947. С. 131]. Смысл этих единиц не выводится из лексического значения их компонентов: например, *bet London to a brick* ‘знать наверняка’, *London Eye* ‘обзорное колесо тысячелетия’, *London lady* ‘сорт картофеля’.

Две фразеологические единицы относятся к фразеологическим единствам [Виноградов, 1947. С. 135], поскольку их смысл выводится из лексического значения составных компонентов лишь частично: например, *London lickpenny* ‘бездна, в которую утекают деньги’, *London news* ‘слухи’. Фразеологические единства характеризуются меньшей по сравнению со сращениями спаянностью. Это связано с тем, что, хотя их компоненты обладают семантической неделимостью и одновременно изолированностью, они, во-первых, обнаруживают некоторую мотивированность (в значениях отдельных слов), и, во-вторых, их синтаксическое построение совпадает с построением свободных словосочетаний.

Наконец, одна фразеологическая единица из списка является составной метафорической идиоматической номинацией (*Little London beyond Wales* ‘Бомарис’).

8. Не все фразеологические сращения полностью демотивированы: *London Bridge* ‘разновидность игры в мостик’ – номинация на основе метафорического переноса по семе ‘форма’; *London Eye* ‘обзорное колесо тысячелетия’ – номинация на основе метафорического переноса по семам ‘форма’ и ‘обзор’; *London ivy* ‘лондонский туман’ – номинация на основе метафорического переноса по семе ‘образ действия’ (подобно плющу, туман в Лондоне как бы вьется по зданиям); *London particular* ‘густой лондонский туман’ – номинация на основе метафорического переноса по семе ‘консистенция’ (по аналогии с вином «Мадера» марки *London Particular*, ввозившегося в Лондон в XIX в.); *London smoke* ‘тёмно-серый цвет’ – номинация на основе метафорического переноса по семе ‘цвет’ («цвет лондонского дыма»).

9. Объяснение мотивации фразеологического сращения *London pride* ‘камнеломка теностая, *Saxifraga umbrosa*’ на основе того, что описываемое растение, «... будучи очень красивым, получило название «гордости Лондона» [London Pride / OEDHP] близко к «народной этимологии» и не может быть признано удовлетворительным.

10. В терминологии А. И. Смирницкого тринадцать из четырнадцати выделенных фразеологических единиц относятся к атрибутивно-именным [Смирницкий, 1956. С. 217]: например, *London particular*, *London sugar*, – и одна к глагольно-субстантивным [Op. cit., с. 220]: *bet London to a brick*.

11. Фразеологизмы *London button*, *London lickpenny* и *London news* являются архаизмами.

12. Фразеологизмы *London ivy* и *London particular* относятся к книжному стилю; последний был впервые зафиксирован в романе Ч. Диккенса «Холодный дом» (*Bleak House*, 1852).

13. Участие слова *London* в фразеологических сочетаниях типа *bet London to a brick* ‘знать наверняка’ указывает на высокую степень употребительности, «ангажированности» данного слова.

На диссоциацию многих устойчивых сочетаний с Лондоном как топонимом указывает, в частности, то, что слово *London* в них может писаться с маленькой буквы (например, *london smoke*, *london plane*, *london rocket*).

Устойчивые речения с именем *London*

Корпус устойчивых речений, обладающих статусом предложения, паремиологический фонд языка или совокупность т.н. коммуникативных фразеологических единиц [Кунин, 1986. С. 50] представляет своего рода дидактический материал, мудрость поколений, накопленную в связи с реализацией языком кумулятивной функции. Анализ же этого материала позволяет проследить исторические вехи формирования исследуемого сверхтекста как единицы, являющейся культурно-специфичной.

Семантическое наполнение стоящего за сверхтекстом концепта «рассеяно», согласно В. Н. Телии, как в содержании лексических единиц, так и во фразеологическом корпусе, паремиологическом фонде и в наборе устойчивых сравнений, в которых запечатлены эталонные образы, характерные для конкретного языкового сообщества [Телия, 1996. С. 96].

Вместе с фразеологическими единицами устойчивые речения относятся к т. н. языковым афоризмам. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют языковой афоризм как фразу или сентенцию, которая известна всем и потому не творится заново в речи, а извлекается из памяти [Верещагин, Костомаров, 1976. С. 71]. Замены же или перестановки в составе фразеологической единицы приводят, согласно Э. М. Медниковой, к тому, что она «либо разрушается, либо непосредственное значение отдельного ее члена – так сказать, значение потенциальное – актуализируется, и фразеологическая единица деформируется» [Медникова, 1974. С. 78].

В. Н. Комиссаров указывает на то, что в языковом афоризме некоторое явление действительности представлено как «общеизвестная истина, фундаментальный принцип или правило поведения» [Комиссаров, 1988. С. 52]. Такая языковая единица характеризуется, соответственно, массовой воспроизводимостью и приобретает значение всеобщности или, по Комиссарову, «внеконтекстную имплицативность» [Ibid.].

Говоря о языковых афоризмах, М. И. Михельсон использует традиционный метафорический термин «ходячие слова», понимая под ними известные цитаты, иносказания и пословичные выражения, часто встречающиеся как в устной речи, так и литературе и характеризующиеся массовой воспроизводимостью [Михельсон, 1997. С. II].

При включении в принимающий текст языковой афоризм становится «прецедентным ин-текстом», который, по П. Х. Торопу, активизирует стоящие за ним сверхтекстовые структуры и актуализирует в сознании и памяти читателя определенный текст или группу текстов [Тороп, 1981. С. 40].

Вслед за Н. Ф. Алефиренко, который говорит о вербализации концептов во фразеологизмах, отметим, что фразеологическое значение, будучи порождением лингвокреативного мышления, являет собой продукт смысловой трансформации некоторого сверхтекста, его ассоциативно-образное перестроение в результате вербализации новых смысловых компонентов, осуществляемой на основе тех понятий и представлений, которые уже закреплены в языковых значениях и структуре сверхтекста [Алефиренко, 2004. С. 72].

На основе материала словарей ODEP и «Мультитран»⁶ было проанализировано 15 устойчивых речений, в которых фигурирует имя *London*. В них актуализуются различные признаки исследуемого сверхтекста. В настоящее время многие из них, без сомнения, виртуализировались: здесь необходимо учитывать период появления конкретного речения. Некоторую противоречивость или неожиданность речений, объективирующих в языке индивидуальные, «периферийные» признаки сверхтекста, можно объяснить тем, что в их контексте происходит актуализация различных афферентных идиолектных сем, которые могут не соотноситься с инвариантным набором признаков сверхтекста, осознаваемых социумом в их совокупности. Таким образом, имеем еще одно подтверждение вероятностного характера лондонского текста.

Итак, в речениях актуализованы следующие смысловые компоненты:

несовершенство судебной системы: *A London jury; hang half and save half;*

Лондон – процветающий город: *Lincoln was, London is, and York shall be;*

черты характера лондонцев: наглость, бесстыдство – *Londoner like, ask as much more as you will take; No cousin in London, no cousin in Stockham;* остроумие – *Oxford for learning, London for wit, Hull for women, and York for a tit;*

различные периоды и события в истории Лондона и Великобритании: *London Bridge was built upon woolpacks; Nobody's nails can reach the length of London;*

Лондон – «ярмарка невест»: *Oxford knives and London wives;*

нормативность лондонского диалекта как основы новоанглийского языка: *She hath been at London to call a strea a 'straw', and a waw a 'wall';*

народные поверья, так называемые городские мифы: *So long as the stone of Brutus is safe, so long shall London flourish;*

высокая степень употребительности, «ангажированности» слова *London* в поговорках, народных присказках: *Which way to London? A poke full of plums; You could ride bare-arse from London on it.*

Последнее также подтверждается участием слова «Лондон» в так называемых «детских стишках» (*nursery rhymes*), которые изобилуют фольклорными образами и отражают народные традиции и легенды: *Pussy cat, pussy cat, where have you been? / I've been to London to look at the queen.*

Выводы

В статье был проведен лингвистический анализ лексемы *London*, синтагматические построения с участием которой следует рассматривать как основные реализации лондонского текста. Под такой реализацией понималась актуализация в речи, т.е. в конкретном синтагматическом построении, набора наиболее частотных, «ядерных» текстовых признаков, которые совокупно осознаются социумом. При этом основные реализации строятся по вполне стандартным правилам: в частности, лексема, называющая сверхтекст, присоединяет конкретный набор предикатов.

Была выявлена этимология лексемы *London* и были рассмотрены производные от нее лексемы, а также корпус устойчивых словосочетаний и устойчивых речений с ее участием.

Традиционно считается, что слово *London* восходит к кельтскому *Llyndūn* «крепость у реки», отсюда латинское *Londinium* > англ. *London*. Современные исследователи, однако, склонны полагать, что слово *London* происходит от докельтского корня с добавлением кельтского суффикса, указывающего на расположение города в низовье Темзы (ниже места последнего брода в Вестминстере) и означающего 'место на судоходной реке' или 'место на реке, которую нельзя перейти вброд'. Существуют и другие версии происхождения имени *London*, однако они не могут считаться удовлетворительными со строго лингвистической точки зрения. Необходимость выявления этимологии слова, являющегося именем сверхтекста, объясняется тем, что в сверхтексте синхронное, относительно стабильное содержание невозможно отделить от его «памя-

⁶ *Мультитран*: Электронный словарь. URL: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 01.02.2018).

ти», то есть динамического процесса возникновения словесной формы, которая служит его именем и основной реализацией и в которой заключается изначально данный в сверхтексте смысл.

За счет анализа производных слов от имени *London* (всего 8 + производное прилагательное от основы названия Лондона на латыни + производное существительное от производного глагола *Londonize*) был обеспечен более полный доступ к структурным составляющим рассматриваемого сверхтекста. При анализе каждой производной единицы учитывались две семемы – основы и аффикса. Было установлено, что семантика производного слова в значительной мере зависит от конкретной реализации сверхтекста, в которую они входят: например, *Londoner*: ‘an inhabitant of London’ vs. ‘a ship belonging to London’. При этом многие из производных слов имеют статус редких или окказиональных образований (например, *Londonesque* и *Londonization*). На когнитивно-концептуальном уровне основа, выражаемая семемой *London*, обеспечивает конкретное концептуальное наполнение общему фреймовому или схематическому действию или явлению, выражаемому семемой аффикса. Например, суффикс *-ize*, выражающий фреймовое действие ‘делать похожим на что-либо’, ‘придавать характеристики чего-либо’ конкретизируется за счет основы *London*; в результате имеем: *Londonize*: ‘делать соответствующим Лондону’.

Устойчивые словосочетания (всего 114) и предложения (15) со словом «London» рассматривались как реализации различных признаков исследуемого сверхтекста, служащие основанием для его включенности в межтекстовые парадигмы. В этих словосочетаниях отражены устойчивые предметные отношения, являющиеся типичными в условиях данной цивилизации (например, словосочетания, описывающие различные лондонские учреждения, институты и структуры; словосочетания, относящиеся к экономической или коммерческой тематике). Среди устойчивых сочетаний были выделены составные неидиоматические номинации (75), связанные неидиоматические термины (25) и фразеологические единицы различной степени идиоматичности (14).

Устойчивые предложения рассматривались как своего рода дидактический материал, позволяющий проследить исторические вехи формирования исследуемого сверхтекста и свидетельствующий о высокой степени употребительности имени *London*. Некоторую противоречивость или неожиданность предложений, реализующих в речи нечастотные, «периферийные» признаки сверхтекста, можно объяснить тем, что в их контексте происходит актуализация различных афферентных идиолектных сем, которые могут не соотноситься с инвариантным набором текстовых признаков, осознаваемых социумом в их совокупности.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф. Энтоэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 70–81.
- Аракин В. Д. Очерки по истории английского языка. М., 1955. 346 с.
- Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного). Л.: Просвещение, 1966. 192 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русс. яз., 1976. 269 с.
- Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Сборник научных трудов. Вып. 3. М.; Л., 1947. С. 127–149.
- Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 314 с.
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 396 с.
- Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. С. 38–53.
- Комиссаров В. Н. Контекстно-свободная и контекстно-связанная имплицативность и проблема переводимости // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 51–63.

- Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 61. 2002. № 1. С. 13–24.
- Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 142–172.
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для инст. и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1986. 336 с.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001. 208 с.
- Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. 202 с.
- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособ. для студ. гуманитар. вузов. М.: Аспект-пресс, 1996. 205 с.
- Михельсон М. И. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М.: Терра, 1997. Т. 1. 800 с.
- Монмутский Г. История бриттов. Пер. с лат. А.С. Бобовича // История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. С. 5–137.
- Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 82–90.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие концепт в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 30 с.
- Потебня А. А. Из лекций по теории словесности // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 66–84.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1956. 260 с.
- Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 58–65.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Торон П. Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам XVI. Тарту, 1981. С. 33–45.
- Aldington R. Death of a Hero. М.: Высш. шк., 1985. 350 p.
- Cann R. Formal Semantics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 344 p.
- Lydgate J. King Henry VI's Triumphal Entry into London // London: A History in Verse. Cambridge Mass.; L.: The Belknap Press, 2012. P. 40–48.
- Marsden P. Roman London. L.: Thames and Hudson, 1980. 224 p.
- Merrifield R. Roman London. L.: Cassell, 1969. 212 p.
- Stow J. A Survey of London. Conteyning the Originall, Antiquity, Increase, Moderne estate and description of that City. Vol. 1. Oxford at the Clarendon Press, 1908. 352 p.
- Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. Merriam-Webster Inc. Publishers, 1994. 2662 p.
- DBPN – Mills A.D. Dictionary of British Place Names. Oxford University Press, 2003. 533 p.
- ODEP – Oxford Dictionary of English Proverbs. 2nd Edition. Oxford at the Clarendon Press, 1957. 740 p.
- ODPF – Oxford Dictionary of Phrase and Fable. Ed. by E. Knowles. Oxford University Press, 2000. 1223 p.
- OEDHP – Oxford English Dictionary on Historical Principles on CD-ROM. Ed. by A.M. Hughes. Oxford University Press, 2009.

Alexey V. Sosnin

*National Research University "Higher School of Economics"
25/12 Bolshaja Pecherskaja St., 603155, Nizhniy Novgorod, Russia*

alexsosnin@mail.ru

LEXEME *LONDON* AS A KEY REALISATION OF THE LONDON TEXT OF THE ENGLISH LINGUO-CULTURE

The article analyses the lexeme *London*, especially the syntagmatic sequences with it which are regarded as key realisations of the London supertext that the name of the capital generated in the English language and literature.

Supertext is viewed as a language unit – an emic text, which is the semantic invariant for a group of texts that have a similar topic. At the level of mental representations, any ethno-specific cultural concept, for instance, corresponds to its supertext which may be either real (verbalised) or potential. In accordance with this conception, the London text is constituted by a set of semantic components and contains mental algorithms for their predication. Being deployed from its text paradigm (sort of mental matrix), it may be translated (that is verbalised) by means of semantically related syntactic sequences.

The article establishes the etymology of the lexeme *London* and considers its derivatives.

The necessity of analysing the etymology of the word lies in the fact that the London supertext incorporates both contemporary or relatively stable meaning and the initial diachronic meaning to be looked for in the lexeme that names it. The latter constitutes the “memory” of the supertext, which is present in it in posse as a set of virtualised semantic components. Further examined are a corpus of set phrases and phraseological units containing the lexeme in question.

A study of the derivatives of the lexeme *London* (ten in number) has yielded a fuller access to the structural components of the supertext considered. The study has taken into account two sememes of each derivative – those of its stem and of its affix. As the article demonstrates, the semantics of the derivatives largely depends on the realisations of the supertext which they are part of. It has been revealed that a number of the derivatives analysed have the status of rare or nonce-words. The stem of the derivative ensures a concrete filling of a general schematic or frame-type action expressed by the affix.

Set phrases (114) and phraseological units (15) with the word *London* have been considered as realisations of various semantic components of the London text. These units and phrases account for the inclusion of the supertext into intertextual paradigms, and reflect the standard object-to-object relations that are typical of the British civilisation. Among the set phrases, the article distinguishes compound non-idiomatic nominations (75), bound non-idiomatic terms (25), and phraseological units featuring various degrees of idiomaticity (14).

Phraseological units permit tracing the historical stages in the formation of the London text, and testify to a high frequency of the use of its name. Phraseological units also incorporate realisations of the peripheral components of the supertext, resulting from the actualisation of its idiolectal semantic components.

Keywords: London text, supertext realisations, etymology, derivative words, set phrases, phraseological units

References

Alefrenko N. F. Entoeydemicheskiy kontsept i vnutrennyaya forma yazykovogo znaka [Ethnic concept and the inner form of the linguistic sign]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics]. 2004, No. 1., pp. 70-81.

Arakin V. D. Ocherki po istorii angliyskogo yazyka [Essays on the history of the English language]. M., 1955. 346 p.

Arnol'd I. V. Semanticheskaya struktura slova v sovremennom angliyskom yazyke i metodika ee issledovaniya (na materiale imeni sushchestvitel'nogo) [The semantic structure of the word in modern English (on the material of the noun)]. L.: Prosveshchenie, 1966. 192 p.

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura [Language and culture]. M.: Russkiy yazyk, 1976. 269 p.

Vinogradov V. V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [Toward the principal types of phraseological units in Russian]. *Sbornik nauchnykh trudov* [Collection of linguistic papers]. Vol. 3. M.-L., 1947, pp. 127-149.

Vinokur G. O. Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. M., 1959. 314 p.

Gak V. G. Sopostavitel'naya leksikologiya [Comparative lexicology]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 264 p.

Gumboldt V. von. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. M.: Progress, 2000. 396 p.

Zusman V. G. Kontsept v kul'turologicheskom aspekte [The concept from the cultural standpoint]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Uchebnoe posobie* [Cross-cultural communication: a textbook]. N. Novgorod: DEKOM, 2001, pp. 38-53.

Komissarov V. N. Kontekstno-svobodnaya i kontekstno-svyazannaya implikativnost' i problema perevodimosti [Contextual freedom, contextual implications and the problem of translation]. *Tekst i perevod* [Text and translation]. M.: Nauka, 1988, pp. 51-63.

Kubryakova E. S. Kognitivnaya lingvistika i problemy kompozitsionnoy semantiki v sfere slovoobrazovaniya [Cognitive linguistics and the issues of compositional semantics in word-formation]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences]. Vol. 61, 2002, No. 1, pp. 13-24.

Kubryakova E. S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovanii yazykovoy kartiny mira [The role of word-formation in constructing the linguistic view of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of human factor in language: Language and world-view]. M.: Nauka, 1988, pp. 142-172.

Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka: Uchebnik dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov [A course in English phraseology: textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages]. M.: Vysshaya shkola, 1986. 336 p.

Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy [Linguistic cultural studies: textbook for higher educational establishments]. M.: Izdatel'skiy tsentr Akademii, 2001. 208 p.

Mednikova E. M. Znachenie slova i metody ego opisaniya [Word meaning and methods of its description]. M.: Vysshaya shkola, 1974. 202 p.

Mechkovskaya N. B. Sotsial'naya lingvistika: Posobie dlya studentov gumanitarnykh vuzov [Social linguistics: textbook for humanitarian universities]. M.: Aspekt-press, 1996. 205 p.

Mikhel'son M. I. Svoe i chuzhoe: Opyt russkoy frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy [The own and the alien: Russian phraseology: a collection of figurative words and phrases]. In 2 vols. Vol. 1. M: Terra, 1997. 800 p.

Monmouth of, G. Istoriya brittov [The History of the Kings of Britain]. *Istoriya brittov. Zhizn' Merlina* [The History of the Kings of Britain. Life of Merlin]. M.: Nauka, 1984, pp. 5-137.

Mul'titran: Elektronnyy slovar' [Electronic dictionary]. URL: <http://www.multitran.ru> (accessed: 01.02.2018).

Pimenova M. V. Tipologiya strukturnykh elementov kontseptov vnutrennego mira (na primere emotsional'nykh kontseptov) [A typology of the structural elements of the concepts of the inner world (as exemplified by emotional concepts)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics]. 2004, No. 1, pp. 82-90.

Popova Z. D., Sternin I. A. Ponyatie kontsept v lingvisticheskikh issledovaniyakh [The concept in linguistic studies]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1999. 30 p.

Potebnya A. A. Iz leksiy po teorii slovesnosti [Extracts from lectures on the theory of philology]. *Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya* [Russian philology: from the theory of philology to the structure of text: an anthology]. M.: Academia, 1997, pp. 66-84.

Smirnitkiy A. I. Leksikologiya angliyskogo yazyka [Lexicology of the English language]. M.: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1956. 260 p.

Sternin I. A. Metodika issledovaniya struktury kontsepta [Methodology of examining the concept structure]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological issues of cognitive linguistics]. Voronezh: Izd-vo VGU, 2001, pp. 58-65.

Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and cultural aspects. M.: Shkola Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 288 p.

Torop P. Kh. Problema inteksta [The problem of intext]. *Trudy po znakovym sistemam XVI* [Papers on semiotic systems XVI]. Tartu, 1981, pp. 33-45.

Aldington R. Death of a Hero. M.: Vysshaya shkola, 1985. 350 p.

Cann R. Formal Semantics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 344 p.

Dunbar W. To the City of London. Ca. 1501. URL: <http://eir.library.utoronto.ca/rpo/display/poet109.html> (accessed: 25.01.2018).

Lydgate J. King Henry VI's Triumphal Entry into London. *London: A History in Verse*. Cambridge Mass.-London: The Belknap Press, 2012, pp. 40-48.

Marsden P. Roman London. London: Thames and Hudson, 1980. 224 p.

Merrifield R. Roman London. London: Cassell, 1969. 212 p.

Stow J. A Survey of London. Conteyning the Originall, Antiquity, Increase, Moderne estate and description of that City. Vol. 1. Oxford at the Clarendon Press, 1908. 352 p.

Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. Merriam-Webster Inc. Publishers, 1994. 2662 p.

DBPN – Mills A.D. Dictionary of British Place Names. Oxford University Press, 2003. 533 p.

ODEP – Oxford Dictionary of English Proverbs. 2nd Edition. Oxford at the Clarendon Press, 1957. 740 p.

ODPF – Oxford Dictionary of Phrase and Fable. Ed. by E. Knowles. Oxford University Press, 2000. 1223 p.

OEDHP – Oxford English Dictionary on Historical Principles on CD-ROM. Ed. by A.M. Hughes. Oxford University Press, 2009.

УДК 811.111

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-143-157

Т. В. Бобылева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

tanvbob2018@gmail.com

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТИТЕЗЫ «SENSE AND SENSIBILITY»
В НАЗВАНИИ РОМАНА ДЖ. ОСТИН**

Целью представленного в данной статье анализа возможных интерпретаций антитезы «Sense and Sensibility» в названии романа Дж. Остин является создание обобщённого теоретического материала для более широких исследований. Они представлены в других статьях и посвящены изучению передачи антитезы «Sense and Sensibility» в переводах данного романа Дж. Остин (в том числе, новых) на французский и русский языки: как в составе названия, так и в качестве основного послания в макроконтексте романа. В качестве практической части в данной статье предлагаются новые возможные интерпретации рассматриваемой антитезы. В частности: 1) предположение о двойственном характере значения самой антитезы: не только традиционная оппозиция «разум vs чувства», но и смысл (sense) объективной реальности vs субъективная чувствительность (sensitivity) индивида; 2) сопоставление нравственного послания романа (оппозиция «разум vs чувства» с признанием достоинств разума) и современных теорий эмоционального интеллекта. Доказывается, что теория эмоционального интеллекта (по модели П. Саловея и Дж. Майера) идентична по своему содержанию представленным в произведении классическим истинам о достоинствах разума, но при этом дополнена коммерческими и прагматическими аспектами. Кроме того, представленная в статье новая интерпретация антитезы (смысл объективной реальности vs субъективная чувствительность индивида) дополнена примерами возможных переводов названия на русский язык, передающих соответствующее содержание и в то же время сохраняющих аллитерацию, которая имеет место в ИЯ.

Ключевые слова: английский язык, антитеза, Джейн Остин, интерпретация, макроконтекст, оппозиция, перевод, эмоциональный интеллект.

Элементы антитезы «Sense and Sensibility» в романе Дж. Остин, рассматриваемые нами в лингвистическом аспекте (как в названии, так и в макроконтексте всего произведения), являются одним из предметов нашего более широкого исследования, посвящённого изучению переводов данного романа (в том числе, новых) на французский и русский языки [Бобылева, 2018].

Актуальность всего исследования в целом обусловлена возрастающим интересом в современном языкознании к феномену повторного перевода и новым интерпретациям классических произведений [Mattos, 2015. P. 41–51].

Бобылева Т. В. Традиционные и новые подходы к интерпретации антитезы «SENSE / SENSIBILITY» в названии романа Дж. Остин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 143–157.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© Т. В. Бобылева, 2018

Целью исследования в данной статье является создание обобщённого теоретического материала, включающего в себя традиционные толкования и новые (предлагаемые нами) подходы к пониманию ключевой антитезы в названии и макроконтексте романа – «Sense and Sensibility».

Перед тем как рассмотреть традиционные интерпретации антитезы «Sense and Sensibility» в названии романа Дж. Остин, а также предложить новые подходы к пониманию данного противопоставления и его возможных значений, мы обратимся к историческим сведениям о появлении рассматриваемой антитезы в произведении Дж. Остин.

1. Появление антитезы «Sense and Sensibility» в названии романа. Известно, что изначально Дж. Остин создавала произведение «Sense and Sensibility» как эпистолярный роман под названием «Elinor and Marianne» («Элинор и Марианна») ¹. Работа над ним началась в 1790-е гг., примерно в то же время, когда писательница работала над своим самым известным романом «Pride and Prejudice» («Гордость и предубеждение»). Изначально он назывался «First Impressions» («Первые впечатления»), однако ещё в ходе работы над ним он был переименован. Вероятно, причиной послужил выход в свет в 1800 г. романа М. Холфорд с таким же названием «First Impressions» [Baker, 2008. P. 365]. Предполагают, что новое название «Pride and Prejudice» было заимствовано Дж. Остин из содержания романа Ф. Берни «Сесилия» [Ibid]. Очевидно, что в названиях «Pride and Prejudice» и «Sense and Sensibility» присутствует некоторая аналогия, основанная на использовании аллитерации. Заменяв структуру эпистолярного произведения «Elinor and Marianne» на повествование и сменив личные имена героинь в названии на антитезу «Sense and Sensibility», Дж. Остин углубила своё авторское послание. Начатый в конце XVIII в. и опубликованный в начале уже следующего столетия (первый раз в 1811 г., затем – в 1813 г.), роман «Sense and Sensibility» стал первым изданным произведением Дж. Остин [Goubert, 2013. P. 486].

В своём предисловии к изданию романа 1969 г. британский литературный критик Т. Таннер отметил, что «использование антитезы как способа различения и противопоставления двух качеств с целью достижения большей ясности, более тонкой дифференциации, является одной из доминантных черт прозы XVIII в.»² [Цит. по Jordis, 2013. P. 9].

2. Традиционная интерпретация – антитеза «Sense and Sensibility» как противопоставление разума (здорового смысла) и чувств (в том числе сентиментальности). В традиционном понимании, принятом, вероятно, абсолютным большинством читателей и переводчиков романа, антитеза «Sense and Sensibility» представляет собой контраст двух компонентов в поведении человека: рационального (то есть здравого смысла) и иррационального (то есть чувствительности). Рациональная составляющая традиционно связывается с образом Элинор, а иррациональная – с образом Марианны и сентиментализмом. Считаю необходимым привести здесь справедливое замечание П. Губера, согласно которому читателю не следует полностью отождествлять каждую из сестёр лишь с одним из двух элементов, так как уже в первой главе писательница говорит о наличии у Элинор сильных чувств (*her feelings were strong*) и характеризует Марианну как разумную (*clever*) девушку. Кроме того, П. Губер отмечает, что антитеза в названии может противопоставлять не сами характеры двух сестёр (в каждом человеке в той или иной мере сочетается рациональное и иррациональное), а возможные альтернативы в сфере поведения [Goubert, 2013. P. 478, 480]. Таким образом, речь идет не о различиях в природном потенциале людей, а о том, как именно этот потенциал ими используется [Ibid. P. 476]. Именно в этом заключается нравственное послание романа, по мнению П. Губера.

В отношении понятия *sense* следует отметить, что оно могло интерпретироваться Дж. Остин и в философском смысле – под влиянием любимого проповедника писательницы Т. Шерлока, который считал, что вселенная несет на себе отпечаток *разума, порядка и гармонии* ³. По мнению К. Жорди, послание писательницы в романе заключается в том, что сдержанное и разум-

¹ Doody M., Lamont C. Introduction // Sense and Sensibility. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 7. URL: <https://books.google.ru/>

² Здесь и далее перевод на русский язык наш.

³ Wolf A. Translation, Adaptation, Inscription: Displacing God in Austen's Sense and Sensibility. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2011. P. 870. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2011-v56-n4-meta0154/1011257ar.pdf>

ное поведение индивида является для него способом адаптации к жизни в социуме, для которого это является, в свою очередь, способом поддержания социального порядка [Jordis, 2013. P. 7-37]. Таким образом, в философском смысле сдержанное и разумное поведение личности в романе Дж. Остин призвано не только по возможности ограждать её от несчастий, но также поддерживать порядок в социуме и гармонию во вселенной. Что касается понятия *sensibility*, увлечение чувствительностью (сентиментализмом) в эпоху жизни писательницы не было новым. Данная тенденция развивалась в течение всего века, при поддержке философов, поэтов и романистов. В конце концов, этим понятием начали злоупотреблять, и у него появились свои критики. Сама Дж. Остин нередко демонстрирует в романе «*Sense and Sensibility*» достаточно ироничное отношение к сентиментализму и его последователям, используя для этого образ Марианны Дэшвуд, воспитанной на подобных идеалах.

3.1. Новые интерпретации и подходы: введение.

Среди современных интерпретаций творчества Дж. Остин в целом следует также отметить позиции, относящиеся к идеологии феминизма. Научные публикации, представляющие это направление, уделяют основное внимание борьбе за равенство Дж. Остин с писателями-мужчинами и её включение в литературный канон, в число авторов-классиков. На родине писательницы, в самой Великобритании, Дж. Остин – это одновременно классический и популярный автор, мастер иронии и романист-новатор, своего рода национальное достояние по всеобщему признанию. В других лингвокультурах её статус является предметом общественных и научных дискуссий. В качестве примеров посвящённых данной проблематике феминистских исследований, можно привести работы В. Косси и Л. Гооссен⁴. По их мнению, уже самые первые переводы на французский язык произведений Дж. Остин (в частности, «*Sense and Sensibility*») оказались причиной того, почему канонический статус Дж. Остин как литературного классика не был принят во Франции. Выполненные швейцарской писательницей И. де Монтольё (1751–1832), эти вольные переводы закрепили в восприятии многих поколений франкоязычной аудитории стойкую ассоциацию между творчеством Дж. Остин и сентиментализмом в литературе, яркой представительницей которого была сама И. де Монтольё. Представительницы феминистского подхода видят в произведениях Дж. Остин зарождение феминистского сознания [Marshall, 1992]. Однако, по мнению Л. Гооссен, отсутствие акцента на столь важных социальных вопросах как положение женщин в обществе в переводе И. де Монтольё связано с большим влиянием на неё не только стереотипов её эпохи, но также и трудов Ж. Ж. Руссо, которого она в юности знала лично. Л. Гооссен обращает внимание на то, что в своих произведениях Ж. Ж. Руссо подчеркивал гендерное неравенство, считая его естественным. Власть, сила и разум должны быть характерны для мужчины, а пассивность и сентиментальность – для женщины⁵. По мнению исследовательницы, именно такие взгляды повлияли на мировоззрение и стиль И. де Монтольё и её желание не слишком акцентировать внимание на проблеме гендерного неравенства в социуме.

По замечанию В. Косси, репутация Дж. Остин как выдающегося классического автора могла быть установлена во Франции при публикации более современных переводов, однако, и в них, по её мнению, обнаруживаются свои недостатки. Дальнейшая логика исследовательницы вписывается в стратегию демонстративных атак со стороны представительниц позиций феминизма на авторитетные издательства и редакции, которые, по их мнению, «заражены» патриархальной идеологией и поэтому намеренно дискриминируют авторов-женщин. В качестве объекта подобных обвинений в исследовании В. Косси выступают авторитетный издательский дом «Галлимар» (фр. Gallimard), а также его книжная серия «Библиотека Плеяды» (фр. Bibliothèque de la Pléiade), в рамках которой в 2000 г. были опубликованы современные переводы на французский язык некоторых произведений Дж. Остин. В. Косси даже приво-

⁴ Cossy V. Why Austen cannot be a “classique” in French: New Directions in the French Reception of Austen / Jane Austen Society of North America. 2010. Vol. 30. No. 2. // URL: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol30no2/cossy.html>.
Goossen L. La représentation de la condition féminine dans *Sense and Sensibility* de Jane Austen et dans deux traductions: *Raison et Sensibilité* par Isabelle de Montolieu et *Le Cœur et la Raison* par Pierre Goubert. Mémoire de master. 2016. P. 30. Université Radboud // URL: <http://theses.uibn.ru.nl/bitstream/handle/123456789/1963/Goossen,%20L.H.%204243641.pdf>

⁵ Goossen L. Op. cit. P. 30.

дит ряд аргументов, доказывающих, по её мнению, субъективный и дискриминирующий подход по отношению к Дж. Остин как автору-женщине со стороны самого издательства, а также П. Губера, который перевёл для данной серии рассматриваемый нами роман «Sense and Sensibility»⁶. Отметим, что представительницы феминистского подхода стремятся, прежде всего, утвердить статус писательницы в истории литературы (и культуры в целом) главным образом как женщины, нередко пренебрегая при этом более широкой общественно-психологической проблематикой, конкретными литературоведческими и лингвистическими аспектами её произведений и их переводов.

В связи с этим мы ограничимся лишь краткой констатацией феминистского подхода в качестве одной из современных интерпретаций творчества Дж. Остин. Ниже мы рассмотрим вопрос с иной, эмоционально-логической, стороны и предложим свои новые интерпретации, относящиеся, однако, не ко всему творчеству Дж. Остин в целом, а к его отдельным элементам – непосредственному предмету нашего исследования – лексемам *sense* и *sensibility*, образующим ключевую антитезу в названии и макроконтексте романа.

3.2. Антитеза «Sense and Sensibility» как столкновение объективной реальности и субъективной чувствительности человека. «Смысл» как одно из значений английской лексемы *sense* наталкивает нас на интересное предположение о том, что игра слов в названии ещё более глубока и многогранна, чем это может показаться на первый взгляд. Возможно, в названии романа автор предлагает не только традиционно принятое переводчиками и читателями противопоставление разума/здорового смысла и чувств/сентиментальности. На наш взгляд, противопоставление подлинного **смысла/значения** (*sense*) всего объективно происходящего в жизни персонажей и их индивидуальной способности в той или иной мере чувствовать (*sensibility*) эту реальность почти столь же регулярно и последовательно подчёркивается автором в произведении, как и традиционное противопоставление разума и чувств.

Уже с первых страниц неповторимый ироничный стиль автора заставляет читателя задуматься над философской проблемой – старой, как мир, нередко трагикомичной темой: субъективность человека (вследствие отсутствия, недостатка или избытка *sensibility*) в его восприятии подлинного смысла (*sense*) объективной реальности, в частности, в его отношениях с другими членами социума. Приведём лишь несколько примеров из большого количества таких явлений, описанных автором в сюжете самого произведения (табл. 1):

Таблица 1

«Sense and Sensibility» как столкновение объективной реальности
и субъективной чувствительности человека

№	Персонаж(и)	Примеры соотношения смысла (<i>sense</i>) объективной реальности и степени чувствительности (<i>sensibility</i>) персонажей
1	Джон Дэшвуд	Уже с первых глав Джон Дэшвуд ставит перед собой цель помогать вдове своего отца и сёстрам, но так ничего существенного и не делает для них до самого конца романа. Вследствие эгоизма и отсутствия чувствительности (отсутствия <i>sensibility</i>) ему кажется, что он достойно исполняет свой долг пасынка и брата, что не соответствует значению/смыслу (<i>sense</i>) всех его действий в объективной реальности.
2	Сэр Джон Мидлтон, миссис Дженнингс	Миссис Дэшвуд и её дочери приобретают добрых и великодушных соседей в лице весьма разговорчивых сэра Джона Мидлтона и миссис Дженнингс, однако последним не всегда хватает чувствительности (<i>sensibility</i>), чтобы оценить объективно происходящее (<i>sense</i>) и быть более деликатными и тактичными знакомыми. Например, при получении Марианной письма от Уиллоби, миссис Дженнингс совершенно убеждена, что речь идёт о предстоящей свадьбе. Ей недостаёт чувствительности, чтобы понять по поведению обеих сестёр Дэшвуд, что приближается разрыв романтических отношений между Марианной и её возлюбленным...

⁶ Cossy V. Why Austen cannot be a “classique” in French: New Directions in the French Reception of Austen / Jane Austen Society of North America. 2010. Vol. 30. No. 2. // URL: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol30no2/cossy.html>

3	Миссис Феррарс, её дочь Фанни Дэшвуд, её супруг Джон Дэшвуд, а также леди Мидлтон.	Ряд состоятельных персонажей в романе считают и ощущают себя достойными членами элитных кругов светского общества с безупречной репутацией. Однако более объективному и более чувствительному (обладающему sensibility) наблюдателю (например, самому читателю или Элинор) становится очевидным истинный смысл (sense) происходящего: всё поведение этих персонажей и практически все их поступки продиктованы (возможно, подсознательно) внутренним эгоизмом. Драма этих людей в романе состоит в том, что им самим никогда не будет дано это почувствовать. Причиной неспособности данных персонажей увидеть подлинный, объективный смысл (sense) своей собственной природы является практически полное отсутствие в самой их природе чувствительности (sensibility).
4	Марианна Дэшвуд	В отличие от персонажей, указанных выше, Марианна, как принято считать, страдала не от недостатка, а от избытка чувствительности (sensibility) и как следствие практически всегда неверно истолковывала подлинное значение (sense) происходящего вокруг.
5	Элинор Дэшвуд, полковник Брэндон	Эти два персонажа оказались в одинаковом положении: их привязанность к предметам их любви была осторожной и скрытой. Полковник Брэндон считал, что у него нет шансов завоевать сердце юной Марианны, а Элинор периодически огорчалась и сомневалась в том, что чувства к ней Эдварда действительно сильны. Два самых разумных персонажа в романе не могли в силу своей чувствительности (sensibility) полностью увидеть истинный смысл (sense) объективно происходящего: судьба (в лице автора романа) позволила им встретить свою вторую половину.
6	Эдвард Феррарс	Чувствительность (sensibility) Эдварда лишь со временем позволила ему оценить объективный смысл (sense) своей юношеской помолвки: он оказался связан обещанием жениться на корыстной и честолюбивой Люси Стил.
7	Люси Стил	Через восприятие Элинор, чей уровень чувствительности (sensibility) помогает ей увидеть подлинный смысл (sense) происходящего, автор подчёркивает, что, несмотря на достаточно хорошие манеры, Люси Стил не смогла вовремя оценить и развить свои неплохие личные способности через образование. Она не замечала или не хотела замечать ограниченности собственного кругозора, так как ей не хватало чувствительности (sensibility) к подлинному смыслу (sense) собственной природы (обладающей неплохими задатками) и к объективной ценности хорошего образования.

Вывод

Возможно, одним из посланий автора в романе (наряду с традиционным воспитательным противопоставлением разума и чувств) было подчёркивание нередко решающей роли индивидуальной СТЕПЕНИ (отсутствия, недостатка, присутствия или избытка) субъективной чувствительности (sensibility) индивида в оценке смысла (sense) объективно происходящих в его жизни событий.

Если это так, то автор напоминает нам о вечной как мир истине: никто из людей не застрахован от искажений (вследствие своих сомнений, надежд и др.) в восприятии объективной действительности. В своём романе (и некоторых других своих произведениях) Дж. Остин многократно (и нередко иронично) иллюстрирует подобные трагикомичные недоразумения че-

ловеческой жизни: столкновение индивидуальных ожиданий личности и подлинного смысла происходящего.

Как известно, на столкновении субъективности человека и объективной реальности основаны вся человеческая жизнь и большинство художественных произведений.

Однако в данном случае мы говорим о возможном присутствии данного послания не только в сюжете, но и в самом названии произведения, наряду с традиционной трактовкой антитезы «sense and sensibility» как противопоставления разума и чувств.

Следует отметить, что ни один из рассматриваемых нами переводчиков романа не интерпретировал авторское послание как столкновение объективного смысла (sense) реальности и субъективной чувствительности (sensibility) индивида. Поэтому при изучении переводов названия романа мы не предпринимали попытки установления возможных связей (в том числе ассоциативных) между переводами названия и его дополнительного, гипотетически возможного смысла, описанного нами выше. Кроме того, сложно представить такой перевод названия романа, в котором одновременно сочетались бы оба смысла (противопоставление разума и чувств, а также противопоставление объективного смысла действительности и субъективной чувствительности индивида), как это имеет место (намеренно или случайно со стороны автора) в ИЯ.

Однако мы позволим себе предложить варианты перевода названия, в которых отражается лишь предложенное нами противопоставление объективного смысла реальности и субъективной чувствительности:

«Реальность и Ранимость»;

«Истина и Иллюзии»;

«Жизнь и Желания».

Мы заменили понятие субъективной чувствительности на ранимость в первом случае, а также на иллюзии и желания (как субъективные искажения в чувствительности персонажей) – во втором и третьем, с целью сохранить аллитерацию (повтор идентичной согласной/гласной в начале слов в названии, как это сделано автором в ИЯ). Мы не претендуем на эстетическое совершенство, научную ценность или адекватность данных версий перевода названия. Они лишь являются нашими решениями гипотетической задачи отражения противопоставления объективности и субъективности при переводе названия произведения на русский язык.

3.3. Сопоставление ключевых лексем sense/sensibility и макроконтекста романа с современными подходами к эмоциональному интеллекту. В своём традиционном понимании, воспитательный аспект в романе «Sense and Sensibility» выражен нравственным посланием автора, согласно которому человеку необходимо уметь подчинять свои чувства и эмоции разуму и здравому смыслу. Данный навык особенно необходим при социальном взаимодействии и является одним из показателей зрелости человеческой личности. Однако сегодня эта классическая точка зрения, дошедшая до нас в данном произведении Дж. Остин из Англии конца XVIII – начала XIX вв., может обрести новое прочтение в связи с современными тенденциями в понимании взаимодействия между разумом и эмоциями⁷.

В конце XX – начале XXI вв. в американской и западноевропейской психологии и культуре всё больше выдвигаются достоинства так называемого «эмоционального интеллекта» (англ. *emotional intelligence*) как «способности наблюдать за своими эмоциями и эмоциями других людей, распознавать и правильно определять различные эмоции, а также использовать эту информацию об эмоциях в качестве ориентира в мышлении и поведении» [Colman, 2015. P. 244]. В своей публикации 1990 г., которая является одним из самых известных источников по теории эмоционального интеллекта, исследователи П. Саловей⁸ и Дж. Майер выделили четыре его составляющие: 1) восприятие эмоций; 2) использование эмоций для стимуляции

⁷ Следует отметить, что современные теории эмоционального интеллекта подвергаются определённой критике со стороны специалистов в области психологии, однако в наши цели и компетенции не входит полная научная экспертиза данных современных теорий, а лишь анализ их соотношения с ключевыми лексемами в названии романа и его макроконтекстом.

⁸ Социальный психолог, ныне – действующий президент Йельского университета.

мышления; 3) понимание эмоций; 4) управление эмоциями [Salovey, Mayer, 1990. P. 185–211]. В классификациях других исследователей также фигурируют такие компоненты как эмпатия⁹ (сопереживание), самоуважение, социальная ответственность, стрессоустойчивость, контролирование импульсов, оценка действительности¹⁰ и т.д.

Следует подчеркнуть, что концепция эмоционального интеллекта как особой компетенции в области управления своими эмоциями не является единственным подходом к пониманию эмоционального интеллекта. Существуют и другие определения, полностью противопоставляющие эмоциональный интеллект рационально-логическому и научному мышлению. В своей работе, посвящённой восприятию человеком виртуальной и воображаемой реальности, Д. А. Поспелов отмечает, что для логики человеческого воображения (сознательно или неосознанно) характерен частичный либо полный отказ от фундаментальных законов абстрактной логики: закона противоречия, закона тождества, закона исключённого третьего, закона достаточного основания и т. д.¹¹ Восприятию человеком реальности через воображение и иррациональному эмоциональному интеллекту посвящено немало работ. Кроме того, именно на восприятие человеком реальности через эмоции направлены сегодня способы фильтрации, членения, структурирования и интерпретации реальности в электронных и печатных СМИ [Войскунский, 2001]¹².

Осознанное или неосознанное нарушение рациональных законов логики и восприятие ложной, возможно, намеренно искажённой другими членами социума реальности без критического анализа соответствуют спонтанным субъективным реакциям и нередко ложным выводам одной из главных героинь романа Марианны, с образом которой традиционно связана лексема *sensibility* в ключевой антитезе и макроконтексте рассматриваемого нами романа.

В то же время рассмотренная нами выше теория эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера соответствует поведению второй главной героини Элинон, с образом которой традиционно связана лексема *sense* в названии и макроконтексте романа. Ниже мы попытаемся это доказать с помощью примеров из сюжета романа и непосредственно лингвистического материала.

3.4. Эмоциональный интеллект и понятие *sense*. Прежде всего, отметим очевидное сходство эмоционального интеллекта как управления эмоциями с понятием *sense* и с поведением героини Элинон, с образом которой этот компонент традиционно ассоциируется в романе. Элинон распознавала в своей душе негативные переживания (п. 1 в классификации П. Саловея и Дж. Майера) и умела ими управлять (п. 4 там же), в том числе подавлять, во имя практических целей и здравого смысла.

Другой важный компонент эмоционального интеллекта «эмпатия» (п. 3 в классификации П. Саловея и Дж. Майера) кажется, на первый взгляд, близким понятию *sensibility* (а также сентиментализму в целом) и образу Марианны. Однако, внимательно анализируя содержание романа, можно заметить, что подлинное сочувствие (понимание тревог и забот окружающих, а также нежелание беспокоить их своими проблемами) постоянно проявляется со стороны Элинон, которая воплощает понятие *sense*. Дж. Остин показывает, что, находясь в стрессовых ситуациях, Элинон никогда не избегала обычного общения с семьёй, чем оберегала близких от тревог за себя, что наглядно демонстрирует её способность к эмпатии и к пониманию чувств и эмоций других людей.

Кроме того, Элинон умела создавать благоприятную эмоциональную атмосферу с целью успокоиться, то есть, была способна генерировать конструктивные, позитивные эмоции (использование эмоций и их стимуляция являются п. 2 в классификации П. Саловея и Дж. Майе-

⁹ В модели эмоционального интеллекта Д. Гоулмана.

¹⁰ Эти 5 пунктов входят в список 15 компонентов социального и эмоционального интеллекта Р. Бар-Она [Bar-On, 2006. P. 13–25].

¹¹ Поспелов Д. А. Где исчезают виртуальные миры? // Новости искусственного интеллекта. № 3. 2003. URL: <http://raai.org/library/library.shtml?ainewspapers>

¹² Дж. Престон даже разделила пространство телепередач соответственно шести факторам, позиционирующимся вдоль шкалы "Ориентация на реальность – Ориентация на фантазию" [Войскунский, 2001].

ра). После отъезда своего возлюбленного Эдварда она сразу села рисовать. Рисование не только является её любимым занятием в романе, но и создаёт достаточно размеренное настроение, способствующее спокойным размышлениям¹³. Регулярное обращение героини к этому занятию означает её умение создавать благоприятную эмоциональную атмосферу, чтобы спокойно размышлять о текущих проблемах.

В романе присутствует очень много подтверждений описанных выше особенностей характера и поведения Элинора. В качестве лингвистического материала, доказывающего наше утверждение об их соответствии основным принципам теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера, мы приведём в табл. 2 два наиболее наглядных примера – общую характеристику персонажа от самого автора и пример типичного поведения Элинора в стрессовых ситуациях.

Таблица 2

Лингвистические примеры соответствия между образом
Элинора Дэшвуд и принципами теории эмоционального интеллекта

I. Общая характеристика персонажа	
Оригинал Дж. Остин (гл. I)	Предлагаемый нами вариант перевода
Elinor, this eldest daughter, whose advice was so effectual, possessed a strength of understanding , and coolness of judgment , which qualified her, though only nineteen, to be the counsellor of her mother, and enabled her frequently to counteract, to the advantage of them all, that eagerness of mind in Mrs. Dashwood which must generally have led to imprudence. She had an excellent heart;—her disposition was affectionate , and her feelings were strong ; but she knew how to govern them: it was a knowledge which her mother had yet to learn; and which one of her sisters had resolved never to be taught.	Элинора, старшая дочь, чей совет был столь действенным, обладала немалой проницательностью и умением рассуждать спокойно , что делало её, в возрасте всего девятнадцати лет, способной давать советы своей матери и часто сдерживать, к их общему благу, душевную порывистость миссис Дэшвуд, обычно приводившую к неосмотрительным поступкам. Элинора была человеком превосходных душевных качеств; она была любящей и заботливой по характеру , её чувства были сильными , но она знала, как ими управлять . Это было умение , которому её матери ещё предстояло научиться, и которому одна из её сестёр решила не учиться никогда.
II. Способность адекватно управлять эмоциями в состоянии стресса	
Оригинал Дж. Остин (гл. 19)	Предлагаемый нами вариант перевода
Elinor sat down to her drawing-table as soon as he was out of the house, busily employed herself the whole day , neither sought nor avoided the mention of his name, appeared to interest herself almost as much as ever in the general concerns of the family , and if, by this conduct, she did not lessen her own grief, it was at least prevented from unnecessary increase, and her mother and sisters were spared much solicitude on her account.	Элинора села за свой стол для рисования, как только он покинул дом, и находила для себя занятия весь день . Она не искала, но и не избегала упоминания его имени, и столь же много времени, сколь и всегда, уделяла привычным семейным хлопотам по дому . И такой настрой помог ей если и не уменьшить свою печаль, то, по крайней мере, не дать ей усугубиться, а её мать и сёстры были ограждены от тревог на её счёт.

¹³ В современной динамичной жизни, нередко вызывающей стресс, рисование (и особенно раскрашивание) даже стало одним из видов медитации для взрослых людей: появились специальные раскраски различных форматов (в том числе для электронных устройств – компьютеров, ноутбуков, смартфонов) и др.

В общей характеристике персонажа мы выделили особым шрифтом тот фрагмент, в котором прямо упоминается способность управлять (*govern* в ИЯ) чувствами и эмоциями. Автор романа называет эту способность знанием (*knowledge* в ИЯ), мы в своём переводе на русский язык использовали эквивалент «умение». В любом случае самым важным здесь является подчёркивание автором романа данной способности управлять чувствами как особой компетенции, которой можно владеть в той или иной степени. Это соответствует положениям теории эмоционального интеллекта как управления эмоциями.

3.5. Эмоциональный интеллект и понятие *sensibility*. Что касается понятия *sensibility*, которое традиционно ассоциируется с образом Марианны, то эта героиня, в силу своей неопытности, спонтанно и полностью отдавалась любым эмоциям, не стараясь их анализировать или регулировать. И мы видим, что такие черты эмоционального поведения не согласуются с принципами современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

Как и в случае с образом Элинор Дэшвуд, в романе присутствует очень много подтверждений описываемых нами особенностей характера и поведения Марианны. В качестве лингвистического материала, доказывающего наше утверждение об их несоответствии основным принципам теории эмоционального интеллекта, приведём в табл. 3 два наиболее наглядных примера: общую характеристику персонажа от самого автора и пример типичного поведения Марианны в стрессовых ситуациях.

Таблица 3

Лингвистические примеры несоответствия между образом Марианны Дэшвуд и принципами теории эмоционального интеллекта

I. Общая характеристика персонажа	
Оригинал Дж. Остин (гл. 1)	Предлагаемый нами вариант перевода
Marianne's abilities were, in many respects, quite equal to Elinor's. She was sensible and clever; but eager in everything: her sorrows, her joys, could have no moderation. She was generous, amiable, interesting: she was everything but prudent.	Способности Марианны были, во многих отношениях, равны достоинствам Элинор. Она была чувствительна и умна, но порывиста во всём: её огорчения, её радости не знали меры. Она умела быть великодушной, дружелюбной, интересной: какой угодно, но только не осмотрительной.
II. Неспособность адекватно управлять эмоциями в состоянии стресса	
Оригинал Дж. Остин (гл. 16)	Предлагаемый нами вариант перевода
Marianne would have thought herself very inexcusable had she been able to sleep at all the first night after parting from Willoughby. She would have been ashamed to look her family in the face the next morning, had she not risen from her bed in more need of repose than when she lay down in it. But the feelings which made such composure a disgrace, left her in no danger of incurring it. She was awake the whole night, and she wept the greatest part of it. She got up with a head-ache, was unable to talk, and unwilling to take any nourishment; giving pain every moment to her mother and sisters, and forbidding all attempt at consolation from either. Her sensibility was potent enough!	Марианна не простила бы себе, если бы смогла уснуть хоть на миг в первую ночь после разлуки с Уиллоуби. Ей было бы стыдно посмотреть своей семье в глаза на следующее утро, если бы она не встала с постели, несмотря на то, что нуждалась в отдыхе ещё больше, чем когда ложилась в неё. Но чувства, в сравнении с которыми спокойствие казалось ей позором, не позволили ей иного. Марианна не спала всю ночь и провела большую её часть в рыданиях. Встав с головной болью, она была не в силах ни говорить, ни есть, ежеминутно причиняя боль матери и сёстрам и отклоняя любые их попытки утешить её. Так сильна была её чувствительность!

When breakfast was over she walked out by herself, and wandered about the village of Allenham, indulging the recollection of past enjoyment and crying over the present reverse for the chief of the morning.

The evening passed off in the equal indulgence of feeling. She played over every favourite song that she had been used to play to Willoughby, every air in which their voices had been oftenest joined, and sat at the instrument gazing on every line of music that he had written out for her, **till her heart was so heavy that no farther sadness could be gained; and this nourishment of grief was every day applied.** She spent whole hours at the piano-forté alternately singing and crying; her voice often totally suspended by her tears. In books too, as well as in music, she courted the misery which a contrast between the past and present was certain of giving. She read nothing but what they had been used to read together.

Such violence of affliction indeed could not be supported for ever; it sunk within a few days into a calmer melancholy; but these employments, to which she daily recurred, her solitary walks and silent meditations, **still produced occasional effusions of sorrow as lively as ever.**

После завтрака Марианна отправилась на прогулку в одиночестве и бродила вокруг деревушки Алленем, предаваясь воспоминаниям о былых радостях и почти всё утро оплакивая столь безрадостное настоящее.

В течение всего вечера Марианна предавалась тем же чувствам. Она снова и снова пела все свои любимые песни, которые раньше исполняла для Уиллоби, все те арии, в которых их голоса часто сливались воедино, и, сидя за инструментом, всматривалась в каждую строку нотных записей, сделанных для неё Уиллоби, **пока, наконец, у неё на сердце не стало так тяжело, что оно уже не могло наполниться большей печалью.** Полная горечи пища преподносилась ему **каждый день.** Марианна проводила целые часы за фортепиано, то наигрывая песни, то рыдая, и слёзы не раз прерывали её пение. В книгах так же, как и в музыке, она искала ту печаль, которая порождается контрастом между прошлым и настоящим. Она не читала ничего, кроме того, что они когда-то читали вместе.

Столь неистовое горе нельзя было выносить вечно; через несколько дней она погрузилась в более тихую меланхолию, но ежедневные прогулки в одиночестве и безмолвные размышления продолжились, **время от времени приводя к столь же бурным проявлениям, что и раньше.**

В общей характеристике персонажа мы выделили особым шрифтом те фрагменты, в которых автор упоминает отсутствие каких-либо усилий со стороны Марианны по сдерживанию своих эмоций.

В отличие от сестры Марианна не умела создавать благоприятную эмоциональную атмосферу для решения практических задач: например, для борьбы со стрессом. В отличие от Элинор, севшей рисовать и находившей себе постоянные занятия после ухода Эдварда, Марианна во время разлуки со своим возлюбленным стимулирует негативные переживания вместо формирования конструктивного эмоционального настроения. Подобное поведение не соответствует основным принципам современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

Рассматривая компонент эмоционального интеллекта «эмпатия», отметим, что со стороны Марианны умение сопереживать ограничивалось лишь чувствительностью по отношению к произведениям искусства (музыке, литературе) или красотам природы, а после разочарования в первой любви – жалостью исключительно к себе. Она не чувствовала, что её депрессия вызывает стресс у самых близких ей людей и поэтому не пыталась управлять эмоциями или сдерживать их, как это делала Элинор. До своего преобразования в более зрелую личность, направляемую здравым смыслом *sense*, Марианна в своих социальных взаимодействиях прак-

тически не проявляла подлинного сочувствия к людям¹⁴ и позволяла себе о них достаточно резкие высказывания. Лишённая подлинного умения сопереживать (что не согласуется с теорией эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера), Марианна, тем не менее, считала себя истинно чувствительной натурой, следуя моде на сентиментализм.

Таким образом, компонент *sensibility* (рассматриваемый именно в образе Марианны) в романе является не воплощением эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера, а скорее лишь гибридом юношеской незрелости (идеализм, максимализм, эгоизм) и увлечения сентиментализмом с бросающимся в глаза юношеским отсутствием подлинного сочувствия к людям, хотя сопереживание обычно является традиционной чертой сентиментализма. Даже сентиментализм в его классическом понимании (т.е. включающий эмпатию и сопереживание) отличается от современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера уже в своём самом ключевом положении. Сентиментализм провозглашает высвобождение чувств и следование им в качестве ориентира вместо разума, в то время как в теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера подчёркивается, что эмоции являются лишь инструментами и источниками информации для решений разума.

Тем не менее, помимо сопереживания у сентиментализма и эмоционального интеллекта есть ещё один общий компонент – способность влиять на аудиторию через эмоции. Умение манипулировать открыто подчёркивается теоретиками эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера. В исследовании П. Саловея уточняется, что управление эмоциями включает в себя управление не только своими эмоциями, но и чужими [Salovey, Grewal, 2005. Р. 282]. В качестве примера успешного владения компетенциями эмоционального интеллекта приводится следующий пример. Гипотетический политический деятель (при этом авторами уточняется гендерный признак: женщина) может увеличить эмоциональную интенсивность своего гнева во время выступления, чтобы донести до аудитории своё послание и вызвать у неё «справедливый» (*righteous*, по словам авторов) гнев. Таким образом, современные исследователи допускают открытую манипуляцию с целью вызвать эмоции (в том числе, по их мнению, «справедливо» негативные и даже агрессивные) как одно из успешных, на их взгляд, проявлений эмоционального интеллекта. Данный пример очень напоминает то, что англичане в эпоху жизни Дж. Остин считали одним из следствий сентиментализма, часто апеллирующего к чувствам аудитории. В их глазах именно культ порывов сердца стал одной из причин анархии и трагических событий во время революции во Франции [Goubert, 2013. Р. 470-472]. В те времена сентиментализм в литературе и в искусстве в целом стал вызывать к себе настороженное отношение со стороны цензоров и блюстителей нравственности как способная манипулировать эмоциями сила.

Сентиментализм и теория эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера имеют два общих компонента – эмпатия (сопереживание) и манипуляция, отражающие два контрастных подхода к эмоциям окружающих людей. При этом в контексте рассматриваемого романа эти две общие с эмоциональным интеллектом черты сентиментализма не имеют явного выражения в понятии *sensibility* (в той его форме, которая воплощена в образе Марианны).

Доказав, что современная теория эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера соответствует образу Элинон (и лексеме *sense*), а не образу Марианны (и лексеме *sensibility*), напомним о второй, ранее рассмотренной, интерпретации эмоционального интеллекта как сознательного или неосознанного (при этом полного либо частичного) отказа от традиционных законов логики. Данное определение отражает психологически незрелое восприятие окружающего мира Марианной. В сюжете романа её эмоциональная импульсивность (отражённая в лексеме *sensibility*) нередко подводит её в правильном понимании причинно-следственных и иных логических связей, существующих в объективной реальности.

Пример субъективной (и во многом решающей в её жизни) интерпретации реальности Марианной вопреки принципам рациональной логики можно найти в гл. 29 (табл. 4). Элинон

¹⁴ Автор романа систематически и последовательно демонстрирует это через отношение Марианны к людям: полковнику Брэндону, к миссис Дженнингс, к гипотетической «старой деве» 27 лет и т.д.

слышит от Марианны признание, что та продолжала любить Уиллоби и даже писать ему романтические письма, хотя он никогда не заключал с ней помолвку и даже никогда не говорил, что любит её. При этом Марианна парадоксально считает, что факт отсутствия помолвки (несмотря на пылкие ухаживания) вовсе не выставляет Уиллоби в негативном свете, ведь таким образом при их разрыве он не нарушил никаких обещаний...

Таблица 4

Лингвистический пример эмоционального интеллекта
как нарушения законов логики в поведении героини романа Марианны

Оригинал Дж. Остин (гл. 29)	Предлагаемый нами вариант перевода
"...Much as you suffer now, think of what you would have suffered if the discovery of his character had been delayed to a later period—if your engagement had been carried on for months and months, as it might have been, before he chose to put an end to it. Every additional day of unhappy confidence, on your side, would have made the blow more dreadful."	...Сейчас ты сильно страдаешь, но представь, как бы тебе было больно, если бы он показал своё истинное лицо гораздо позже, если бы ваша помолвка длилась долгие месяцы (как это и могло произойти) перед тем, как он решил бы положить ей конец. Каждый твой новый день, прожитый в напрасной надежде, сделал бы этот удар ещё более сильным.
"Engagement!" cried Marianne, "there has been no engagement."	– Помолвка! – воскликнула Марианна. – Никакой помолвки не было.
"No engagement!"	– Никакой помолвки?!
"No, he is not so unworthy as you believe him. He has broken no faith with me. "	– Нет, он не так низок, как ты думаешь. Он не нарушил никаких обещаний по отношению ко мне.
"But he told you that he loved you?"	– Но он говорил тебе, что любит тебя?
"Yes—no—never absolutely. It was every day implied, but never professedly declared. Sometimes I thought it had been—but it never was."	– Да... нет... никогда с определенностью. Это каждый день подразумевалось, но никогда не было открытым признанием. Иногда мне казалось, что это произошло, но фактически этого не было.

В качестве лингвистического материала, доказывающего наш вывод, можно привести многочисленные очевидные примеры из романа, однако представить их здесь в полном объёме не представляется нам возможным.

3.6. Выводы по сопоставлению ключевых лексем *sense/sensibility* и макроконтраста романа с современными теориями эмоционального интеллекта. Именно понятие *sense* (не *sensibility*) в контексте романа близко и практически идентично четырём основным элементам классификации эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

При этом понятие *sensibility* в романе, как мы показали выше, соответствует более радикальному определению эмоционального интеллекта как противоположности рациональной логике.

4. Заключение. В данной статье мы сформировали необходимый теоретический материал, посвящённый возможным интерпретациям антитезы «Sense and Sensibility», который послужит опорой при нашем дальнейшем изучении новых переводов данного романа Дж. Остин

на французский и русский языки. Мы не только обобщили традиционные интерпретации рассматриваемой антитезы, но и предложили (в качестве практической части нашей работы) новые подходы к пониманию противопоставления *sense* и *sensibility* в данном произведении.

Во-первых, компонент *sense* можно понимать не только как разум или здравый смысл индивида, но также и как смысл (*sense*) объективной реальности в его соотношении с большей или меньшей степенью субъективной чувствительности (*sensibility*) индивида. Несмотря на присутствие в романе немалого количества примеров несоответствий между реальностью и способностью персонажей её почувствовать, данная версия возможной интерпретации рассматриваемой антитезы, очевидно, ещё не была изучена исследователями.

Во-вторых, мы сопоставили антитезу «*Sense and Sensibility*» с основными принципами современных теорий эмоционального интеллекта.

Мы выявили, что сама сущность классического нравственного послания с течением времени осталась актуальной и близкой (и даже лежит в основе) современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

Однако в отличие от воспитательного и поэтому нравственно одухотворённого послания романа, в самих формулировках современного взгляда на взаимодействие разума и эмоций достаточно явно выражены прагматичный (до некоторой степени потребительский) подход к своим и чужим эмоциям, а также допущение манипуляции чужими эмоциями с целью достижения успеха в социуме. В многочисленных определениях и классификациях эмоционального интеллекта использование эмоций пропагандируется (открыто и прямо) в качестве источника информации с целью решения практических задач и улучшения коммуникации с другими представителями социума, что способствует широкому распространению этого концепта.

Возьмём на себя смелость предположить, что возрастанию актуальности современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера в немалой степени способствуют также лежащие глубоко в её основе и проверенные временем истины, отражённые когда-то Дж. Остин в её романе «*Sense and Sensibility*». Завершая данное сопоставление, позволим себе вспомнить известную народную мудрость: «Всё новое – это хорошо забытое старое».

Тот факт, что классическая этика следования разуму из английского романа конца XVIII – начала XIX вв. и зародившаяся в XX в. в США теория эмоционального интеллекта имеют общие основания, можно рассматривать как явление межкультурной коммуникации и переосмысление одних и тех же принципов поведения двумя различными менталитетами. Каждый из них привносит в их понимание свой собственный национальный колорит, а также дух соответствующей эпохи. Возможно, позже мы продолжим исследования и в этом направлении, помимо нашего основного предмета – лингвистических особенностей новых переводов романа Дж. Остин «*Sense and Sensibility*» на французский и русский языки.

Список литературы

- Austen J.* *Sense and Sensibility*. Penguin Books, 2014. 381 p.
- Baker W.* *Critical Companion to Jane Austen: A Literary Reference to Her Life and Work*. Infobase Publishing, 2008. 644 p.
- Bar-On R.* The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI) // *Psicothema*, 18. 2006. P. 13–25.
- Colman A. M.* *A Dictionary of Psychology*. Oxford University Press, 2015. URL: <https://books.google.ru/>
- Cossy V.* *Jane Austen in Switzerland: A Study of the Early French Translations*, Genève, Slatkine, 2006. 336 p.
- Goubert P.* Notice. // *Le Coeur et La Raison*. Paris: Gallimard, 2013. P. 469–487.
- Jordis Ch.* Préface. // *Le Coeur et La Raison*. Paris: Gallimard, 2013. P. 7–37.
- Marshall Ch.* Dull elves and feminists: A summary of Feminist Criticism of Jane Austen // *Journal of the Jane Austen Society of North America – Persuasions* 14. 1992. P. 39–45.

Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava, no. 23 (2015): 41–51.

Salovey P., Grewal D. The Science of Emotional Intelligence // Current Directions in Psychological Science. Vol. 14, No. 6. American Psychological Society, 2005. P. 281–285.

Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality, 9. 1990. P. 185–211.

Бобылева Т. В. Анализ переводов названия романа Джейн Остин «Sense and Sensibility» на французский язык // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 76–95.

Бобылева Т. В. Анализ переводов названия романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на русский язык // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 116–126.

Войскунский А. Е. Метафоры Интернета. // Вопр. философии. 2001. № 11. С. 64–79.

Материал поступил в редколлегию 13.06.2018

Tatiana V. Bobyleva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

tanvbob2018@gmail.com

NEW AND TRADITIONAL APPROACHES TO INTERPRETATION OF THE ANTITHESIS *SENSE AND SENSIBILITY* IN THE TITLE OF J. AUSTEN'S NOVEL

The purpose of analyzing possible interpretations of the antithesis *Sense and Sensibility* in the title of J. Austen's novel is to provide a theoretical basis for the author's broader research. Presented also in other articles, the entire study is devoted to the analysis of different interpretations of the antithesis in French and Russian translations: both in the title and in the main message (macrocontext) of the novel. As a practical part of the research, the author presents in the current article her own arguments related to possible new interpretations of the antithesis. Namely: 1) hypothesis about a dual nature in the meaning of the antithesis itself: not only the traditional opposition "reason vs. feelings", but also the *sense* of objective reality vs. individual's subjective *sensibility*; 2) comparison of the moral message of the novel (opposition "reason vs. feelings" in favor of the merits of reason) and modern theories of emotional intelligence. The author tries to prove that the four-branch model of emotional intelligence by P. Salovey and J. Mayer is based on the classic message – the merits of reason, however completed with commercial and pragmatic aspects. In addition, this new interpretation of the antithesis (*sense* of objective reality vs. individual's subjective *sensibility*) is complemented by the author with her own possible Russian versions of the novel title, reflecting the new meaning and at the same time preserving the alliteration that the English original has.

Keywords:, emotional intelligence, English, Jane Austen, sense

References

- Austen J. *Sense and Sensibility*. Penguin Books, 2014, 381.
 Baker W. *Critical Companion to Jane Austen: A Literary Reference to Her Life and Work*. Infobase Publishing, 2008. 644 p.
 Bar-On R. The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI) // *Psicothema*, 18. 2006. P. 13-25.

Collins I. Jane Austen and the Clergy. A&C Black, 2003. URL: <https://books.google.ru/>

Colman A. M. A Dictionary of Psychology. Oxford University Press, 2015. URL: <https://books.google.ru/>

Cossy V. Jane Austen in Switzerland: A Study of the Early French Translations, Genève, Slatkine, 2006. 336 p.

Cossy V. Why Austen cannot be a “classique” in French: New Directions in the French Reception of Austen / Jane Austen Society of North America. - 2010. – Vol. 30. – No. 2. // URL: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol30no2/cossy.html>

Doody M., Lamont C. Introduction // Sense and Sensibility. Oxford: Oxford University Press, 2008. 327 p. URL: <https://books.google.ru/>

Goossen L. La représentation de la condition féminine dans Sense and Sensibility de Jane Austen et dans deux traductions: Raison et Sensibilité par Isabelle de Montolieu et Le Coeur et la Raison par Pierre Goubert. Mémoire de master. – 2016 - Université Radboud // URL: <http://theses.uibn.ru.nl/bitstream/handle/123456789/1963/Goossen,%20L.H.%204243641.pdf>

Goubert P. Notice. // Le Coeur et La Raison. Paris: Gallimard, 2013. pp. 469-487.

Jordis Ch. Préface. // Le Coeur et La Raison. Paris: Gallimard, 2013. pp. 7-37.

Marshall Ch. Dull elves and feminists: A summary of Feminist Criticism of Jane Austen // Journal of the Jane Austen Society of North America – Persuasions 14, (1992), pp. 39-45.

Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d’Antoine Berman jusqu’à présent. Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava, no. 23 (2015): 41–51.

Salovey P., Grewal D. The Science of Emotional Intelligence // Current Directions in Psychological Science. Vol. 14, No. 6. American Psychological Society, 2005. P. 281-285.

Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality, 9. 1990. P. 185–211.

Wolf A. Translation, Adaptation, Inscription: Displacing God in Austen’s Sense and Sensibility. Montréal: Les Presses de l’Université de Montréal, 2011. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2011-v56-n4-meta0154/1011257ar.pdf>

Bobyleva Tatiana V. Analysis of Russian Translations of Jane Austen Novel’s Title «Sense and Sensibility». Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2018, vol. 16, no. 3, p. 116–126. (in Russ.)

Bobyleva T. V. Analysis of French Translations of Jane Austen's Novel Title Sense and Sensibility. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2018, vol. 16, no. 1, p. 76-95. (In Russ.)

Voiskunskii A. E. Metaforý Interneta [The Internet metaphors]. // Voprosy filosofii, № 11, 2001, s. 64-79. (In Russ.)

Pospelov D. A. Gde ischezaiut virtual'nye miry? [Where the virtual worlds end?] // Novosti iskusstvennogo intellekta, № 3, 2003. URL: <http://raai.org/library/library.shtml?ainewspapers> (In Russ.)

Кафедра межкультурной коммуникации Новосибирского государственного университета сообщает о выходе новой электронной книги по методологии перевода:

Ф 459

Фефелов, А. Ф.

Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума): монография / А. Ф. Фефелов; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. — 390 с. Электронное издание. ISBN 978-5-4437-0736-5

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. Т. Г. Пшенкина; д-р филол. наук, доцент Мишель Дебрени

Т. Г. Пшенкина: «...собранные воедино в новой книге известные проблемы получают целостное, более последовательное и глубокое осмысление. Это достигается не только благодаря богатому теоретическому багажу автора, его внимательному, вдумчивому, критическому прочтению первоисточников, их сугубо индивидуальной интерпретации и яркому полемическому дару. Этому также способствует удачно подобранный иллюстративный материал, в большинстве случаев сопровождаемый тонкими наблюдениями и убедительными аргументами в пользу выбора стратегий (методологии анализа) и тактик (определяемых непосредственными моментами и приёмами) для принимаемых автором переводческих решений и / или анализа выполненных переводов».

«Для А.Ф. Фефелова как сторонника стандартной теории лингвистического и текстоцентрического перевода важное значение для построения целостной переводческой теории имеет представление о качестве перевода в терминах формально-содержательной эквивалентности, воплощённое в двух тесно сосуществующих понятиях эквивалентности и адекватности».

Мишель Дебрени: «Даже если мы не во всем согласимся с автором, мы тем не менее считаем, что данное произведение, написанное в исключительно в авторском стиле, займет свое место в российском теоретическом переводеведении. ... Отдельно рассмотрены такие теоретические вопросы как этносемантическая рефракция, переводимость культуры и автоперевод. ... местами глубоко философское исследование А. Ф. Фефелова окажется слишком сложным для бакалавров. А прочие любители настоящей филологии получают истинное удовольствие от чтения этого поистине удивительного исследования. Где еще можно увидеть упоминание такого редчайшего явления как патафизический перевод?».

Монография выложена в электронной библиотеке НГУ / Электронные издания НГУ / раздел «Филологические науки» (<http://e-lib.nsu.ru/dsweb/View/ResourceCollection-116>). Точный адрес книги: http://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site

Режим доступа: свободный, без регистрации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бобылева Татьяна Валерьевна** — аспирант кафедры романо-германской филологии ГИ, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
- Власов Михаил Сергеевич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, начальник управления научно-исследовательской деятельности Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина, г. Бийск
- Волков Кирилл Васильевич** — преподаватель кафедры № 40 (дальневосточных языков) ФГ-КБОУ ВО «Военный университет», г. Москва
- Готовцева Лина Митрофановна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
- Грицко Мария Игоревна** — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск
- Громогласова Татьяна Игоревна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ), г. Новосибирск
- Данилова Надежда Ивановна** — доктор филологических наук, зав. отделом якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
- Павлов Владимир Иванович** — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры европеистики Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор (Их сургуулийн гудамж - 1, Бага тойруу, Сүхбаатар дүүрэг)
- Палкин Алексей Дмитриевич** — доктор филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
- Репнина Татьяна Владимировна** — аспирант Института лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН), г. Санкт-Петербург
- Сафонова Мария Александровна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
- Симатова Софья Андреевна** — аспирант, ассистент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета, г. Москва
- Соснин Алексей Владимирович** — кандидат филологических наук, доцент Департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород
- Ундармаа Даваа** — преподаватель Института иностранных языков и культуры Ховдского государственного университета (Монголия, г. Ховд, Ш/Х-16/4300, Жаргалант сум); аспирант Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В. М. Шукшина, г. Бийск
- Чубур Татьяна Алексеевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж
- Яковлев Андрей Александрович** — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие *резюме статьи* на русском и английском языках (по 5–7 предложений), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова на двух языках, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

М. А. Кузьмина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mash_room@mail.ru*

РУССКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ АБСТРАКТНАЯ АДЪЕКТИВНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений русской и итальянской адъективной метафоризации на основе номинаций «абстрактных» признаков объектов. Выявляются наиболее регулярные направления метафорического переноса, отмечаются общие и специфические черты метафорообразования в двух языках.

Ключевые слова: адъективная метафора, метафоризатор, направление метафоризации.

Основной текст статьи
Список литературы
(в алфавитном порядке без нумерации)
Список словарей
Список источников

Материал поступил в редколлегию 25.09.2006

М. А. Kuzmina

THE RUSSIAN AND ITALIAN ABSTRACT ADJECTIVAL METAPHORIZATION

The paper presents semantic comparison and analysis of Russian and Italian adjectival metaphorization tenors, the vehicles and metaphors both being abstract nominations. By revealing of the most regular tenors, common and specific metaphorization features are demonstrated.

Keywords: adjectival metaphor, vehicle, metaphorization tenor.

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильин Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // *Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой.* М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // *Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та.* 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2008. Т. 6, вып. 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // *Сибирский филологический журнал.* 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. *Старославянский язык: Учеб. пособие.* М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотографии) следует предоставлять в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Рекомендуемый размер фотографий 100 × 150 мм.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого

качества на белой бумаге. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы мож-

но посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в Вестнике НГУ серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала. Тезисы для конференции не публикуются в научных журналах перечня ВАК.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18285 в каталоге ОАО «Роспечать»